

Том 5 · # 4 · 2020

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА · 2020

Vol. 5 · # 4 · 2020

**URBAN
STUDIES
AND PRACTICES**

MOSCOW · 2020

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

Учредитель:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ»

Позиция редакции
может не совпадать
с мнением авторов.
Перепечатка материалов
возможна только
по согласованию
с редакцией.

Журнал зарегистрирован
21 июля 2016 г. Федеральной
службой по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций. Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77 - 66568

РИНЦ
EBSCO
КиберЛенинка
Google Scholar
East View

**Адрес редакции
фактический:**
101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 13,
стр. 4, оф. 416
почтовый: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20
тел.: +7 495 772-95-90*12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

**Адрес издателя
и распространителя
фактический:**
117418, Москва,
ул. Профсоюзная, д. 33, корп. 4
Издательский дом ВШЭ
почтовый: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20
НИУ ВШЭ
тел.: +7 495 772-95-90*15298,
e-mail: id@hse.ru

ФАКУЛЬТЕТ ГОРОДСКОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ
Том 5 · # 4 · 2020

Главный редактор
АНАШВИЛИ В.В. (РАНХиГС, Российская Федерация)

Научные редакторы
ДАНИЛОВ В.Н. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация)
СМИРНОВ А.А. (РАНХиГС, Российская Федерация)

Редактор-составитель
ГРИГОРИЧЕВ К.В. (ИГУ, Российская Федерация)

Редакционная коллегия
ВАРШАВЕР Е.А. (РАНХиГС, Российская Федерация)
ГАВРИЛОВА С.А. (Институт региональной географии им. Лейбница, Германия)
КОТОВ Е.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
РОЧЕВА А.Л. (РАНХиГС, Российская Федерация)

Ответственный секретарь
КОДЗОКОВА Д.Р. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет
БЛИНКИН М.Я. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
АСС Е.В. (МАРШ, Российская Федерация)
ЗАМЯТИН Д.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ЗАПОРОЖЕЦ О.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ИЛЬИНА И.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КИЧИГИН Н.В. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КОЛОКОЛЬНИКОВ А.Б. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КОРДОНСКИЙ С.Г. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КУРЕННОЙ В.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КОСАРЕВА Н.Б. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КРАШЕНИННИКОВ А.В. (МАРХИ, Российская Федерация)
НИКОЛАЕВ В.Г. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ПУЗАНОВ А.С. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
РЕВЗИН Г.И. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
РУБЛ Б. (Международный научный центр имени Вудро Вильсона, США)
САФАРОВА М.Д. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
СИВАЕВ С.Б. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ТРУТНЕВ Э.К. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ХЕЙНЕН Н. (Университет Джорджии, США)
ШОМИНА Е.С. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Заведующая редакцией — Лаврик А.А.
Литературный редактор — Писарев А.А.
Редактор английских текстов — Конноли Д.
Корректор — Редькина Т.В.
Верстка и обложка — Меерсон А.В.
Дизайн обложки — Зиновьев С.Д.
Фото на обложке — Яковлев О.И.

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

Publisher:
NATIONAL
RESEARCH
UNIVERSITY
**HIGHER SCHOOL
OF ECONOMICS**

The editorial position does not necessarily reflect the authors views. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited.

The journal is registered July 21, 2016 in the Federal Service for Supervision in the Area of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration of mass media PI No. FS 77 - 66568

RSCI
EBSCO
CyberLeninka
Google Scholar
East View

Address:
National Research University
Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow,
101000, Russian Federation
tel: +7 495 772-95-90*12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

FACULTY OF URBAN AND REGIONAL DEVELOPMENT

URBAN STUDIES AND PRACTICES
Vol. 5 · # 4 · 2020

Editor-in-Chief
VALERY ANASHVILI (*RANEPA, Russian Federation*)

Science Editors
VYACHESLAV DANILOV (*MSU, Russian Federation*)
ARTEM SMIRNOV (*RANEPA, Russian Federation*)

Compiling Editor
KONSTANTIN GRIGORICHEV (*ISU, Russian Federation*)

Editorial Board
ANNA ROCHEVA (*RANEPA, Russian Federation*)
EGOR KOTOV (*HSE University, Russian Federation*)
EVGENY VARSHAVER (*RANEPA, Russian Federation*)
SOFIA GAVRILOVA (*Leibniz Institute for Regional Geography, Germany*)

Executive secretary
DIANA KODZOKOVA (*HSE University, Russian Federation*)

Editorial Council
MICHAEL BLINKIN (*HSE University, Russian Federation*)
EUGENE ASSE (*MARCH, Russian Federation*)
NIK HEYNEN (*University of Georgia, USA*)
IRINA ILINA (*HSE University, Russian Federation*)
NIKOLAY KICHIGIN (*HSE University, Russian Federation*)
ANDREY KOLOKOLNIKOV (*HSE University, Russian Federation*)
SIMON KORDONSKY (*HSE University, Russian Federation*)
NADEZHDA KOSAREVA (*HSE University, Russian Federation*)
ALEXEY KRASHENINNIKOV (*Moscow Institute of Architecture, Russian Federation*)
VITALY KURENNOY (*HSE University, Russian Federation*)
VLADIMIR NIKOLAEV (*HSE University, Russian Federation*)
ALEXANDER PUZANOV (*HSE University, Russian Federation*)
GRIGORY REVZIN (*HSE University, Russian Federation*)
BLAIR RUBLE (*Woodrow Wilson International Center for Scholars, USA*)
MARIYA SAFAROVA (*HSE University, Russian Federation*)
ELENA SHOMINA (*HSE University, Russian Federation*)
SERGEY SIVAEV (*HSE University, Russian Federation*)
EDOUARD TRUTNEV (*HSE University, Russian Federation*)
DMITRY ZAMYATIN (*HSE University, Russian Federation*)
OKSANA ZAPOROZHETS (*HSE University, Russian Federation*)

Editorial management — Anna Lavrik
Editor — Alexander Pisarev
English language editor — David Connolly
Proofreader — Tatyana Red'kina
Layout and cover — Anastasia Meyerson
Cover design — Sergey Zinoviev
Cover photo — Oleg Yakovlev

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРОВ

7/ КОНСТАНТИН ГРИГОРИЧЕВ

Постсоциалистическая пригородная революция: российский колорит

16/ АНАТОЛИЙ БРЕСЛАВСКИЙ

Кто и как изучает пригороды крупных городов в современной России?

35/ РУСЛАН ДОХОВ, ИВАН АЛОВ, ДАРЬЯ ШУБИНА, МАКСИМ ВОЛКОВ,
ВЛАДИМИР МАЦУР, ТАТЬЯНА УМНОВА, АННА ШЕРСТНЕВА

Пространственные структуры постсоциалистических пригородов: функциональные и социальные центры субурбии Махачкалы

54/ АЛЬБИНА АНДРЕЕВА, НАТАЛИЯ ИВАНОВА, ЕВГЕНИЙ ВАРШАВЕР

Являются ли Котельники этномиграционным анклавом? Кейс-стади города-спутника Москвы на предмет этномиграционных характеристик его жителей

73/ ЕЛЕНА ПОТАПЧУК

Изменение значения дачи в пригородно-городском пространстве (по материалам хабаровских СМИ 2010–2020 гг.)

87/ ЕЛЕНА ТИНИКОВА

Урбанизация в Хакасии в постсоветский период: основные векторы развития

103/ ЭТИБАР БАДАЛОВ

Агломерация Азербайджана: тенденции демографического и социально-экономического развития

112/ АДРИЕНН ЧИЗМАДИ, ГАБОР ЧАНАДИ

Пространственная мобильность в агломерации Будапешта после краха Советского Союза

CONTENTS

EDITORIAL

7/ KONSTANTIN GRIGORICHEV

The Post-socialist Suburban Revolution: The Russian Context

16/ ANATOLIY BRESLAVSKY

Who Studies the Suburbs of Big Cities in Contemporary Russia and How?

35/ RUSLAN DOKHOV, IVAN ALOV, DARYA SHUBINA, MAKSIM VOLKOV, VLADIMIR MATSUR,
TATYANA UMNOVA, ANNA SHERSTNEVA

Spatial Structures of Post-Socialist Suburbs: Functional and Social Centers of Makhachkala Suburbia

54/ ALBINA ANDREEVA, NATALIA IVANOVA, EVGENI VARSHAVER

Does Kotelniki Qualify as an Ethnic and Migrant Enclave? A Case-Study of Residents' Ethnic and Migration Origins in Kotelniki, a Moscow Satellite City

73/ ELENA POTAPCHUK

Changing the Value of the Dacha in the City–Suburban Space: An analysis of Khabarovsk Media

87/ ELENA TINIKOVA

The Main Directions of Urbanization in Khakassia in the Post-Soviet Period

103/ ETIBAR BADALOV

The Demographic and Socio-Economic Development of Agglomeration in Azerbaijan

112/ ADRIENNE CSIZMADY, GÁBOR CSANÁDI

Spatial Mobility in Budapest's Agglomeration after the Collapse of Socialism

КОНСТАНТИН ГРИГОРИЧЕВ

ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРИГОРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: РОССИЙСКИЙ КОЛОРИТ¹

Григоричев Константин Вадимович, доктор социологических наук, доцент, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета;
Российская Федерация, 664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1.

E-mail: grigoritchev@yandex.ru

Статья посвящена анализу факторов, определяющих специфику субурбанизации в России. В отличие от дачных сезонных миграций субурбанизация предполагает постоянное пригородное расселение. Прежде всего, указывается на продолжающееся влияние особенностей советской урбанизации на постсоветские пригородные пространства, например, повсеместно распространенного обширного городского частного сектора. Другим существенным фактором, определяющим характер и динамику процесса формирования внешних пригородов, является система поземельных отношений и особенности оборота земли на рынке. Так, перераспределение колхозных земель среди работников колхозов привело к тому, что в субурбанизации в основном были задействованы доступные на рынке небольшие земельные участки, в то время как крупные собственники земли и застройщики долгое время дистанцировались от этих процессов. Отсюда невозможность комплексного девелопмента, следствием чего становится почти полное отсутствие социальной инфраструктуры в возникающих пригородах. Иные факторы – дачи как сезонный эквивалент субурбанизации, низкое влияние перераспределения городской жилой собственности, а также региональные и внутрирегиональные различия и многообразия форм. Последние обуславливают неприменимость линейных подходов к российской ситуации.

Ключевые слова: субурбанизация; постсоветская пригородная революция; Россия

Цитирование: Григоричев К.В. (2020) Постсоциалистическая пригородная революция: российский колорит // Городские исследования и практики. Т. 5. № 4. С. 7–15. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp5420207-15>

Масштабные перемены могут начинаться негромко. Всего чуть более 10 лет назад исследователи осторожно оценивали перспективы субурбанизации даже Московской агломерации, указывая на комплекс сдерживающих ее факторов [Кириллов, Махрова, 2009]. Одним из ключевых ограничений наряду с демографическим и административными условиями считался феномен дач, выполняющих роль сезонной [Махрова, 2015] или квази-субурбанизации [Голубчиков, Махрова, Фелпс, 2010]. Однако в последние годы можно уже вполне уверенно констатировать стремительный рост постоянного пригородного расселения [Григоричев, 2018], ключевым механизмом которого является миграция [Mkrtchyan, 2019]. Дискуссия 2017–2019 годов [Что мы знаем, 2017; Республики, 2018; «Пригородная революция»..., 2019] показала, что можно уверенно констатировать включение России и других постсоветских стран в процесс, определяемый в литературе как постсоциалистическая пригородная революция [Stanilov, Sykora, 2014].

При всей общности ситуации постсоциалистического транзита (снижение степени регуляции городского развития, появление частного капитала и инициативы и т. д.) развитие городов в странах Центральной и Восточной Европы, с одной стороны, России и других стран на территории бывшего СССР — с другой, все же происходит в существенно различающихся условиях. Можно выделить по крайней мере несколько факторов, определяющих своеобразие российских субурбанизационных процессов.

Важнейшее значение имеет влияние конкретных параметров советского режима, которые в логике *path dependency* продолжают оказывать весьма значительное влияние на современное

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект 20-011-00282.

развитие городов и их субурбий. Существенное, а иногда и определяющее влияние советской урбанизации на современное городское развитие было отмечено уже достаточно давно [Ber-taud, Renaud, 1997]. Александр Калюкин и Себастьян Коль утверждают, что именно логика развития советского города и традиции домостроения продолжают определять и облик современного российского города (прежде всего провинциального), и его пространственную структуру. Постсоветская субурбанизация, по их мнению, не столько изменяет систему городского землепользования, сколько воспроизводит экстенсивные советские модели, дополняя последовательные круги роста города сталинской, хрущевской и брежневской эпох [Kalyukin, Kohl, 2020].

Важным наследием советской урбанизации, определяющим облик множества, если не большинства провинциальных городов России, является так называемый *частный сектор*. Это обширные массивы малоэтажной низкоплотной усадебной застройки. Сложившись преимущественно вне государственной поддержки и прямого регулирования (власть поощряла индивидуальное жилищное строительство лишь в годы послевоенного восстановления [Kalyukin, Kohl, 2020, p. 1775]), частный сектор сформировал обширные пространства даже в крупнейших городах-миллионниках, где доля частной застройки составляет от 15 до 45% [Преловская, 2017]. В Сибири, где в советский период индивидуальное строительство сохраняло значительные масштабы до второй половины 1960-х годов [Долголюк, 2008], частный сектор занимает обширные массивы, не только заполняющие пустоты между кварталами многоэтажной застройки, но и формирующие целые районы со специфичной негородской организацией пространства [Григоричев, 2019]. Эти пространства, определяемые муниципальными администрациями и планировщиками как «резерв развития», «зоны развития застроенных территорий», как правило, оказываются «невидимыми» для власти, равно как невидимыми оказываются и проживающие здесь сообщества [Бляхер, Иванова, Ковальский, 2021].

Такая «невидимость», «пустота» [Филиппов, 2009] значительной части российского города обуславливает и невидимость протекающих здесь процессов. Вместе с тем в постсоветские десятилетия обширные локальности частного сектора динамично изменяются, все дальше уходя от образа «села в городе», выступавшего механизмом и символом процесса, определенного В.Л. Глазычевым как «слободизация городов» [Глазычев, 1995]. Такие изменения уже хорошо фиксируются через визуальность частного сектора, отражающую широкий спектр вариантов трансформации таких «негородских локальностей». Их общими чертами остаются горизонтальный вектор развития и сохранение соразмерности человеку, однако формы и темпы преобразований крайне разнятся. Наряду с активно изменяющимися локальностями частного сектора, где типично сельские дома и усадьбы уступают место благоустроенным домам, сохраняются и локальности, в которых преобладают облик и уклад «городского села». С ними контрастируют обнаруженные в Иркутске, Омске и Хабаровске компактные, но хорошо заметные районы коттеджной застройки, развивающиеся по модели *gated communities* [Hirt, 2012] в логике посткоммунистических трансформаций [Gasior-Niemiec, Glasze, Pütz, 2003].

В результате в обширных негородских пространствах российского города формируются разрастающиеся ареалы «внутреннего пригорода», где доминирующим образом жизни постепенно становится субурбанизм [Григоричев, 2021]. Развитие таких пространств происходит в логике дуализма городского и пригородного образов жизни [Walks, 2013], но за исключением автомобильной зависимости, что обусловлено территориальным положением частного сектора, который нередко находится в центральных районах города и включен в сеть общественного транспорта. Формирование внутреннего пригорода как вариант постсоветского развития наблюдается и в других постсоциалистических странах, например в Польше [Spórna, 2018]. Однако если в польских городах внутренняя субурбанизация выглядит как поглощение «нормального» города [Spórna, Krzysztofik, 2020], в России это скорее сохранение негородских локальностей в новом качестве.

Еще одним фактором, наиболее заметно действующим за пределами городской черты и в значительной мере определяющим характер и динамику процесса формирования внешних пригородов, является, на мой взгляд, система поземельных отношений и особенности оборота земли на рынке. Начало оборота земли в пригородных зонах связано с ликвидацией колхозных хозяйств. Поскольку колхозы являлись *de jure* объединением частных лиц в кооперативы, после их юридической ликвидации потребовалось распределить имущество, в том числе землю, между членами кооперативов. В отличие от стран Балтии и Восточной Европы, в России принцип реституции земель был отвергнут, а основная часть сельскохозяйственных земель

была передана в общую собственность трудовых коллективов и затем перераспределена между широким кругом колхозников, членов их семей и иных групп жителей села [Шагайда, 2010, с. 35, 38]. В результате значительная часть сельскохозяйственных земель, в том числе в пригородных сельских районах, оказалась в собственности частных лиц, не заинтересованных, а часто и не способных вести аграрное производство. Это сформировало значительный потенциал рынка земли в пригородной зоне, который начал реализовываться с появлением спроса на пригородное расселение.

Поскольку в пригородной зоне колхозные хозяйства владели далеко не всеми землями, то и в формирование субурбии первоначально вовлекались не все пригородные территории, а лишь те, где ранее располагались колхозы. Из-за преобладания небольших земельных участков, выделенных в качестве паев бывшим колхозникам, именно здесь появляется возможность приобретения участков под строительство физическими лицами или небольшим бизнесом. Формировавшийся стихийный рынок оборота земли, в котором высокую роль играла система неформальных отношений [Тимошкин, 2017], исключал возможность комплексного девелопмента, следствием чего становится почти полное отсутствие социальной инфраструктуры в возникающих пригородах. Если торговля и сфера обслуживания достаточно быстро формировались для удовлетворения растущего и платежеспособного спроса со стороны новых «пригорожан», то острейший дефицит дошкольных, образовательных, медицинских учреждений сохраняется в большинстве пригородных поселений и по сей день [Бреславский, 2018]. Это порождает весьма специфический образ пригородной жизни, когда маятниковая миграция из *modus operandi* превращается в *modus vivendi* всей семьи, включая детей дошкольного возраста.

Пригородные земли, являвшиеся собственностью юридических лиц, вовлекались в земельный оборот медленнее и позднее. Это прослеживается по заметно более позднему росту численности населения в муниципальных образованиях с доминированием такой собственности. Причинами этого, вероятно, являлись не только меньшая заинтересованность собственников в вовлечении земли в оборот, но и заметно меньший потенциальный спрос на крупные земельные участки. Крупные застройщики достаточно долго не выходили за пределы городской черты, и в пригородной зоне большинства региональных центров комплексные девелоперские решения в виде закрытых коттеджных поселений или комплексов таунхаусов до сих пор носят единичный характер.

Выход крупных региональных застройщиков в пригородную зону, вероятно, происходит не ранее 2010-х годов и связан с тем, что они ищут возможности для снижения инвестиционных затрат и охвата сегмента рынка жилья с низкой платежеспособностью [Григоричев, 2016]. Кроме того, в этом процессе хорошо видно влияние советской практики городского роста, скорректированной задачей снижения вложений. Пригородные мало- и среднеэтажные жилые комплексы, продвигаемые в рекламе как «уникальное сочетание городского комфорта и чистой экологии загородного поселка»², по отзывам жителей, оказывается, полностью лишены инфраструктуры, обеспечивающей «блага урбанизма»³. Фактически, отвечая на запрос на «несоветский» образ жизни за городом, застройщики предлагают ухудшенную советскую модель спального микрорайона, слабо интегрированного в сеть общественного транспорта, лишенного социальной инфраструктуры и не предполагающего создание заметного числа рабочих мест. Иными словами, «несоветская» модель *edge city* [Garreau, 1991; Phelps, 2012] подменяется здесь «советским» микрорайоном, предлагающим в большинстве случаев не высокий комфорт в экологически чистом районе, а, напротив, жилье дешевого ценового сегмента, ориентированное на сегмент рынка с низкой платежеспособностью.

Безусловно, одним из наиболее заметных факторов российской субурбанизации являются дачи — феномен, в значительной мере определяющий постсоветский субурбанистический ландшафт не только в России, но и во всех странах бывшего Советского Союза [Struyk, Angelici, 1996; Leetmaa et al., 2012; Hormel, 2017; Shkaruba et al., 2021] и даже за их пределами [Lipkina, 2013]. С одной стороны, этот фактор сдерживает темпы субурбанизации, поскольку является ее сезонным эквивалентом, формирующим мощный контрурбанизационный тренд в теплый сезон [Nefedova, Pokrovsky, 2018]. С другой стороны, это своего рода «серая зона» субурбанизации, в которой сохраняющаяся форма традиционной советской дачи скрывает новые про-

² См. напр.: «Березовый 2». Жилой комплекс: <https://www.nwirk.ru/>.

³ См. напр.: Микрорайон Березовый. Отзывы на Yandex.ru: https://yandex.ru/maps/org/mikrorayon_berезовый/8035349873/reviews/?ll=104.240685%2C52.222603&z=18.

цессы. Дачные поселки достаточно часто фактически перестраиваются или с самого начала развиваются как форма постоянного пригородного расселения, формально оставаясь садоводческими некоммерческими товариществами. Особенно динамично этот процесс развивается после того, как была разрешена регистрация по месту жительства на дачах. Разумеется, пока сложно говорить о том, насколько функции российских дач меняются в сторону первого и тем более единственного жилья, но констатировать этот процесс можно вполне уверенно.

На характер субурбанизационных процессов в России заметное влияние оказала и специфика постсоветского перераспределения городской собственности. Отказ от принципа реституции в пользу эгалитарного подхода к приватизации жилья был обусловлен отсутствием заметного давления новых собственников на низкодходные слои населения. В отличие от европейских постсоциалистических стран, где реституция стала одним из факторов субурбанизации (как за счет выдавливания низкодходных групп из центров городов [Nuißl, Rink, 2005], так и за счет ослабления регуляции пригородных земель, переданных новым собственникам [Lokšová, Batista, 2021]), в российских городах перераспределение жилой собственности не стало заметным фактором перемещения населения в пригороды. Исключением можно считать принудительное выселение «злостных неплательщиков» и маргинализированных групп. Это, однако, не стало заметным трендом, хотя и сформировало отдельные локальности компактного проживания жилищно-депривированного населения [Казакова, 2017]. Такие локальности формировали не столько реальный социальный статус пригорода, сколько его медийный образ как пространства жизни социально неуспешных слоев [Казакова, 2020].

Наконец, важно упомянуть чрезвычайную гетерогенность российского пространства, в значительной мере определяющую различия в протекании субурбанизации в российских регионах. Российские регионы заметно отличаются и по степени урбанизированности, и по динамике и трендам развития городов, и по уровню жизни населения. В результате в соседних регионах рост пригородных зон может происходить в одном случае за счет ускоренного завершения урбанизации и массовой миграции сельского населения в региональный центр [Бреславский, 2014], а в другом — за счет доминирования миграции из крупного города в его пригороды [Григоричев, 2013]. Тогда в первом случае развитие пригородных поселений происходит преимущественно по модели субурбанизации глобального Юга [Mabin, Butcher, Bloch, 2013] с формированием обширных малоблагоустроенных поселений, часто сквоттерских, для которых характерны высокие риски маргинализации [Бреславский, 2018]. Во втором случае формирование субурбии происходит ближе к моделям субурбанизации глобального Севера середины — второй половины XX века [Jordan, Ross, Usowski, 1998] и предполагает появление обширных поселений, где доминирует современная усадебная застройка, а жители преимущественно имеют устойчивую занятость в городе [Григоричев, 2013]. Более того, в пределах пригородного пояса одного регионального центра и даже одного пригородного муниципалитета встречаются самые разнообразные формы субурбанизационного роста [Григоричев, 2016, с. 17].

В результате пригороды российских городов выглядят как лоскутное одеяло, в котором сочетаются самые разные траектории и механизмы формирования субурбий, описание которых с позиций классической (североатлантической) субурбанизации выглядит весьма затруднительным. Российская ситуация как нельзя более точно отражает тезис Роджера Кейла о «необходимости переписать городскую теорию с нуля» [Keil, 2013, p. 13]. При этом множественность вариантов российской субурбанизации соответствует глобализации процессов субурбанизации, меняющих традиционные представления о городском центре и периферии [Keil, 2018]. Анализ российской специфики пригородного расселения и образа жизни может внести интересный вклад в теоретическое понимание этих процессов.

Вместе с тем гетерогенность российской субурбанизации открывает интересные перспективы в дискуссии о линейном и дифференциальном взгляде на урбанизацию. Обращение исследователей к развитию постсоциалистических городов Центральной и Восточной Европы в сравнении с западноевропейским опытом урбанизации привело к постановке вопроса о релевантности применения западных теоретических концептов [Ouředníček, 2016]. Ключевой проблемой здесь является представление о линейной траектории городского развития, где субурбанизация — один из последовательных этапов [Champion, 2001]. При таком подходе развитие постсоциалистических городов механистически вписывается в парадигму «догоняющего» развития, предполагающую возврат бывших социалистических городов к своим западным аналогам и постепенную «коррекцию» социалистического развития до «нормаль-

ной» урбанизации [Oùředníček, 2016]. В качестве альтернативного взгляда была предложена идея дифференциальной урбанизации, позволяющая учитывать неравномерность развития постсоветского города, в котором процессы урбанизации, субурбанизации, контрурбанизации и реурбанизации могут протекать не последовательно, а сочетаться друг с другом [Oùředníček, 2007]. Российская ситуация предоставляет широкий спектр кейсов, отличающихся динамикой и формами урбанизации и субурбанизации, а также условиями этих процессов. Он может дать великолепный материал для сравнения как с «классическими» траекториями городского развития, так и с опытом изучения постсоциалистических городов Европы.

Источники

- Бляхер Л.Е., Иванова А.П., Ковалевский А.В. (2021) «Пустые пространства» и их обитатели в городах Дальнего Востока России (на примере города Хабаровска)//Мир России. Т. 30. № 3. С. 150–173.
- Бреславский А.С. (2014) Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН.
- Бреславский А.С. (2018) Мечта или кошмар? Мотивы и практики оседания семей сельских мигрантов в пригородах Улан-Удэ//«Жизнь на чемоданах»: мобильность семьи и социальное благополучие. Сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т. С. 147–157.
- Глазычев В.Л. (1995) Слободизация страны Гардарики//Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. М.: Аргус. С. 63–68.
- Голубчиков О.Ю., Махрова А.Г., Фелпс Н.А. (2010) Применение концепции «окраинного города» для анализа современных процессов урбанизации в РФ (на примере г. Химки)//Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 3. С. 48–54.
- Григоричев К.В. (2013) В тени большого города. Социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск.
- Григоричев К.В. (2016) Многообразие пригорода: субурбанизация в сибирском регионе (случай Иркутска)//Городские исследования и практики. Т. 1. № 2 (3). С. 7–23.
- Григоричев К.В. (2018) Субурбанизация на востоке России: региональная мозаика глобального тренда//Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития: сб. науч. ст. по итогам Всероссийского научно-практического семинара (10–11 июня 2018 г., г. Улан-Удэ)/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 175–189.
- Григоричев К.В. (2019) «Частный сектор» российских городов: от наследия советской урбанизации к «внутреннему пригороду»//«Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 22–26.
- Григоричев К.В. (2021) Двойник-невидимка российского города: «частный сектор» между слободой и внутренним пригородом//Ойкумена. № 1 (56). С. 5–18.
- Долголюк А.А. (2008) Индивидуальное жилищное строительство в Сибири в 1946–1970 гг.//Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. Новосибирск: Параллель. С. 81–103.
- Казакова А.Ю. (2020) Жилищная депривация и территориальная стигма как атрибуты маргинальности. Дис. на соискание ... д-ра соц. наук. Ставрополь.
- Казакова А.Ю. (2017) Пригородный образ жизни в современной российской провинции. Социальная база, проблемы и перспективы развития. Саратов: Вузовское образование.
- Кириллов П.Л., Махрова А.Г. (2009) Субурбанизация в Московском столичном регионе: современное и перспективное состояние//Региональные исследования. № 4–5 (25). С. 42–54.
- Махрова А.Г. (2015) Сезонная субурбанизация в регионах России//Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 4. С. 59–67.
- Преловская Я.В. (2017) Методика реконструкции застройки типа «частный сектор» на этапах развития города, на примере городов среднего Поволжья: автореф. дисс. ... канд. техн. наук: 05.23.22. Москва.
- «Пригородная революция» в региональном срезе (2019) Периферийные городские территории на постсоветском пространстве/отв. ред. А. С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Республики (2018) Республики на востоке России. Траектории экономического, демографического и территориального развития: сб. науч. ст. по итогам Всероссийского научно-практического семинара (10–11 июня 2018 г., г. Улан-Удэ)/отв. ред. А. С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Тимошкин Д.О. (2017) «Помогу за коньячок»: неформальные практики землепользования в пригородах Иркутска//Сибирские исторические исследования. № 1. С. 149–165.

- Филиппов А.Ф. (2009) Пустое и наполненное: трансформация публичного места // Социологическое обозрение. Т. 8. № 3. С. 116–127.
- Что мы знаем о современных российских пригородах? (2017) / отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Шагайда Н.И. (2010) Оборот сельскохозяйственных земель в России: трансформация институтов и практика. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Bertaud A., Renaud B. (1997) Socialist Cities without Land Markets // Journal of Urban Economics. Vol. 41 (1). P. 137–151.
- Champion A. (2001) Urbanization, Suburbanization, Counterurbanization and Reurbanization // Handbook of Urban Studies / R. Paddison (ed.). London: Sage Publications. P. 143–161.
- Garreau J. (1991) Edge City: Life on the New Frontier. New York: Doubleday.
- Phelps N. (2012) The Growth Machine Stops? Urban Politics and the Making and Remaking of an Edge City // Urban Affairs Review. Vol. 48. No. 5. P. 670–700.
- Gasior-Niemiec A., Glasze G., Pütz R. (2003) A Glimpse over the Rising Walls: The Reflection of Post-Communist Transformation in the Polish Discourse of Gated Communities // East European Politics & Societies. Vol. 23. No. 2. P. 244–265.
- Hirt S. (2012) Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City. Oxford: Willey-Blackwell.
- Hormel L.M. (2017) Food or Flowers? Dacha Gardening and Gendered Class Relations in Post-Soviet Ukraine // Rural Sociology. Vol. 82. No. 1. P. 75–100.
- Jordan S., Ross J.P., Usowski K.G. (1998) U.S. Suburbanization in the 1980s // Regional Science and Urban Economics. Vol. 28. No. 5. P. 611–627.
- Kalyukin S., Kohl S. (2020) Continuities and Discontinuities of Russian Urban Housing: The Soviet Housing Experiment in Historical Long-Term Perspective // Urban Studies. Vol. 57 (8). P. 1768–1785.
- Keil R. (2018) Suburban Planet: Making the World Urban from the Outside In. Cambridge: Polity Press.
- Keil R. (ed.) (2013) Suburban Constellations: Governance, Land and Infrastructure in the 21st century. Berlin: Jovis Verlag.
- Leetmaa K., Brade I., Anniste K., Nuga M. (2012) Socialist Summer-home Settlements in Post-socialist Suburbanisation // Urban Studies. Vol. 49. No. 1. P. 3–21.
- Lipkina O. (2013) Motives for Russian Second Home Ownership in Finland // Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism. Vol. 13. No. 4. P. 299–316.
- Lokšová T., Batista L.G. (2021) Postsocialist Suburban Governmentality: A Shift from Reactive to Proactive Discourse in the Case of Brno, Czech Republic // Cities. Vol. 110. 103074.
- Mabin A., Butcher S., Bloch R. (2013) Peripheries, Suburbanisms and Change in Sub-Saharan African Cities // Social Dynamics. Vol. 39. No. 2. P. 167–190.
- Mkrtychyan N.V. (2019) Regional Capitals of Russia and Their Suburbs: Specifics of the Migration Balance // Regional Research of Russia. Vol. 9. P. 12–22.
- Nefedova T.G., Pokrovsky N.E. (2018) Terra Incognita of the Russian Near North: Counter-Urbanization in Today's Russia and the Formation of Dacha Communities // European Countryside. Vol. 10. No. 4. P. 673–692.
- Nuissl H., Rink D. (2005) The 'Production' of Urban Sprawl in Eastern Germany as a Phenomenon of Post-Socialist Transformation. Cities. Vol. 22. No. 2. P. 123–134.
- Ouředníček M. (2007) Differential Suburban Development in the Prague Urban Region // Geografiska Annaler, Series B: Human Geography. Vol. 89. No. 2. P. 111–126.
- Ouředníček M. (2016) The Relevance of "Western" Theoretical Concepts for Investigations of the Margins of Post-Socialist Cities: The Case of Prague // Eurasian Geography and Economics. Vol. 57. No. 4–5. P. 545–564.
- Shkaruba A., Skryhan H., Likhacheva O., Kireyev V., Katona A., Shyrokostup S., Sepp K. (2021) Environmental Drivers and Sustainable Transition of Dachas in Eastern Europe: An Analytical Overview // Land Use Policy. Vol. 100. 104887.
- Spórna T. (2018) The Suburbanisation Process in a Depopulation Context in the Katowice Conurbation, Poland // Environmental & Socio-economic Studies. Vol. 6. No. 1. P. 57–72.
- Spórna T., Krzysztofik R. (2020) 'Inner' Suburbanisation – Background of the Phenomenon in a Polycentric, Post-Socialist and Post-Industrial Region. Example from the Katowice Conurbation, Poland // Cities. Vol. 104. 102789.
- Stanilov K., Sykora L. (eds.) (2014) Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Post-socialist Central and Eastern Europe. Oxford: Willey-Blackwell.
- Struyk R.J., Angelici K. (1996) The Russian Dacha Phenomenon // Housing Studies. Vol. 11. No. 2. P. 233–250.
- Walks A. (2013) Suburbanism as a Way of Life, Slight Return // Urban Studies. Vol. 50 (8). P. 1471–1488.

KONSTANTIN GRIGORICHEV

THE POST-SOCIALIST SUBURBAN REVOLUTION: THE RUSSIAN CONTEXT

Konstantin V. Grigorichev, DSc in Sociology, Assistant Professor, Vice Rector for Research and International Cooperation, Irkutsk State University; 1 Karl Marx street, Irkutsk, 664003, Russian Federation.

E-mail: grigorichev@yandex.ru

Abstract

This article studies the factors determining suburbanization in Russia. Unlike seasonal dacha migrations, suburbanization involves permanent suburban migration. The author points to the continuing influence of Soviet urbanization on post-Soviet suburban spaces, for example, the extensive urban private sector. Another significant factor determining the formation of the suburbs is the system of land relations and the peculiarities of land turnover. The redistribution of collective farm (kolkhoz) lands among collective farm workers led to small plots of land being available on the market which were mainly involved in suburbanization and which large landowners and developers distanced themselves from. Hence the impossibility of complex development, which resulted in an almost complete lack of social infrastructure in the emerging suburbs. Other factors are dachas as the seasonal equivalent of suburbanization, the low impact of urban residential property redistribution, and interregional and intraregional differences in urbanization. The latter determine the inapplicability of linear approaches to analyzing the Russian situation.

Keywords: suburbanization; Post-Socialist Suburban Revolution; Russia

Citation: Grigorichev K.V. (2020) The Post-socialist Suburban Revolution: The Russian Context. *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 4, pp. 7–15. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp5420207-15>

References

- Bertaud A., Renaud B. (1997) Socialist Cities without Land Markets. *Journal of Urban Economics*, vol. 41 (1), pp. 137–151.
- Bliakher L., Ivanova A., Kovalevski A. (2021) «Pustye prostranstva» i ih obitateli v gorodah Dal'nego Vostoka Rossii (na primere goroda Khabarovska) ["Empty Spaces" and Their Inhabitants in Far Eastern Russian Cities: the Case of Khabarovsk]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], vol. 30, no 3, pp. 150–173. (in Russian)
- Breslavsky A.S. (2018) Mechta ili koshmar? Motivy i praktiki osedanija semej sel'skih migrantov v prigorodah Ulan-Udje [Dream or Nightmare? Motives and Practices of Settling Families of Rural Migrants in the Suburbs of Ulan-Ude]. «Zhizn' na chemodanah»: mobil'nost' sem'i i social'noe blagopoluchie ["Life on suitcases": family mobility and social well-being]. Vladivostok: Far Eastern Federal University, pp. 147–157. (in Russian)
- Breslavsky A.S. (2014) Nezaplanirovannye prigorody: sel'sko-gorodskaja migracija i rost Ulan-Udje v postsovetskij period [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period.] Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN. (in Russian)
- Champion A. (2001) Urbanization, Suburbanization, Counterurbanization and Reurbanization. *Handbook of Urban Studies*. London: Sage Publications, pp. 143–161.
- Chto my znaem o sovremennyh rossijskih prigorodah? (2017) [What Do We Know about Modern Russian Suburbs?]. Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN. (in Russian)
- Dolgoljuk A.A. (2008) Individual'noe zhilishhnoe stroitel'stvo v Sibiri v 1946-1970 gg. [Individual Housing Construction in Siberia in 1946-1970]. *Opyt reshenija zhilishhnoj problemy v gorodah Sibiri v XX – nachale XXI vv.* [Experience in Solving the Housing Problem in Siberian Cities in the XX – Early XXI Centuries]. Novosibirsk: Parallel, pp. 81–103. (in Russian)
- Filippov A.F. (2009) Pustoe i napolnennoe: transformacija publichnogo mesta [Empty and Full: Transformation of a Public Place]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociology Review], vol. 8, no 3, pp. 116–127. (in Russian)

- Garreau J. (1991) *Edge City: Life on the New Frontier*. New York: Doubleday.
- Gasior-Niemiec A., Glasze G., Pütz R. (2003) A Glimpse over the Rising Walls: The Reflection of Post-Communist Transformation in the Polish Discourse of Gated Communities. *East European Politics & Societies*, vol. 23, no 2, pp. 244–265.
- Glazychev V.L. (1995) Slobodizacija strany Gardariki [Slobodization of the Gardariki country]. *Inoe. Hrestomatija novogo rossijskogo samosoznaniya* [Other. Reader on the New Russian Identity]. M.: Argus, pp. 63–68. (in Russian)
- Golubchikov O.Ju., Mahrova A.G., Felps N.A. (2010) Primenenie koncepcii «okrainnogo goroda» dlja analiza sovremennyh processov urbanizacii v RF (na primere g. Himki) [Application of the Concept of “Edge City” for the Analysis of Modern Urbanization Processes in the Russian Federation (On the Example of Khimki)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 5. Geografija*. [Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5, Geografia], no 3, pp. 48–54. (in Russian)
- Grigorichev K.V. (2013) V teni bol'shogo goroda. Social'noe prostranstvo prigoroda [In the Shadow of a Big City. The Social Space of the Suburb]. Irkutsk: Ottisk. (in Russian)
- Grigorichev K.V. (2016) Mnogoobrazie prigoroda: suburbanizacija v sibirskom regione (sluchaj Irkutskaja) [Diversity of the Suburb: Suburbanization in Siberian Region (the Case of Irkutsk)]. *Gorodskie issledovanija i praktiki*. [Urban Studies and Practices], vol. 1, no 2 (3), pp. 7–23. (in Russian)
- Grigorichev K.V. (2018) Suburbanizacija na vostoce Rossii: regional'naja mozaika global'nogo trenda [Suburbanization in the East of Russia: Regional Mosaic of the Global Trend]. Breslavsky A.S. (ed.) *Respubliki na vostoce Rossii: traektorii jekonomicheskogo, demograficheskogo i territorial'nogo razvitija* [Republics in the East of Russia: Trajectories of Economic, Demographic and Territorial Development]. Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN, pp. 175–189. (in Russian)
- Grigorichev K.V. (2019) «Chastnyj sektor» rossijskih gorodov: ot nasledija sovsotskoj urbanizacii k «vnutrennemu prigorodu» [The “Private Sector” of Russian Cities: From the Legacy of Soviet Urbanization to the “Inner Suburb”]. «Prigorodnaja revoljucija» v regional'nom sreze: periferijnye gorodskie territorii na postsovsotskom prostranstve [“Suburban Revolution” and Peripheral Urban Territories in the Post-Soviet Space]. Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN, pp. 22–26. (in Russian)
- Grigorichev K.V. (2021) Dvojniki-nevidimki rossijskogo goroda: «chastnyj sektor» mezdu slobodoi i vnutrennim prigorodom [The Invisible Twin of the Russian City: The “Private Housing Sector” between the Sloboda and the Inner Suburb]. *Ojkumena* [Oecumene], no 1 (56), pp. 5–18. (in Russian)
- Hirt S. (2012) *Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Hormel L.M. (2017) Food or Flowers? Dacha Gardening and Gendered Class Relations in Post-Soviet Ukraine. *Rural Sociology*, vol. 82, no 1, pp. 75–100.
- Jordan S., Ross J.P., Usowski K.G. (1998) U.S. Suburbanization in the 1980s. *Regional Science and Urban Economics*, vol. 28, no 5, pp. 611–627.
- Kalyukin S., Kohl S. (2020) Continuities and Discontinuities of Russian Urban Housing: The Soviet Housing Experiment in Historical Long-Term Perspective. *Urban Studies*, vol. 57 (8), pp. 1768–1785.
- Kazakova A.J. (2020) Zhilishhnaja deprivacija i territorial'naja stigma kak atributy marginal'nosti. Dis. Na soiskanie ... d-ra soc. nauk [Housing Deprivation and Territorial Stigma as Attributes of Marginality. PhD Thesis]. Stavropol. (in Russian)
- Kazakova A.J. (2017) Prigorodnyj obraz zhizni v sovremennoj rossijskoj provincii. Social'naja baza, problemy i perspektivy razvitija. [Suburban Lifestyle in the Modern Russian Province. Social Base, Problems and Development Prospects]. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie [Saratov: Higher Education]. (in Russian)
- Keil R. (2018) *Suburban Planet: Making the World Urban from the Outside In*. Cambridge: Polity Press.
- Keil R. (ed.) (2013) *Suburban Constellations: Governance, Land and Infrastructure in the 21st century*. Berlin: Jovis Verlag.
- Kirillov P.L., Mahrova A.G. (2009) Suburbanizacija v Moskovskom stolichnom regione: sovremennoe i perspektivnoe sostojanie [Suburbanization in the Moscow Capital Region: Current and Future State]. *Regional'nye issledovanija* [Regional Studies], no 4–5 (25), pp. 42–54. (in Russian)
- Leetmaa K., Brade I., Anniste K., Nuga M. (2012) Socialist Summer-home Settlements in Post-socialist Suburbanisation. *Urban Studies*, vol. 49, no 1, pp. 3–21.
- Lipkina O. (2013) Motives for Russian Second Home Ownership in Finland. *Scandinavian Journal Of Hospitality And Tourism*, vol. 13, no 4, pp. 299–316.
- Lokšová T., Batista L.G. (2021) Postsocialist Suburban Governmentality: A Shift from Reactive to Proactive Discourse in the Case of Brno, Czech Republic. *Cities*, vol. 110, 103074.

- Mabin A., Butcher S., Bloch R. (2013) Peripheries, Suburbanisms and Change in Sub-Saharan African Cities. *Social Dynamics*, vol. 39, no 2, pp. 167–190.
- Makhrova A.G. (2015) Sezonnaja suburbanizacija v regionah Rossii [Seasonal Suburbanization in the Regions of Russia]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 5. Geografija* [Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5, Geografia], no 4, pp. 59–67. (in Russian)
- Mkrтчyаn N.V. (2019) Regional Capitals of Russia and Their Suburbs: Specifics of the Migration Balance. *Regional Research of Russia*, vol. 9, pp. 12–22.
- Nefedova T.G., Pokrovsky N.E. (2018) Terra Incognita of the Russian Near North: Counter-Urbanization in Today's Russia and the Formation of Dacha Communities. *European Countryside*, vol. 10, no 4, pp. 673–692.
- Nuissl H., Rink D. (2005) The 'Production' of Urban Sprawl in Eastern Germany as a Phenomenon of Post-Socialist Transformation. *Cities*, vol. 22, no 2, pp. 123–134.
- Ouředníček M. (2007) Differential Suburban Development in the Prague Urban Region. *Geografiska Annaler, Series B: Human Geography*, vol. 89, no 2, pp. 111–126.
- Ouředníček M. (2016) The Relevance of "Western" Theoretical Concepts for Investigations of the Margins of Post-Socialist Cities: The Case of Prague. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 57, no 4–5, pp. 545–564.
- Phelps N. (2012) The Growth Machine Stops? Urban Politics and the Making and Remaking of an Edge City. *Urban Affairs Review*, vol. 48, no 5, pp. 670–700.
- Prelovskaja J.V. (2017) Metodika rekonstrukcii zastrojki tipa "častnyj sektor" na jetapah razvitija goroda, na primere gorodov srednego Povolzh'ja. Avtoref.diss. ... kand. tehn. nauk: 05.23.22 [Methods of Reconstruction of Buildings of the "Private Sector" Type at the Stages of City Development, on the Example of Cities in the Middle Volga Region. PhD Thesis]. Moscow. (in Russian)
- «Prigorodnaja revolucija» v regional'nom srece: periferijnye gorodskie territorii na postsovet'skom prostranstve (2019) ["Suburban Revolution" and Peripheral Urban Territories in the Post-Soviet Space]. Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN. (in Russian)
- Respubliki na vostoке Rossii: traektorii jekonomičeskogo, demografičeskogo i territorial'nogo razvitija (2018) [Republics in the East of Russia: Trajectories of Economic, Demographic and Territorial Development]. Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN. (in Russian)
- Shkaruba A., Skryhan H., Likhacheva O., Kireyeu V., Katona A., Shyrokostup S., Sepp K. (2021) Environmental Drivers and Sustainable Transition of Dachas in Eastern Europe: An Analytical Overview. *Land Use Policy*, vol. 100, 104887.
- Spórna T. (2018) The Suburbanisation Process in a Depopulation Context in the Katowice Conurbation, Poland. *Environmental & Socio-economic Studies*, vol. 6, no 1, pp. 57–72.
- Spórna T., Krzysztofik R. (2020) 'Inner' Suburbanisation – Background of the Phenomenon in a Polycentric, Post-Socialist and Post-Industrial Region. Example from the Katowice Conurbation, Poland. *Cities*, vol. 104, 102789.
- Stanilov K., Sykora L. (eds.) (2014) Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Post-socialist Central and Eastern Europe. Oxford: Willey-Blackwell.
- Struyk R.J., Angelici K. (1996) The Russian Dacha Phenomenon. *Housing Studies*, vol. 11, no 2, pp. 233–250.
- Timoshkin D.O. (2017) "Pomogu za kon'jachok": neformal'nye praktiki zemlepol'zovanija v prigorodah Irkut'ska [Give me Some Cognac and I'll Help You': Informal Practices of Land Use in the Suburbs of Irkutsk]. *Sibirskie istoričeskie issledovanija* [Siberian Historical Research], no 1, pp. 149–165. (in Russian)
- Walks A. (2013) Suburbanism as a Way of Life, Slight Return. *Urban Studies*, vol. 50 (8), pp. 1471–1488.

АНАТОЛИЙ БРЕСЛАВСКИЙ КТО И КАК ИЗУЧАЕТ ПРИГОРОДЫ КРУПНЫХ ГОРОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?¹

Бреславский Анатолий Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук; Российская Федерация, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6.

E-mail: breslavsky@imbt.ru

В статье дается краткий обзор исследований пригородов в России до начала 2020 года. В начале автор дает краткую экспозицию предмета исследований и отмечает, что бурное развитие пригородов и урбанизация – стороны одного процесса, хотя их темпы могут не совпадать. Отмечая специфику бурного роста пригородов на постсоветском пространстве («постсоциалистической пригородной революции»), вслед за восточноевропейскими коллегами он приводит пять обусловивших это причин: дерегуляция в релевантных городских сферах (управление, строительство, рынок недвижимости и т.д.), компенсация исторической нехватки жилья, деиндустриализация городов и инфраструктурный кризис центральных городских микрорайонов, массовые внутренние миграции в большие города и приход крупных инвестиций в пригородную недвижимость.

Далее автор обсуждает тематику и работы исследователей пригородов по дисциплинам и географическим регионам. Основными направлениями изучения субурбанизации являются популяционная и миграционная динамика пригородных территорий, многообразие дач, география пригородов. Отмечается, что поле только начинает складываться в России: ученых немного, немногочисленные исследовательские кейсы разбросаны по стране и не позволяют делать обобщения о состоянии пригородов в стране в целом, поэтому картина развития пригородов в общероссийском масштабе складывается преимущественно на материале демографических данных.

Ключевые слова: пригороды; субурбанизация; урбанизация; миграция; дача; постсоциалистическая пригородная революция

Цитирование: Бреславский А.С. (2020) Кто и как изучает пригороды крупных городов в современной России? // Городские исследования и практики. Т. 5. № 4. С. 16–34. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp54202016-34>.

Введение

Полвека назад Анри Лефевр в книге *La révolution urbaine* (1970) обратил внимание на необратимость урбанизации и заявил о приходе «городского общества» [Lefebvre, 2003]. За прошедшие десятилетия мир действительно стал еще «более городским». Однако по мере того, как разворачивается «городская революция» Лефевра, планету охватывает и «пригородная революция», тесно связанная с повсеместным расширением городов за счет их периферийных территорий. Современный мир становится

все более пригородным, а сама глобальная урбанизация, как отмечает Роджер Кейл, один из ведущих специалистов в современной сравнительной урбанистике, находит свое воплощение преимущественно в субурбанизации, связанной с освоением старых и новых периферийных городских территорий [Keil, 2017]. И речь здесь уже не только о развитых странах глобального Севера, но и о развивающихся странах.

В текущих дискуссиях о региональных формах урбанизации и субурбанизации, спровоцированных расширением географии *suburban studies* за пределы развитого мира, особое значение приобретают и крупные постсоциалистические города. В последние 30 лет они пережили собственную «пригородную революцию», связанную со взрывным ростом частной застройки пригородных

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания: проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия XVII–XXI вв.» (номер госрегистрации: 121031000243-5).

территорий после нескольких десятилетий государственных ограничений. Этот феномен наши восточноевропейские коллеги уже назвали «постсоциалистической пригородной революцией» [Stanilov, Sykora, 2014]. Она произошла в результате смены социалистического проекта, жестко определявшего порядок развития городских и пригородных территорий в наших странах, на неолиберальный, предполагающий ослабление роли государства в управлении городами и усиление влияния на их развитие рыночных, частных субъектов.

Движущими силами этой пригородной революции, как мы можем сейчас заметить, стали пять основных факторов. Во-первых, демократизация государственного управления в сфере городского развития: уход государства из управления городами, либерализация отношений в области распределения и застройки городских и пригородных земель, формирование рынка жилья, рынка кредитования и ипотеки, которые и обеспечили взрывной рост частной застройки наряду с развитием частного строительства в последние 30 лет.

Вторая причина взрывного роста крупных постсоциалистических городов, многие из которых пережили настоящий промышленный бум в советский период, — историческое наследие в виде перманентного жилищного кризиса и недостатка жилья. В 1990–2010-е годы этот дефицит был восполнен именно за счет освоения пригородных, периферийных городских территорий, освоение которых требовало меньших ресурсов, чем реконструкция и переобустройство центральных городских областей.

Третья причина — деиндустриализация городов и инфраструктурный кризис центральных городских микрорайонов, подтолкнувшие многих горожан к выезду в «частный сектор», в том числе в более благополучные с точки зрения инженерной инфраструктуры и социального окружения пригородные районы, а также в районы, которые могли не иметь базовых городских систем тепло- и водоснабжения, но устраивали новых хозяев своей автономностью.

Четвертый фактор взрывного роста периферийной застройки крупных постсоциалистических городов — массовые внутренние миграции с сельских территорий, из малых и средних городов в столичные и региональные центры. Эти миграции не завершаются, поскольку диспропорции в развитии сель-

ских и городских территорий в наших странах (не во всех, но в большинстве) никуда не исчезли. Названные центростремительные потоки могут и пересекаются с субурбанизацией в этих городах, связанной с переездом (желаемым или вынужденным) горожан из центральных городских районов в пригородные.

Пятый фактор, который в большей мере относится к крупным столичным городам, — усиление роли крупных частных инвестиций в освоении пригородных территорий. Речь идет о капиталах крупных строительных и инвестиционных компаний, которым стал интересен рынок жилья и коммерческого строительства в постсоциалистических странах.

Совокупность этих факторов и привела к существенному, даже взрывному росту частной застройки в наших пригородах. В зависимости от региональных факторов новые и обновленные периферийные городские и пригородные районы приобрели разные формы, масштабы, функциональное значение. В одних городах это типологически схожие массивы усадебной, дачной застройки, коттеджного, многоэтажного строительства, микрорайоны таунхаусов в разных их соотношениях, в других — еще и нежилое строительство: промышленные, торговые, складские, транспортно-логистические, рекреационные центры и т.п. Меняются и прежние малые города, поселки и села, которые находятся в зоне влияния крупных городских агломераций. Многие из них становятся пригородными уже не только в физико-географическом, но и в социально-экономическом смысле, когда усиливаются их связи с городскими центрами.

От года к году мы наблюдаем, как продолжающаяся урбанизация и набирающая обороты субурбанизация становятся все более заметным явлением в развитии крупных городов на территории бывшего СССР [Stanilov K., Hirt S., 2009; Stanilov, Sykora, 2014; Бреславский, 2017б; Бреславский, 2019б]. Население наших стран все больше превращается в городское, концентрируется вокруг крупных городских агломераций. Не только столичные города, но и крупные региональные центры демонстрируют демографический и территориальный рост за счет освоения новых пригородных территорий. Однако это происходит не повсеместно и не со всеми крупными городскими центрами.

Расширяя зоны городской периферии, урбанизация и субурбанизация в разных их формах приобретают все большее значение в развитии и переформатировании как городских центров, так и городских агломераций, а также окружающих их регионов в целом. Периферийные городские территории начинают оказывать существенное влияние на городские экономики, транспортные системы, системы социального обеспечения, инженерные системы и напрямую влияют на политику в наших городах. Словом, уже не только специалисты, системно исследующие эти процессы, но и рядовые горожане, а вместе с ними жители пригородов осознают, что пригородные зоны крупных городов оказывают заметное воздействие на сами города и регионы, центрами которых они являются.

Однако об этой возрастающей роли, которую пригородная инфраструктура и жители пригородов играют в жизни крупных городов на постсоветском пространстве, мы знаем не так уж и много. Помимо прочего это связано с тем, что поле пригородных исследований в наших странах лишь начинает складываться — как минимум в России и странах Центральной Азии. Главным образом такое положение дел связано с тем, что урбанистика как интегративная область знаний о развитии городских систем лишь начинает у нас развиваться.

К таким выводам мы пришли по итогам двух научных семинаров в городе Улан-Удэ в 2017 и 2019 годах, посвященных развитию пригородных исследований в России и в постсоциалистических странах в целом [Бреславский, 2017б; Бреславский, 2019б]. Эту мысль подтвердит и последующий обзор отечественных исследований российских пригородов.

Здесь стоит отметить, что крупные города России, выстроенные преимущественно в социалистический период по вполне определенным принципам градостроительства, постепенно, а где-то и очень динамично меняются. Кардинальное изменение условий, в которых они развивались в XX веке, произошло в 1990–2000-е годы. Демократизация, переход к рыночной экономике, отказ от централизованного планирования, деиндустриализация и кризис сельских территорий, формирование рынка жилья, либерализация отношений в области распределения и застройки городских и пригородных земель, развитие частного строительства и пр. — все это предопределило новые тенденции в тер-

риториальном и демографическом развитии крупных городов и их пригородов. На наших глазах возникли многочисленные коттеджные поселки, таунхаусы, микрорайоны домов усадебного типа, высотки. Активно переобустраиваются под круглогодичное проживание советские городские и пригородные дачи. Меняют свой облик и трудовую ориентацию села, поселки, малые города, расположенные неподалеку от крупных городских центров. Формируются новые связи между большими и малыми городами в рамках крупных агломераций. В результате миграций активно перестраиваются системы расселения в регионах и в стране в целом.

Все эти процессы в России вполне укладываются в модель «постсоциалистической пригородной революции», о которой шла речь выше. Однако далеко не все крупные города России и окружающие их пригородные зоны демонстрировали бурный демографический и территориальный рост. Где-то пригороды растут вместе с городами, где-то быстрее или медленнее городских центров, где-то вопреки упадку своего города. Словом, не все так однозначно.

В пространственно дифференцированной России процессы формирования новых сегментов пригородных зон и переобустройства старых приобрели явно многоукладный характер. Различия в уровне и возможностях экономического развития регионов, климатических условиях, истоках и характере продолжающейся урбанизации, масштабах разворачивающейся субурбанизации — все это определяет разнообразие процессов пригородного развития в России, о котором мы пока знаем крайне мало.

В отдельных регионах России пригороды крупных городов приобрели разные формы: мало- и многоэтажные, только жилые или смешанные (промышленные, торговые, рекреационные и пр.), элитные, для среднего класса, бедных или смешанные, поли- или моноэтнические, застроенные государством (под его контролем), частным бизнесом или самими жителями самостоятельно, в том числе самовольно, запланированные или построенные стихийно и т. д. Где-то пригороды выстраиваются на ранее неосвоенных территориях, а где-то — на основе возникших когда-то сел, деревень, поселков, малых городов путем их полной или частичной перестройки. В одних случаях пригороды формировались вследствие продолжающейся урбанизации, демографического роста «переполненных»

городов, в результате притяжения в них сельского населения, населения малых городов. В других — вследствие набирающей масштабы субурбанизации, связанной с переездом жителей из центральных городских микрорайонов в пригородные в логике классической англо-американской модели. Более конкретно говорить об источниках пригородного роста, о роли урбанизации и субурбанизации в этих процессах мы пока также, увы, не можем из-за слабости российской статистики и малого количества региональных исследований.

Но, несмотря на ощутимые различия между городами в отдельных регионах России, сегодня мы все же можем выделить основные сегменты формирующихся пригородных зон, обозначить масштабы этих процессов, указать на их текущие и возможные последствия. Последствия — это то, что обычно привлекает внимание широкой общественности, когда речь заходит о городском и пригородном развитии на локальном уровне. Речь может идти о стихийном, нерегулируемом государством и муниципалитетами характере застройки, нерешенности проблем с транспортной доступностью, пассажирским сообщением, о развитии инженерной и социально-бытовой инфраструктуры, повышении нагрузки на города и пр. В более широком смысле стихийное стягивание населения в столичные (в том числе региональные) города, которое стало характерным явлением последних лет в России, вызывает беспокойство за развитие сельских территорий и малых городов.

В России новые системы расселения в схеме «город — пригород — село» пока недостаточно изучены как на общегосударственном, так и на региональном уровне, хотя значимые работы все же выходят в свет (см., напр.: [Нефедова и др., 2016]). Известные проблемы со структурой и качеством российской статистики, уточнение, конкретизация количественных данных требуют дополнительных исследований в регионах страны. В то же время крайне мало специалистов, последовательно занимающихся изучением миграции населения, урбанизации, субурбанизации, территориального развития в регионах. При наличии внушительных перспектив для анализа в этой сфере социальных исследований пока мало региональных отечественных ученых, что порождает проблемы в организации сравнительных и обобщающих работ.

При этом мы видим, что факторы нарастания «постсоциалистической пригородной революции» применимы и к России. Периферийные районы крупных российских городов — их окраины и пригороды — как минимум в последние два десятилетия пережили схожие процессы обновления и переобустройства. Движущими силами этих изменений были по крайней мере первые четыре причины, о которых шла речь выше. В гипертрофированном виде это происходило в Москве, в меньшей степени — в Санкт-Петербурге, несоизмеримо меньше, но все же заметно — и в других региональных столицах. Речь идет о трансформации пригородов крупных городов в результате продолжающейся урбанизации (в том числе за счет центростремительной первичной сельской-городской миграции) и набирающей обороты субурбанизации. Причем два эти процесса могли происходить синхронно, влияя друг на друга, порождая гомогенные и гетерогенные формы пригородных поселений и сообществ в российских городах.

Случай России среди прочих государств на постсоветском пространстве особенный. Прежде всего в силу многоукладности страны — множественных региональных различий, составляющих сложную «природу» отечественной урбанизации и субурбанизации. Это касается, в частности, источников — движущих сил и масштабов этих процессов, условий, в которых они развивались прежде и развиваются сегодня, а также практики муниципального и регионального регулирования этих процессов.

Пригородные исследования в современной России

Для понимания региональных характеристик и особенностей развития пригородов крупных российских городов необходимо обратиться внимание на все 85 субъектов РФ, по возможности выделить типологически близкие регионы, сгруппировать их и проанализировать если не все, то отдельные кейсы в разных группах. Для решения этой задачи мы должны располагать сопоставимыми данными по регионам, которые были собраны и проанализированы по единой методике. Что же мы имеем в настоящее время?

На начало 2020 года, судя по данным портала eLIBRARY.RU (РИНЦ), который интегрирует основные потоки публикаций российских авторов, более или менее системные

полевые исследования пригородных зон крупных городов в последние 15 лет проводились лишь в 9 из 85 субъектов РФ. Сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, как обыватели и наблюдательные жители и гости российских городов мы видим происходящие изменения, осознаем их общественную значимость. С другой — не можем дать им надежную оценку как в общероссийском масштабе, так и по большинству регионов страны.

При этом в российском поле пригородных исследований работы двух российских авторов (Н.В. Мкртчян и К.В. Григоричев) задают достаточно широкую рамку для понимания текущей ситуации в демографическом и территориальном развитии пригородов крупных российских городов. Ответы на некоторые самые общие вопросы дал анализ статистики по регионам. Эту работу в общероссийском масштабе начал Мкртчян [2017], проанализировав данные текущего учета долговременной миграции, основанные на системе регистрации по месту жительства и с 2011 года — по месту пребывания. Благодаря этому мы получили важные ориентиры для понимания демографических параметров пригородного развития современной России (правда, только в разрезе миграции, численности и размещения населения и только по городским округам и муниципальным районам).

В своем исследовании 2017 года Мкртчян на основе методики выделения пригородных территорий, учитывавшей актуальное административное деление России и связанные с ним информационные ограничения, пришел к следующим значимым для нас выводам. Во-первых, сравнивая данные по численности населения 78 региональных центров и их пристоличных территорий в межпереписной период 2002–2010 годов он отмечает: темпы роста населения пригородов опережали в это время темпы роста самих региональных центров [Мкртчян, 2017, с. 26–36]. Это свидетельствует о том, что продолжающаяся урбанизация и начавшаяся субурбанизация развиваются с демографической точки зрения в большей мере в пригородных зонах крупных российских городов, а не в центральных городских микрорайонах, которые в целом уже были застроены и заселены в советский период и в первое постсоветское десятилетие. Второй важный тезис этого исследования — население пристоличных территорий в регионах России растет

не везде, равно как население самих городских центров. Где-то пригородные поселения растут очень динамично, где-то умеренно, где-то вместе с региональным центром, а где-то вопреки уменьшению численности его жителей. В целом же рост населения пригородных территорий отмечен в 55% регионов страны [Мкртчян, 2017, с. 30–31], а региональные центры и их пригороды остаются едва ли не единственными точками, в которых мы наблюдаем положительную динамику движения населения в современной России.

Другие расчеты этого автора с использованием данных о балансе миграции столиц и их пригородных территорий показывают, что в России в 2010-е годы — с опозданием по сравнению с США, странами Западной и даже Восточной Европы — начался процесс субурбанизации, исторически следующий за урбанизацией [Мкртчян, 2019а]. Еще один тезис автора, который привлекает внимание: миграционный прирост населения пригородов региональных столиц России (без учета Москвы и Санкт-Петербурга) в 2012–2016 годах был обеспечен преимущественно внутрорегиональной миграцией, а не межрегиональной или международной миграцией. Этот тезис особенно важен в контексте источников роста российских пригородов. В своих недавних публикациях Мкртчян продолжил анализ региональных статистических данных по развитию пригородных и, в частности, пристоличных территорий, обратив внимание на возрастные характеристики этих процессов. В том числе, он пришел к следующему выводу: пригороды региональных столиц от самих столиц в среднем отличает не только более интенсивный миграционный прирост, но и особенности его возрастной структуры. Центры притягивают молодежь прежде всего в возрасте поступления в вуз; пригороды, напротив, привлекательны для семей с детьми и населения в средних и пожилых возрастах [Мкртчян, 2018].

Пригороды могут рассматриваться не только в сравнении с городами, вокруг которых они формируются, но и в сравнении с периферийными территориями. Пригороды — это чаще всего сельские поселения и чуть ли не единственный вид сельских территорий в современной России, демонстрирующий миграционный прирост населения [Мкртчян, 2019б]. Конечно, эти отличия обеспечиваются их выгодным положением вблизи крупных и крупнейших городов.

В целом расчеты Мкртчяна, опубликованные в серии статей в 2017–2019 годы, существенно улучшили, а по сути сформировали наше представление о количественных параметрах популяционной и миграционной динамики пристоличных территорий в разных регионах России и по стране в целом.

При этом — и это так или иначе проговаривает сам автор — анализ статистических данных дает нам самое общее представление о мобильности населения в регионах. Глубокое понимание влияния урбанизации и субурбанизации на пригороды крупных городов в конкретных регионах требует дополнительных полевых обследований, в ходе которых официальные данные учета населения могут быть проверены, уточнены, а также использованы для построения и проверки исследовательских гипотез. К примеру, было бы важно и интересно понять, почему наиболее динамичными темпами в 2000-е годы увеличивалось население пригородных территорий Брянска, Краснодара, Уфы, Белгорода, Иркутска, Улан-Удэ, Кызыла и Якутска, а не других российских городов? Что общего между этими городами? Каковы источники их роста и какие пространственные формы этот рост приобретает?

И здесь мы вновь сталкиваемся с недостатком региональных полевых обследований. Это не позволяет нам уверенно выйти на уровень макрорегиональных и общероссийских обобщений, задуматься о тех или иных вариантах теоретических построений с надежной эмпирической основой. Вместе с тем первые попытки такой аналитической работы уже есть — это исследования К.В. Григоричева. Опираясь на методiku Мкртчяна, Григоричев представил анализ динамики численности пригородного населения региональных столиц всех сибирских и дальневосточных регионов по данным Росстата за 2002–2017 годы [Григоричев, 2018]. Он пришел к выводу, что в межпереписной период 2002–2010 годов средние темпы роста пригородных районов в Сибирском федеральном округе составили 108%, а заметная отрицательная динамика сложилась здесь только в Томской области. В регионах Дальневосточного федерального округа ситуация была иной: в большинстве субъектов численность пригородных районов убывала. При этом уже в 2010–2017 годы в Сибири не осталось ни одного региона с отрицательной динамикой населения в пригородных муниципалитетах, а на Дальнем Востоке она была зафиксирована только в Ев-

рейской автономной и Магаданской областях [Григоричев, 2018, с. 178]. Рост населения в пригородных районах Григоричев связывает с незавершенностью урбанизации в отдельных регионах Сибири и Дальнего Востока в советский период, а также с движением населения из крупных городов в пригороды, которое происходит в относительно урбанизированных регионах. Иными словами, с продолжающейся урбанизацией и начинающейся субурбанизацией. В этой работе он также обращает внимание на два базовых условия, которые, на его взгляд, определяют динамику темпов освоения пригородных территорий наряду с прочими универсальными факторами, о которых шла речь во введении. Первое условие — наличие в пределах города или городского округа пространств для реализации ценностей пригородного образа жизни — частного сектора, дач, межселитебных территорий. Второе условие — емкость пригородных муниципальных образований, связанная с возможностью приобретения земли или более или менее ее легальным занятием [Григоричев, 2018, с. 185–186].

Развивая эту идею, Григоричев обращает внимание на распространение субурбанизма как образа жизни в обширных массивах усадебной застройки частного сектора в таких крупных городах на востоке России, как Барнаул, Омск, Иркутск, Хабаровск и др. Опираясь на свои полевые наблюдения, интервью и анализ научной литературы, он отмечает: частный сектор, занимающий значительную часть пространства провинциальных городов, может выступать основным полем для распространения субурбанизма в постсоветских российских городах. При этом этот сегмент городской территории, который может оказаться одним из ключей к пониманию российского поля, обделен вниманием исследователей [Григоричев, 2017; 2019].

Предшествующие работы Григоричева также показывают, что пригороды крупных городов в России до сих пор существуют вне поля и внимания статистики и в целом властного регулирования, которое ориентировано на городские или сельские поселения. Субурбанизация как минимум в Восточно-Сибирском регионе остается не фиксируемым и не рефлексированным процессом, преимущественно основанным на неформальных практиках, в том числе миграционных [Григоричев, 2013а; 2013б; 2016].

Муниципальное законодательство подразделяет все поселения на городские и сель-

ские, а налоговый и бюджетный кодекс жестко ограничивает полномочия администраций городских центров и их пригородов, поэтому межмуниципальное взаимодействие в нашей стране слабо развито. В то же время пригородные поселения в регионах оказываются одними из наиболее быстрорастущих территорий, что требует от региональных властей повышенного внимания к ним и кооперации местных администраций с городскими — как минимум в решении задач социальной политики и развития социальной и инженерно-бытовой инфраструктуры [Бреславский, 2018].

Одним из серьезных ограничений для продвижения проблем пригородных поселений в политической повестке регионов является слабая вовлеченность региональных экспертов в их исследование и проработку. Зачастую пригороды попадают в фокус внимания отечественных ученых опосредованно, когда те изучают миграцию, системы расселения населения, (суб)урбанизацию и пр. (хотя и таких исследований единицы), и очень редко как первичный исследовательский объект.

Однако именно работы о внутренней (трудовой) миграции в России, об изменениях в системах расселения населения, как мы можем заметить, дают нам сегодня возможность говорить более или менее определенно о масштабах пригородного роста крупных российских городов, его источниках и региональных различиях [Звягинцев, Неуважаева, 2015; Флоринская и др., 2015; Нефедова и др., 2016].

Стоит начать, пожалуй, с исследований российских дач, поскольку именно их массовое преобразование в капитальные жилые сооружения, пригодные для постоянного проживания, стало значимым направлением субурбанизации на всей территории России. По сути дачи — это заложенная в 1960–1990-е годы основа для будущей субурбанизации в большинстве крупных городов нашей страны. Кроме того, дачи продолжают выполнять и свою изначальную функцию второго жилья горожанина, предназначенного для отдыха и любительского земледелия в теплое время года. Отметим, что среди прочих направлений пригородного развития городов в России, о которых говорилось выше, именно дачная субурбанизация изначально привлекла наибольшее внимание исследователей, в то время как, например, коттеджная субурбанизация, сквоттерские (самовольные) поселения, распространенные в некоторых городах страны [Алексеева, 2010; Карбаинов,

2006], пригородные села и поселки в подавляющем большинстве регионов еще не нашли своих исследователей. Важно отметить также, что сама по себе дачная субурбанизация — особый, специфический тип субурбанизации, который в России замедляет темпы деурбанизации, характерной для развитых стран [Нефедова, Treivish, 2019], и одновременно социального опустынивания сельских территорий [Нефедова, 2019].

Среди современных исследований российских дач выделим работы Н.Г. Нефедовой, А.Г. Махровой и их коллег, содержащие значимые классификации типов дачного жилья, исторические формы дач, характер их использования в современной России, обзор исследований дач в советское время и в современный период [Нефедова, 2001; 2008; 2011; 2012; Браде и др., 2013; Махрова, 2017]. Нефедова указывает, что дачи могут отражать процессы субурбанизации. Они могут служить местом отдыха и выступать в качестве объекта инвестиций в недвижимость или средства агропродовольственного самообеспечения горожан. Анализируя особенности субурбанизации столичных городов России, она выделяет шесть типов дач, возникших в досоветский, советский и постсоветский период: классические старые дачи, служебные государственные дачи, садовые товарищества, дома в деревнях (купленные или унаследованные), отдельные виллы и коттеджные поселки [Нефедова, Савчук, 2014]. Итогом продолжительных исследований коллектива Нефедовой стала монография «Между домом и... домом», в которой подводятся итоги многолетних исследований дач в европейской части России [Нефедова и др., 2016; Бреславский, 2017a]. Возвращаясь к проблематике дачной субурбанизации, отметим также работу Махровой 2017 года, в которой она выделила основные типы дачных пригородов городов местного, районного и областного значения: их размеры зависят от плотности городского центра, типа застройки и функций города. В отдельные группы ею выделены столичные, пристольные, курортные типы дачных пригородов, а также дачи в городе [Махрова, 2017].

Российские дачи стали предметом и нескольких монографических исследований [Малинова-Тзиафета, 2013], в том числе выполненных зарубежными авторами [Ловелл, 2008; Caldwell, 2011].

Перейдем к региональным исследовательским программам. Здесь следует начать с Мо-

сквы и Санкт-Петербурга — двух крупнейших генераторов пригородного роста на карте России. Среди работ, напрямую затрагивающих проблемы пригородного развития в Московской агломерации, выделим работы российских географов и особенно Махровой, которые раскрывают особенности сезонной (дачной) субурбанизации в регионе, показывают, как новая коттеджная застройка формирует западный тип субурбанизации [Golubchikov, Phelps, Makhrova, 2013; Махрова, 2014а; 2014б; 2015], а также то, как в рамках одной «пульсирующей агломерации» могут сосуществовать «статичная» (постоянная в течение всего года) и «подвижная» (сезонная) части пригородной зоны [Махрова, Бабкин, 2018].

Процессы субурбанизации в Ленинградской области освещены З.А. Михеевой, которая в своем диссертационном исследовании рассматривает основные сегменты пригородной зоны области и Санкт-Петербурга, а также выявляет потенциал субурбанизации региона с точки зрения задач жилищной политики [2012]. Среди известных нам работ о развитии пригородной зоны Санкт-Петербурга отметим статью Л.А. Лосина и В.В. Солодилова [Лосин, Солодилов, 2019], а также коллективное исследование О.В. Петри, К.Э. Аксенова и С.А. Крутикова, посвященное пригородам Санкт-Петербурга [Петри, Аксенов, Крутиков, 2012, с. 86–98], в котором проанализированы различные мотивы формирования закрытых жилых пространств внутри города и в пригороде. Изучение закрытых пригородных сообществ, которые Соня Херт назвала «новым железным занавесом» [Hirt, 2012], особенно актуально для постсоциалистических, в том числе российских городов, в которых формируются новые пространства приватности. Вспомним также статью В.П. Ремезковой, В.В. Гуткович и М.О. Спириной, посвященную анализу опыта субурбанизации Москвы и Санкт-Петербурга [Remezkova, Gutkovich, Spirina, 2016] в контексте североамериканского опыта.

В европейской части России за пределами Московского и Северо-Западного регионов, судя по имеющимся в системе РИНЦ статьям, книгам и диссертациям, исследователей пригородов немного. Отметим социологические работы А.Ю. Казаковой, посвященные пригородам Калуги, в которых она рассматривает социальный портрет и особенности образа жизни местных жителей [Казакова, 2015а, б], а также сравнительные исследования 2014–

2015 годов В.Б. Звоновского, Д.Ю. Меркуловой и Ю.В. Соловьевой, посвященные новым пригородным поселениям Самары, Ростова-на-Дону и Кемерово, где основную массу поселенцев составляют жители других районов «материнского города», которых связывают особые отношения солидарности [Звоновский, Меркулова, 2015; Звоновский, Меркулова, Соловьева, 2015]. Территориальной организации садово-дачных образований Пермской городской агломерации посвятила свою диссертацию И.О. Щепеткова [Щепеткова, 2019].

Пригороды уральских городов не нашли пока своих постоянных исследователей. Отмечу лишь одно небольшое обследование, посвященное субурбанизации в Свердловской области [Чевтаева, Егунов, 2014]. Среди сибирских исследователей выделим работы уже упомянутого ранее социолога, демографа Григоричева, который последовательно изучает разные аспекты развития пригородной зоны Иркутска и других крупных сибирских и дальневосточных городов. В своей монографии «В тени большого города: социальное пространство пригорода» [Григоричев, 2013б], опираясь на полевые исследования и материалы статистики, он анализирует специфику формирования пригородных поселений и взаимодействия переселенцев из города, трансграничных мигрантов и коренного населения, а также складывание новой экономики и властной сферы сквозь призму концепта транслокальности. Иркутские пригороды попали в фокус внимания еще четырех исследователей. Д.И. Тимошкин обратил внимание на неформальные экономические практики в пригородах [Тимошкин, 2017]; И.Т. Абдулову заинтересовали вопросы формирования новых пригородных районов и местных сообществ [Абдулова, 2019]; И.Ю. Корюхина и В.В. Куклина [Корюхина, Куклина, 2014; 2017] на своих полевых материалах показывают, что в конструировании пространства пригорода важнейшее значение приобретают такие характеристики, как безопасность и свобода. Для их достижения используются различные способы и технологии ограждения в физическом пространстве, их ценность вербализуется в рекламе коттеджных поселков, однако их нехватка остро ощущается в процессе пребывания в пригороде.

В 2012 году автор данной статьи начал работу в поле пригородных исследований с изучения пригородной зоны столицы Бурятии, города Улан-Удэ [Бреславский, 2014; 2016], а впоследствии обратил внимание на бур-

ный демографический рост столиц еще трех республик на юге Сибири: Республики Алтай, Хакасии и Тувы [Бреславский, 2018, 2019a].

Начинают работу по изучению сельских пригородов Тюмени А.В. Шелудков и С.В. Рассказов — в частности, они уже провели исследование социально-экономических ландшафтов пригородных сел Тюменской области [Рассказов, Шелудков, 2017a], а функциональной специализации пригородной зоны Тюмени посвящена отдельная статья А.В. Шелудкова [2017b].

Изучением пригородов еще одного сибирского города — Красноярска — занимались в последние годы Л.А. Дорофеева и А.И. Шадрин, которых интересует маятниковая миграция населения, география коттеджного и дачного расселения, филиализация пригородной территории, вопросы ее комплексного развития [Дорофеева, Шадрин, 2014; Дорофеева, 2018]. Пригороды еще одного миллионника Сибири — Новосибирска — не избалованы вниманием исследователей. Отметим недавнюю работу Е.В. Шевцовой о миграции и межэтнических отношениях в городе и его пригородах [Шевцова, 2018]. Тема встречи мигрантов и местных жителей в пригородах крупных городов, столь значимая для современной Европы, в России пока слабо изучена. Помимо указанной работы можем отметить, пожалуй, еще одно исследование — [Иванова, Андреева, Варшавер, 2019].

В регионах Дальнего Востока также не много специалистов, которые бы более или менее последовательно занимались изучением пригородов крупных региональных городов. Исключение — отдельные вводные работы по Владивостоку [Винокурова и др., 2017; Винокурова, 2019] и Якутску [Федорова, Пономарева, 2014; Яковлев, 2018; 2019], хорошо показывающие, как, например, природно-географические условия могут влиять на реальную пространственную конфигурацию пригородной зоны. Отдельно выделим работы по народной архитектуре приамурских и приморских городов, выполненные А.П. Ивановой [Иванова, 2017; 2019].

Приведенные выше немногочисленные исследования выполнены в основном с опорой на методики социологии, демографии и экономической географии. Надо сказать, что исторических исследований, подробно раскрывающих картину пригородной жизни в России в Средние века и позднее, тоже немного. Из известных нам работ можем выделить труды по экономической исто-

рии А.В. Белова, посвященные пригородам Москвы во второй половине XIX — начале XX века [Белов, 2019], и работы Д.С. Дегтярева по пригородным поселениям дореволюционного Томска [Дегтярев, 2012] и Барнаула [Дегтярев, 2019]. Исторические исследования пригородов российских городов крайне важны для нас по понятным причинам: без знания исторических форм пригородных поселений, понимания исторического контекста, в котором они возникли и изменялись, невозможно корректно ставить и решать задачи в современных исследованиях. Не хватает качественных экономических трудов, работ в области территориального планирования, архитектуры пригородных поселений, практики муниципального и государственного управления пригородным развитием. Отдельных отечественных экономистов, как показал наш анализ, в пригородах интересуют преимущественно проблемы рынка жилья и недвижимости, а также вопросы расселения населения в качестве трудового ресурса [Шибалева, 2008; Медведева, 2011; Муравьев, Позмогова, 2012]. В то же время многие другие значимые темы (бедность, экономика пригородных домохозяйств и пр.) по-прежнему остаются без сколько-нибудь пристального внимания.

Заключение

Российское поле пригородных исследований лишь начинает складываться. Сегодня в нем относительно последовательно работает не более десяти отечественных ученых из разных регионов страны. Научные интересы этих специалистов в основном выходят за рамки собственно пригородных исследований: часто они концентрируются на более общих вопросах: урбанизации и субурбанизации, миграции, мобильности населения, системах расселения, агломерационных процессах и пр. Иными словами, пригороды в их работах крайне редко выступали самостоятельным объектом и предметом исследований.

Однако ситуация в последние три-пять лет понемногу меняется. Общественная и научная значимость пригородных исследований в России становится все более явной. В том числе благодаря инициативным научным исследованиям, о которых шла речь в статье, а также научным встречам — конференциям и семинарам, посвященным российским пригородам и полю пригородных исследо-

ваний в России в целом. На текущем этапе специалисты знакомятся с исследовательскими программами друг друга, расширяется наше представление о региональном разнообразии российских пригородов, источниках и направлениях их постсоветской трансформации, стали более ясными масштабы пригородного роста в современной России.

В то же время мы по-прежнему мало знаем о конкретных региональных кейсах большинства крупных российских городов, в том числе о пригородных зонах большинства городов-миллионеров. С содержательной точки зрения по имеющимся единичным работам (в основном географов, демографов и социологов) сложно судить о том, какого рода проблемы выходят на первый план в современных российских пригородных исследованиях. Предметное и дисциплинарное поле пока лишь складывается. Это происходит под влиянием предпочтений, интересов и дисциплинарных ориентиров отдельных ученых. Узкая география полевых исследований не позволяет проводить широкий сравнительный и сопоставительный анализ пригородного развития на основе данных из разных регионов России (за исключением данных о мобильности населения и его отдельных половозрастных характеристиках).

Поэтому наша общая задача заключается в том, чтобы расширить географию совместных исследований, в том числе межрегиональных и междисциплинарных, и на этой основе начать глубинную методологическую дискуссию о проблемах изучения пригородов и пригородного образа жизни в современной России. В этом нам может помочь как знакомство с англо-американской традицией *suburban studies*, так и с новыми исследованиями в развивающихся и постсоциалистических странах [Бреславский, 2016], число которых увеличивается с каждым годом.

Источники

- Абдулова И.Т. (2019) Новые микрорайоны Иркутска: между пригородом и «спальным» районом//«Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве//отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 92–97.
- Алексеева М.С. (2010) Сельско-городская миграция и проблема самовольных поселений в постсоветской Бурятии: социально-экологический подход//Журнал социологии и социальной антропологии. № 4. С. 128–139.
- Белов А.В. (2019) Москва, московские пригороды, пригородные поселения во второй половине XIX – начале XX в.: город и процессы урбанизации сельских окраин. Москва-Берлин: Директмедиа паблшинг. С. 226.
- Браде И., Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2013) Особенности субурбанизации в Московской агломерации в постсоветский период//Известия РАН. Сер. географическая. № 2. С. 19–29.
- Бреславский А.С. (2014) Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Бреславский А.С. (2016) Какой может быть российская субурбанизация?//Мир России. № 1. С. 79–102.
- Бреславский А.С. (2017а) Поправка на мобильность: как трудовая и дачная миграция влияет на расселение россиян?//Социологическое обозрение. Т. 16. № 1. С. 278–295.
- Бреславский А.С. (ред.) (2017б) Что мы знаем о современных российских пригородах? Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.
- Бреславский А.С. (2018) Пригороды крупных городов в региональной социальной политике//Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 4. С. 26–33.
- Бреславский А.С. (2019а) Урбанизация в республиках Южной Сибири: динамика ключевых параметров (1989–2019)//Урбанистика. № 1. С. 58–67.
- Бреславский А.С. (ред.) (2019б) «Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.
- Винокурова А.В., Костина Е.Ю., Панфилова А.О., Осмачко Н.В. (2017) Островные территории как пригороды: проблемы развития о. Русский во Владивостокской агломерации//Что мы знаем о современных российских пригородах?/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 98–106.
- Винокурова А.В. (2019) Пригороды крупных дальневосточных городов России: территориальное и демографическое развитие (кейс Владивостока)//«Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 73–79.
- Григоричев К.В. (2013а) Местные сообщества и местная власть в неинституционализированном пространстве (случай пригородов Иркутска)//Полиция. № 1 (68). С. 103–116.
- Григоричев К.В. (2013б) В тени большого города: социальное пространство пригорода: монография. Иркутск: Оттиск.
- Григоричев К.В. (2016) «Они есть, но их нет»: «китайские» теплицы в пространстве пригорода//Этнографическое обозрение. № 4. С. 137–153.

- Григоричев К.В. (2017) Субурбанизм в сибирских регионах как механизм постсоветских трансформаций//Что мы знаем о современных российских пригородах?/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 74–87.
- Григоричев К.В. (2018) Субурбанизация на востоке России: региональная мозаика локального тренда//Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 175–189.
- Григоричев К.В. (2019) Частный сектор российских городов: от наследия советской урбанизации к внутреннему пригороду//«Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве: сб. тез. междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 14–16 ноября 2019 г.): в 2 ч./отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 22–25.
- Дегтярев Д.С. (2012) Основные объекты пригородной зоны Томска во второй половине XIX – начале XX в., их типы и функции//Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. № 1. С. 100–107.
- Дегтярев Д.С. (2019) Историческая микрогеография Барнаула (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Азбука.
- Дорофеева Л.А., Шадрин А.И. (2014) Особенности трансформации пригородных территорий городских агломераций (на примере красноярской)//Трансформация социально-экономического пространства Евразии в постсоветское время: сб. ст. Т. 1/отв. ред. Н.И. Быков, Д.А. Дирин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. С. 117–121.
- Дорофеева Л.А. (2018) Географические особенности формирования пригородной территории Красноярской агломерации: дисс. канд. географич. наук: 25.00.24. Красноярск: Ин-т географии им. В.Б. Сошалева СО РАН.
- Звоновский В.Б., Меркулова Д.Ю. (2015) Потенциал новых пригородов в формировании местного самоуправления//Теория и практика развития институтов гражданского общества в Самарской области: Материалы I регион. науч.-практ. конф. Самара: Артель. С. 44–48.
- Звоновский В.Б., Меркулова Д.Ю., Соловьева Ю.В. (2015) Жители новых российских пригородов: «чужие» или «свои»?//Социологический журнал. Т. 21. № 4. С. 61–79.
- Звягинцев В.И., Неуважаева М.А. Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России//Мир России. 2015. Т. 24. № 1. С. 101–135.
- Иванова А.П. (2017) Архитектура предместий//Вестник Тихоокеанского государственного университета. № 2. С. 99–108.
- Иванова А.П. (2019) Дальневосточная народная архитектура: города и субурбии//«Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 80–85.
- Иванова Н. С., Андреева А. С., Варшавер Е. А. (2019) Формирование зон резидентной концентрации мигрантов в подмосковном городе Котельники//«Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 102–103.
- Казакова А.Ю. (2015а) Городские сельчане: социальный портрет населения пригородной зоны Калуги//Самоуправление. № 9. С. 15–19.
- Казакова А.Ю. (2015б) Мотивация пригородного образа жизни в современной российской провинции (на примере пригородов Калуги)//Научно-методический электронный журнал «Концепт». Т. 13. С. 1141–1145.
- Карбаинов Н.И. (2006) «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город//Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск: ХНЦ ДВО РАН. С. 129–154.
- Корюхина И.Ю., Куклина В.В. (2014) Взаимодействие города и села в пространствах пригорода (случай Иркутска)//Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 3. С. 14–21.
- Корюхина И.Ю., Куклина В.В. (2017) Грамматика пригорода: особенности пространственного языка (на примере пригорода г. Иркутска)//Что мы знаем о современных российских пригородах?/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 106–123.
- Ловелл С. (2008) Дачники: история летнего жилья в России: 1710–2000/пер. с англ. Л. Семеновой. СПб.: Академический проект; ДНК.
- Лосин Л. А. Солодилов В. В. (2019) Территориальная структура Санкт-Петербургской городской агломерации//Региональная экономика и развитие территорий. СПб: СПГУАП. С. 180–186.
- Малинова-Тзиафета О.Ю. (2013) Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб: ЕУСПб.
- Матвейшина М.Е. (2015) Развитие процесса субурбанизации на примере белгородской агломерации//Вестник Иркутского государственного технического университета. Сер. Архитектура и строительство. № 6 (101). С. 98–108.
- Махрова А.Г. (2014а) Особенности стадийного развития Московской агломерации//Вестник МГУ. Сер. 5. География. № 4. С. 10–16.
- Махрова А.Г. (2014б) Роль организованных коттеджных поселков в развитии субурбанизации в пост-

- советской России//Известия РАН. Сер. географическая. № 4. С. 49–59.
- Махрова А.Г. (2015) Сезонная субурбанизация в регионах России//Вестник МГУ. Сер. 5. География. № 4. С. 60–68.
- Махрова А.Г. (2017) Сезонная субурбанизация: дачные пригороды российских городов//Что мы знаем о современных российских пригородах?/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 37–51.
- Махрова А.Г., Бабкин Р.А. (2018) Анализ пульсаций системы расселения Московской агломерации с использованием данных сотовых операторов//Региональные исследования. № 2 (60). С. 68–78.
- Медведева Л.Н. (2011) Пригородная зона как одна из форм социально-экономического и территориального расселения горожан: актуальность и значение//Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 150. С. 139–148.
- Мкртчян Н.В. (2017) Пристоличные территории России: динамика населения и миграционный баланс//Что мы знаем о современных российских пригородах?/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 26–37.
- Мкртчян Н.В. (2018) Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса//Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 6. С. 26–38.
- Мкртчян Н.В. Миграция и субурбанизация в региональных столицах и пригородных территориях России//«Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве: сб. тез. междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 14–16 ноября 2019 г.): в 2 ч./отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 14–21.
- Михеева З.А. (2012) Субурбанизация как инструмент решения жилищной проблемы Санкт-Петербурга и Ленинградской области: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. СПб.: СПбГУ.
- Муравьев А.А., Позмогова С.Б. (2012) Перспективы развития города Ульяновска в процессе перехода от урбанизации к субурбанизации//Вестник Ульяновского государственного технического университета. Т. 3 (59). С. 56–59.
- Нефедова Н.Г. (2001) Российские пригороды. Горожане в сельской местности//Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен (памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского). М.: ОГИ. С. 374–399.
- Нефедова Т.Г. (2008) Российская глубинка глазами ее обитателей//Угорский проект: экология и люди Ближнего Севера/под ред. Н.Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов. С. 98–120.
- Нефедова Т.Г. (2011) Российские дачи как социальный феномен//SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. № 15. С. 161–173.
- Нефедова Т.Г. (2012) Горожане и дачи//Отечественные записки. № 3 (48). С. 204–216.
- Нефедова Т.Г., Аверкиева К.В., Махрова А.Г. (ред.) (2016) Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность России. М.: Новый хронограф.
- Нефедова Т.Г., Савчук И.Г. (2014) Второе загородное жилье горожан в России и Украине: эволюция дач и тренды их современных изменений//Известия РАН. Сер. географическая. № 4. С. 39–48.
- Нефедова Т.Г. (2019) Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства европейской части России//Пространственная экономика. Т. 15. № 4. С. 36–56.
- Петри О.В., Аксенов К.Э., Крутиков С.А. (2012) Пригородные закрытые жилые комплексы Санкт-Петербурга: начало сегрегации или смена образа жизни?//Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7. Геология, география. № 1. С. 86–98.
- Тимошкин Д.О. (2017) «Помогу за коньячок»: неформальные практики землепользования в пригородах Иркутска//Сибирские исторические исследования. № 1. С. 149–165.
- Федорова Е.Н., Пономарева Г.А. (2014) Аспекты агломерационного развития Якутска//Экономический анализ: теория и практика. № 39. С. 18–25.
- Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. (2015) Миграция и рынок труда. М.: Дело.
- Шевцова Е.В. (2018) Миграционные процессы и состояние межэтнических отношений в городе Новосибирске и пригородах: потенциал антимигрантской протестной активности//Вестник НГУЭУ. № 3. С. 300–309.
- Шелудков А.В. (2017) Индустриальные деревни, спальные районы, внутренняя периферия: функциональная специализация пригородной зоны Тюмени//Что мы знаем о современных российских пригородах?/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 135–147.
- Шелудков А.В., Рассказов С.В. (2017) Карта многоукладности: пригородные и периферийные зоны Тюменской области//Крестьяноведение. Т. 2. № 1. С. 102–114.
- Щепеткова И.О. (2019) Территориальная организация садово-дачных образований Пермской городской агломерации: дисс. к. г. н.: 25.00.24. Пермь: Пермский гос. национальный исследовательский университет.
- Шибалева М.А. (2008) Определение экономически выгодной удаленности приобретаемого в пригороде жилья//Предпринимательство. № 6. С. 151–154.
- Яковлев А.И. (2018) Нижний Бестях и Якутск: проблемы и перспективы городских агломераций в Яку-

- тии//Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 190–200.
- Яковлев А.И. (2019) Пригородное село Хатас и проблемы сезонной агломерации Якутска и Нижнего Бестяха//«Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 98–101.
- Breslavsky A.S. (2016) The Suburbs of Ulan-Ude and the Ger Settlements of Ulaanbaatar. A Comparison of Post-socialist Cities//Inner Asia. Vol. 18. No. 2. P. 196–222.
- Caldwell M.L. (2011) *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley, L.A.: University of California Press.
- Golubchikov O., Phelps N.A., Makhrova A.G. (2011) Khimki in Moscow City-region: From 'Closed City' to 'Edge City'?//International Perspectives on Suburbanization. A Post-Suburban World?/N.A. Phelps, F. Wu (eds.). London: Palgrave Macmillan. P. 177–192.
- Hirt S. (2012) *Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Keil R. (2017) *Suburban Planet: Making the World Urban from the Outside*. Cambridge: Polity Press.
- Lefebvre H. (2003) *The Urban Revolution*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Mkrtchyan N.V. (2019) Migration in Rural Areas of Russia: Territorial Differences//Population and Economics. Vol. 3 (1). P. 39–51.
- Nefedova T.G., Treivish A.I. (2019) Urbanization and Seasonal Deurbanization in Modern Russia//Regional Research of Russia. Vol. 9. No. 1. P. 1–11.
- Remezko V., Gutkovich V., Spirina M. (2016) Russian Way of Suburbanization: Moscow and Saint Petersburg Experience//Urban Studies and Practices. Vol. 1. No. 1. P. 24–38.
- Stanilov K., Hirt S. (2009) *Twenty Years of Transition. The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union. 1989–2009*. Nairobi: UN Habitat.
- Stanilov K., Sykora L. (eds.) (2014) *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*. Oxford: Wiley-Blackwell.

ANATOLIY BRESLAVSKY

WHO STUDIES THE SUBURBS OF BIG CITIES IN CONTEMPORARY RUSSIA AND HOW?

Anatoliy S. Breslavsky, PhD in Sociology, Senior Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS; 6 Sakhyanovoy street., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation.

E-mail: breslavsky@imbt.ru

Abstract

This article gives a brief overview of the research of suburbs in Russia. The author gives a brief exposition of the subject and notes that rapid suburbanization and urbanization are two sides of the same process, although their rates may not coincide. Noting the specifics of the rapid growth of suburbs in the post-Soviet space (“the post-socialist suburban revolution”), he cites five sources of this: deregulation in urban management, construction, the real estate market, etc.; compensation for the historical shortage of housing; the deindustrialization of cities and the infrastructure crisis of central urban neighborhoods; mass internal migration to large cities; and the arrival of foreign investment in suburban real estate.

The author then discusses the topics and studies of suburban researchers by discipline and geographical region. The main directions in the study of suburbanization are the population and migration dynamics of suburban territories, the variety of dachas, and the geography of the suburbs. The field is just beginning to develop in Russia and there are few scientists and few research cases scattered around the country which does not allow generalizations to be made about the state of the suburbs in the country in general. The current picture of the development of suburbs on a nationwide scale is formed only on the basis of demographic data.

Keywords: suburbs; suburbanization; urbanization; migration; dacha; post-socialist suburban revolution

Citation: Breslavsky A.S. (2020) Who Studies the Suburbs of Big Cities in Contemporary Russia and How? *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 4, pp. 16–34. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp54202016-34>

References

- Abdulova I.T. (2019) Novye mikrorayony Irkutska: mezhdru prigorodom i “spalnym” rayonom [New Microdistricts of Irkutsk: Between the Suburb and “Sleeping” Area]. Breslavsky A.S. (ed.) *“Prigorodnaya revolyuciya” v regional’nom srezhe: periferijnye gorodskie territorii na postsovetском prostranstve* [Regional Cut of “Suburban Revolution”: Peripheral Urban Areas in the Post-Soviet Territories]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 92–97. (in Russian)
- Alekseeva M.S. (2010) Sel’sko-gorodskaya migraciya i problema samovol’nyh poselenij v postsovetской Buryatii: social’no-ekologicheskij podhod [Rural-Urban Migration and the Problem of Unauthorized Settlements in Post-Soviet Buryatia: A Socio-Ecological Approach]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noi antropologii* [The Journal of Social Policy Studies], no 4, pp. 128–139. (in Russian)
- Belov A.V. (2019) Moskva, moskovskie prigorody, prigorodnye poseleniya vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: gorod i processy urbanizacii sel’skih okrain [Moscow, Moscow Suburbs, Suburban Settlements in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: City and Urbanization Processes in Rural Outskirts]. Moscow-Berlin: Direct-media Publishing. (in Russian)
- Brade I., Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. (2013) Osobennosti suburbanizacii v moskovskoj aglomeracii v postsovetский period [Features of Suburbanization in the Moscow Agglomeration in the Post-Soviet Period]. *Izvestiya RAN. Ser. Geograficheskaya* [Bulletin of Russian Academy of Sciences. Geography Series], no 2, pp. 19–29. (in Russian)
- Breslavsky A.S. (2014) Nezaplanirovannye prigorody: sel’sko-gorodskaya migraciya i rost Ulan-Ude v postsovetский period [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period]. Ulan-Ude: BNC SB RAS. (in Russian)
- Breslavsky A. (2016a) Kakoi mozhet byt’ rossiiskaya suburbanizatsiya? [Possible Modes of Suburbanization in Russia]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], vol. 25, no 1, pp. 79–102. (in Russian)

- Breslavsky A.S. (2016b) The Suburbs of Ulan-Ude and the Ger Settlements of Ulaanbaatar. A Comparison of Post-socialist Cities. *Inner Asia*, vol. 18, no 2, pp. 196–222.
- Breslavsky A. (2017) Popravka na mobil'nost': kak trudovaya i dachnaya migratsiya vliyaet na rasselenie rossiyan? [Correction for Mobility: How do Labor and Dacha's Migrations Influence the Settlement of Russians?]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 16, no 1, pp. 278–295. (in Russian)
- Breslavsky A.S. (ed.) (2017) *Chto my znaem o sovremennyh rossijskikh prigorodah?* [What do We Know about Modern Russian Suburbs?]. Ulan-Ude: Publishing house of BNC SB RAS. (in Russian)
- Breslavsky A.S. (2018) Prigorody krupnyh gorodov v regional'noj social'noj politike [Russian Suburbs and regional social policy]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oikumena. Regional Researches], vol. 4, pp. 26–33. (in Russian)
- Breslavsky A.S. (2019a) [Urbanization in the Republics of Southern Siberia: Dynamics of Key Parameters (1989–2019)]. *Urbanistika* [Urban Studies], vol. 1, pp. 58–67. (in Russian)
- Breslavsky A.S. (ed.) (2019b) *"Prigorodnaya revolyuciya" v regional'nom sreze: periferijnye gorodskie territorii na postsovet'skom prostranstve* [Regional Cut of "Suburban Revolution": Peripheral Urban Areas in the Post-Soviet Territories]. Ulan-Ude: BNC SB RAS. (in Russian)
- Caldwell M.L. (2011) *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley, L.A.: University of California Press.
- Golubchikov O., Phelps N.A., Makhrova A.G. (2011) Khimki in Moscow City-region: From 'Closed City' to 'Edge City'? *International Perspectives on Suburbanization. A Post-Suburban World?* London: Palgrave Macmillan, pp. 177–192.
- Grigorichev K.V. (2013a) Mestnye soobshchestva i mestnaya vlast' v neinstitucionalizirovannom prostranstve (sluchaj prigorodov Irkut'ska) [Local Communities and Local Authorities in a Non-Institutionalized Space (the Case of the Suburbs of Irkutsk)]. *Politiya* [Polity], vol. 1 (68), pp. 103–116 (in Russian)
- Grigorichev K.V. (2013b) V teni bol'shogo goroda: social'noe prostranstvo prigoroda: monografiya [In the Shadow of a Big City: The Social Space of the Suburb: A Monograph]. Irkutsk: Imprint. (in Russian)
- Grigorichev K.V. (2016) "Oni est', no ikh net": "kitaiskie" teplitsy v prostranstve prigoroda ["They Are but They Aren't There": "Chinese" Greenhouses in the Suburban Space]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], no 4, pp. 137–153. (in Russian)
- Grigorichev K.V. (2017) Suburbanizm v sibir'skikh regionah kak mekhanizm postsovet'skikh transformacij [Suburbanism in Siberian Regions as a Mechanism of Post-Soviet Transformations]. Breslavskiy A.S. (ed.) *Chto my znaem o sovremennyh rossijskikh prigorodah?* [What do We Know About Modern Russian Suburbs?]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 74–87. (in Russian)
- Grigorichev K.V. (2018) Suburbanizatsiya na vostoke Rossii: regional'naya mozaika lokal'nogo trenda [Suburbanization in the East of Russia: A Regional Mosaic of a Local Trend]. *Respubliki na vostoke Rossii: traektorii ekonomicheskogo, demograficheskogo i territorial'nogo razvitiya* [Republics in the East of Russia: Trajectories of Economic, Demographic and Spatial Development]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 175–189. (in Russian)
- Grigorichev K.V. (2019) CHastnyj sektor rossijskikh gorodov: ot naslediya sovet'skoj urbanizatsii k vnutrennemu prigorodu [The Areas of Private Property of Russian Cities: From the Legacy of Soviet Urbanization to the Inner Suburb]. Breslavskiy A.S. (ed.) *"Prigorodnaya revolyuciya" v regional'nom sreze: periferijnye gorodskie territorii na postsovet'skom prostranstve* [Regional Cut of "Suburban Revolution": Peripheral Urban Areas in the Post-Soviet Territories]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 22–25. (in Russian)
- Degtyarev D.S. (2012) Osnovnye ob'ekty prigorodnoj zony Tomska vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v., ih tipy i funkcii [The Main Objects of the Suburban Area of Tomsk in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries, Their Modifications and Functions]. *Izvestiya Irkut'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya. Religiovedenie* [Bulletin of the Irkutsk State University. Political Science Series. Religious Studies], no 1, pp. 100–107. (in Russian)
- Degtyarev D.S. (2019) Istoricheskaya mikrogeografiya Barnaula (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Historical Microgeography of Barnaul (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. Barnaul: The ABC. (in Russian)
- Dorofeeva L.A., Shadrin A.I. (2014) Osobennosti transformatsii prigorodnyh territorij gorod'skikh aglomeratsij (na primere krasnoyarskoj) [Features of the Transformation of Suburban Areas of Urban Agglomerations (on the Example of Krasnoyarsk)]. *Transformatsiya social'no-ekonomicheskogo prostranstva Evrazii v postsovet'skoe vremya: sb. st. T. 1* [Transformation of the Socio-Economic Space of Eurasia in the Post-Soviet Era: Collection of Articles. Vol. 1]. Barnaul: Altay University Publishing, pp. 117–121. (in Russian)
- Dorofeeva L.A. (2018) Geograficheskie osobennosti formirovaniya prigorodnoj territorii Krasnoyarskoj aglomeratsii: diss. kand. geografich. nauk: 25.00.24. [Geographical Features of the Formation of the Suburban Area of the

- Krasnoyarsk Agglomeration: Candidate Geographic Sciences Dissertation: 25.00.24]. Krasnoyarsk: Institut geografii im. V.B. Sochavy SO RAN [Krasnoyarsk: Institute for Geography SB RAS]. (in Russian)
- Fedorova E.N., Ponomareva G.A. (2014) Aspekty aglomeratsionnogo razvitiya Yakutska [Aspects of the Agglomeration Development of Yakutsk]. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory and Practice], no 39, pp. 18–25.
- Florinskaya Yu.F., Mkrtychyan N.V., Maleva T.M., Kirillova M.K. (2015) Migratsiya i rynek truda [Migration and the Labor Market]. Moscow: Delo.
- Hirt S. (2012) *Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Ivanova A.P. (2017) Arhitektura predmestij [Suburb architecture]. *Vestnik Tihookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the PNU], no 2, pp. 99–108. (in Russian)
- Ivanova A.P. (2019) Dal'nevostochnaya narodnaya arhitektura: goroda i suburbia [Far Eastern Vernacular Architecture: Cities and Suburbs]. Breslavskiy A.S. (ed.) *"Prigorodnaya revolyuciya" v regional'nom sreze: periferijnye gorodskie territorii na postsovetskom prostranstve* [Regional Cut of "Suburban Revolution": Peripheral Urban Areas in the Post-Soviet Territories]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 80–85. (in Russian)
- Ivanova N.S., Andreeva A.S., Varshaver E.A. (2019) Formirovanie zon rezidentnoj koncentracii migrantov v podmoskovnom gorode Kotelniki [Formation of Zones of Residential Concentration of Migrants in the Town of Kotelniki in Moscow Outskirt]. Breslavskiy A.S. (ed.) *"Prigorodnaya revolyuciya" v regional'nom sreze: periferijnye gorodskie territorii na postsovetskom prostranstve* [Regional Cut of "Suburban Revolution": Peripheral Urban Areas in the Post-Soviet Territories]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 102–103. (in Russian)
- Karbainov N.I. (2006) «Nahalovki Ulan-Ude»: nichejnaya zemlya, nepravil'nye shamany i pravo na gorod ["Nakh-alovki Ulan-Ude": No Man's Land, Wrong Shamans and the Right to the City]. *Aginskaya street, tanec s ognem i alyuminievye strely: prisvoenie kul'turnyh landshaftov* [Aginskaya Street, Dance with Fire and Aluminum Arrows: Assignment of Cultural Landscapes]. Khabarovsk: KhSC FEB RAS, pp. 129–154. (in Russian)
- Kazakova A.Yu. (2015a) Gorodskie sel'chane: social'nyj portret naseleniya prigorodnoj zony Kalugi [City Villagers: The Social Portrait of the of Suburban Population of Kaluga]. *Samoupravlenie* [Self-government], no 9, pp. 15–19. (in Russian)
- Kazakova A.Yu. (2015b) Motivatsiya prigorodnogo obraza zhizni v sovremennoj rossijskoj provincii (na primere prigorodov Kalugi) [Motivation to the Suburban Lifestyle in the Modern Russian Province (on the Example of the Suburbs of Kaluga)]. *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept»* [Scientific and Methodological Electronic Journal "Koncept"], vol. 13, pp. 1141–1145. (in Russian)
- Keil R. (2017) *Suburban Planet: Making the World Urban from the Outside* in Cambridge: Polity Press.
- Koryukhina I.Yu., Kuklina V.V. (2014) Vzaimodejstvie goroda i sela v prostranstvah prigoroda (sluchaj Irkutska) [Interaction of the City and the Village in the of the Suburb Areas (the Case of Irkutsk)]. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij* [Labyrinth. Journal of Social and Humanities Research], no 3, pp. 14–21. (in Russian)
- Koryukhina I.Yu., Kuklina V.V. (2017) Grammatika prigoroda: osobennosti prostranstvennogo yazyka (na primere prigoroda g. Irkutska) [The Grammar of the Suburb: Features of the Spatial Language (on the Example of the Suburb of Irkutsk)]. Breslavskiy A.S. (ed.) *Chto my znaem o sovremennyh rossijskih prigorodah?* [What do We Know about Modern Russian Suburbs?]. Ulan-Ude: Publishing house of BNC SB RAS, pp. 106–123. (in Russian)
- Lefebvre H. (2003) *The Urban Revolution*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Losin L.A., Solodilov V.V. (2019) Territorial'naya struktura Sankt-Peterburgskoj gorodskoj aglomeratsii [Spatial Structure of the St. Petersburg Urban Agglomeration]. *Regional'naya ekonomika i razvitie territorij* [Regional Economy and Development of Territories]. St. Petersburg: SPGUAP, pp. 180–186. (in Russian)
- Lovell S. (2008) Dachniki: istoriya letnego zhil'ya v Rossii: 1710–2000 [Summer Residents: The History of Summer Housing in Russia: 1710–2000]. St. Petersburg: Academic project; DNA. (in Russian)
- Malinova-Tziafeta O.Yu. (2013) Iz goroda na dachu: sociokul'turnye faktory osvoeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860–1914) [From City to Dacha: Socio-Cultural Factors in the Development of Dacha Space Around St. Petersburg (1860–1914)]. St. Petersburg: EUSP. (in Russian)
- Matveishina M.E. (2015) Razvitie processa suburbanizatsii na primere belgorodskoj aglomeratsii [Development of the Suburbanization Process on the Example of the Belgorod Agglomeration]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Ser. Arhitektura i stroitel'stvo* [Proceedings of the Irkutsk State Technical University. Architecture and Construction Series], no 6 (101), pp. 98–108. (in Russian)
- Makhrova A.G. (2014a) Osobennosti stadial'nogo razvitiya moskovskoj aglomeratsii [Features of the Stadal Development of the Moscow Agglomeration]. *Vestnik MGU. Ser. 5. Geografiya* [Bulletin MSU. Geography Series No 5], no 4, pp. 10–16. (in Russian)

- Makhrova A.G. (2014) Rol' organizovannyh kottedzhnyh poselkov v razvitii suburbanizacii v postsovetsoj Rossii [The Role of Organized Cottage Settlements in the Development of Suburbanization in Post-Soviet Russia]. *Izvestiya RAN. Ser. geograficheskaya* [Bulletin RAS. Geography Series], no 4, pp. 49–59. (in Russian)
- Makhrova A.G. (2015) Sezonnaya suburbanizaciya v regionah Rossii [Seasonal Suburbanization in the Regions of Russia]. *Vestnik MGU. Ser. 5. Geografiya* [Vestnik MGU. Series 5. Geography], no 4, pp. 60–68. (in Russian)
- Makhrova A.G. (2017) Sezonnaya suburbanizaciya: dachnye prigorody rossijskih gorodov [Seasonal Suburbanization: Suburban Suburbs of Russian Cities]. Breslavskiy A.S. (ed.) *Chto my znaem o sovremennyh rossijskih prigorodah?* [What do We Know About Modern Russian Suburbs?]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 37–51. (in Russian)
- Makhrova A.G., Babkin R.A. (2018) Analiz pul'sacij sistemy rasseleniya Moskovskoj aglomeracii s ispol'zovaniem dannyh sotovyh operatorov [Analysis of Moscow Agglomeration Settlement System Pulsations Based Mobile Operators Data]. *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], vol. 2 (60), pp. 68–78.
- Medvedeva L.N. (2011) Prigorodnaya zona kak odna iz form social'no-ekonomicheskogo i territorial'nogo rasseleniya gorozhan: aktual'nost' i znachenie [Suburban Area as One of the Forms of Socio-Economic and Spatial Resettlement of Citizens: Relevance and Significance]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], vol. 150, pp. 139–148. (in Russian)
- Mkrtchyan N.V. (2017) Pristolichnye territorii Rossii: dinamika naseleniya i migracionnyj balans [Near-Capital Territories of Russia: Population Dynamics and Migration Balance]. Breslavskiy A.S. (ed.) *Chto my znaem o sovremennyh rossijskih prigorodah?* [What do We Know About Modern Russian Suburbs?]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 26–37. (in Russian)
- Mkrtchyan N.V. (2018) Regional'nye stolicy Rossii i ih prigorody: osobennosti migracionnogo balansa [Regional Capitals of Russia and Their Suburbs: Features of the Migration Balance]. *Izvestiya RAN. Ser. geograficheskaya* [Bulletin of Russian Academy of Sciences. Geography Series], no 6, pp. 26–38. (in Russian)
- Mkrtchyan N.V. (2019a) Migraciya i suburbanizaciya v regional'nyh stolicah i prigorodnyh territoriyah Rossii [Migration and Suburbanization in Regional Capitals and Suburban Areas of Russia]. Breslavskiy A.S. (ed.) *Prigorodnaya revolyuciya" v regional'nom sreze: periferijnye gorodskie territorii na postsovetskom prostranstve*. [Regional Cut of "Suburban Revolution": Peripheral Urban Areas in the Post-Soviet Territories]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 14–21. (in Russian)
- Mkrtchyan N.V. (2019b) Migration in Rural Areas of Russia: Territorial Differences. *Population and Economics*, vol. 3 (1), pp. 39–51.
- Mikheeva Z.A. (2012) Suburbanizaciya kak instrument resheniya zhilishchnoj problemy Sankt-Peterburga i Leningradskoj oblasti: avtoref. dis. ... kand. geogr. nauk [Suburbanization as a Tool for Solving the Housing Problem of St. Petersburg and the Leningrad Region: Autoabstract of Dissertation on Candidate in Geographical Sciences]. St. Petersburg: St Petersburg University. (in Russian)
- Muravyov A.A., Pozmogova S.B. (2012) Perspektivy razvitiya goroda Ul'yanovska v processe perekhoda ot urbanizacii k suburbanizacii [Prospects for the Development of the City of Ulyanovsk in the Process of Transition from Urbanization to Suburbanization]. *Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University], vol. 3 (59), pp. 56–59. (in Russian)
- Nefedova N.G. (2001) Rossijskie prigorody. Gorozhane v sel'skoj mestnosti [Russian Suburbs. Townspeople in the Countryside]. *Gorod i derevnya v Evropejskoj Rossii: sto let peremen (pamyati Veniamina Petrovicha Semenov-Tyan-SHanskogo)* [City and Countryside in European Russia: A Hundred Years of Changes (in Memory of Veniamin Petrovich Semenov-Tyan-Shansky)]. Moscow: OGI, pp. 374–399. (in Russian)
- Nefedova T.G. (2008) Rossijskaya glubinka glazami ee obitatelej [Russian Hinterland Through the Eyes of its Inhabitants]. Pokrovskiy N.E. (ed.) *Ugorskij proekt: ekologiya i lyudi blizhnego Severa* [Ugorsk Project: Ecology and People of the Near North]. Moscow: Community of Professional Sociologists, pp. 98–120. (in Russian)
- Nefedova T.G. (2011) Rossijskie dachi kak social'nyj fenomen [Russian Dachas as a Social Phenomenon]. *SPERO. Social'naya politika: ekspertiza, rekomendacii, obzory* [SPERO. Social Policy: Expertise, Recommendations, Reviews], no 15, pp. 161–173.
- Nefedova T.G. (2012) Gorozhane i dachi [Citizens and Dachas]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], vol. 3 (48), pp. 204–216. (in Russian)
- Nefedova T.G. (2019) Razvitie postsovet'skogo agrarnogo sektora i polarizaciya sel'skogo prostranstva evropejskoj chasti Rossii [The Development of the Post-Soviet Agrarian Sector and the Polarization of the Rural Space of the European Part of Russia]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], vol. 15, no 4, pp. 36–56. (in Russian)
- Nefedova T.G., Averkieva K.V., Terry A.G. (eds.) (2016) Mezhdum domom i... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' Rossii [Between Home and ... Home. Reversible Spatial Mobility of Russia]. Moscow: New Chronograph. (in Russian)

- Nefedova T.G., Savchuk I.G. (2014) Vtoroe zagorodnoe zhil'e gorozhan v Rossii i Ukraine: evolyuciya dach i trendy ih sovremennyh izmenenij [The Second Home in Suburban of Townspeople in Russia and Ukraine: The Evolution of Summer Cottages and Trends of Their Modern Changes]. *Izvestiya RAN. Ser. geograficheskaya* [Bulletin of Russian Academy of Sciences. Geography Series], no 4, pp. 39–48. (in Russian)
- Nefedova T.G., Treivish A.I. (2019) Urbanization and seasonal deurbanization in modern Russia. *Regional Research of Russia*, vol. 9, no 1, pp. 1–11.
- Petri O.V., Aksenov K.E., Krutikov S.A. (2012) Prigorodnye zakrytye zhilye komplekсы Sankt-Peterburga: nachalo segregacii ili smena obraza zhizni? [Suburban Gated Residential Complexes of St. Petersburg: The Beginning of Segregation or a Change in Lifestyle?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 7. Geologiya, geografiya* [Vestnik of St. Petersburg University. Series 7. Geology. Geography], no 1, pp. 86–98. (in Russian)
- Remezko V., Gutkovich V., Spirina M. (2016) Russian Way of Suburbanization: Moscow and Saint Petersburg Experience. *Urban Studies and Practices*, vol. 1, no 1, pp. 24–38.
- Shevtsova E.V. (2018) Migracionnye processy i sostoyanie mezhetnicheskikh otnoshenij v gorode Novosibirsk i prigorodah: potencial antimigrantskoj protestnoj aktivnosti [Migration Processes and the State of Interethnic Relations in the City of Novosibirsk and Its Suburbs: The Potential of Anti-Migrant Protest Activity]. *Vestnik NGUEU* [Vestnik NSUEM], no 3, pp. 300–309.
- Sheludkov A.V., Rasskazov S.V. (2017) Karta mnogoukladnosti: prigorodnye i periferijnye zony Tyumenskoj oblasti [Map of Multistructural Regimen: Suburban and Peripheral Zones of the Tyumen Region]. *Krest'yanovedenie* [Peasant Studies], vol. 2, no 1, pp. 102–114.
- Sheludkov A.V. (2017) Industrial'nye derevni, spal'nye rajony, vnutrennyaya periferiya: funkcional'naya specializaciya prigorodnoj zony Tyumeni [Industrial Villages, Dormitory Areas, Inner Periphery: Functional Specialization of the Suburban Area of Tumen]. Breslavskiy A.S. (ed.) *Chto my znaem o sovremennyh rossijskikh prigorodah?* [What Do We Know about Modern Russian Suburbs?]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 135–147. (in Russian)
- Shchepetkova I.O. (2019) Territorial'naya organizaciya sadovo-dachnyh obrazovanij Permskoj gorodskoj aglomeracii: diss. k. g. n.: 25.00.24/Permskij gos. nacional'nyj issledovatel'skij universitet [Spatial Organization of Garden and Dacha Formations of the Perm Urban Agglomeration: Ph.D. Dissertation: 25.00.24.]. Perm: Perm State University. (in Russian)
- Shibaeva M.A. (2008) Opređenje ekonomicheski vygodnoj udalennosti priobretaemogo v prigorode zhil'ya [Determination of the Economically Advantageous Remoteness of Housing Purchased in the Suburbs]. *Predprinimatel'stvo* [Entrepreneurship], no 6, pp. 151–154. (in Russian)
- Stanilov K., Hirt S. (2009) Twenty Years of Transition. The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union. 1989–2009. Nairobi: UN Habitat.
- Stanilov K., Sykora L. (eds.) (2014) Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe. Oxford: Wiley-Blackwell, pp. 360.
- Timoshkin D.O. (2017) «Pomogu za kon'yachok»: neformal'nye praktiki zemlepol'zovaniya v prigorodah Irkutska [“I Will Help for Cognac”: Informal Land Use Practices in the Suburbs of Irkutsk]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Studies], no 1, pp. 149–165.
- Vinokurova A.V., Kostina E.Yu., Panfilova A.O., Osmachko N.V. (2017) Ostrovnye territorii kak prigorody: problemy razvitiya o. Russkij vo Vladivostokskoj aglomeracii [Island Territories as Suburbs: Problems of Development Russky Island in the Vladivostok Agglomeration]. Breslavskiy A.S. (ed.) *Chto my znaem o sovremennyh rossijskikh prigorodah?* [What do We Know About Modern Russian Suburbs?]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 98–106. (in Russian)
- Vinokurova A.V. (2019) Prigorody krupnyh dal'nevostochnyh gorodov Rossii: territorial'noe i demograficheskoe razvitie (kejs Vladivostoka) [Suburbs of large Russian Far Eastern Cities: Territorial and Demographic Development (the Case of Vladivostok)]. *Prigorodnaya revolyuciya v regional'nom sreze: periferijnye gorodskie territorii na postsovet'skom prostranstve* [Regional Cut of “Suburban Revolution”: Peripheral Urban Areas in the Post-Soviet Territories]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 73–79. (in Russian)
- Yakovlev A.I. (2018) Nizhnij Bestyah i Yakutsk: problemy i perspektivy gorodskih aglomeracij v Yakutii [Nizhny Bestyakh and Yakutsk: Problems and Prospects of Urban Agglomerations in Yakutia] Breslavskiy A.S. (ed.) *Respubliki na vostoke Rossii: traektorii ekonomicheskogo, demograficheskogo i territorial'nogo razvitiya* [Republics in the East of Russia: Trajectories of Economic, Demographic and Territorial Development]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 190–200. (in Russian)
- Yakovlev A.I. (2019) Prigorodnoe selo Hatas i problemy sezonnoj aglomeracii Yakut'ska i Nizhnego Bestyaha [The Suburban Village of Khatas and the Problems of Seasonal Agglomeration of Yakutsk and Nizhny Bestyakh]. Breslavskiy A.S. (ed.) *Prigorodnaya revolyuciya v regional'nom sreze: periferijnye gorodskie territorii na postsovet-*

- skom* prostranstve [Regional Cut of “Suburban Revolution”: Peripheral Urban Areas in the Post-Soviet Territories]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 98–101. (in Russian)
- Zvonovskiy VB, Merkulova D.Yu. (2015) Potencial novykh prigorodov v formirovanii mestnogo samoupravleniya [The Potential of New Suburbs in the Local Self-Government Formation]. *Teoriya i praktika razvitiya institutov grazhdanskogo obshchestva v Samarskoj oblasti: mat-ly I region. nauch.-prakt. konf.* [Theory and Practice of the Development of Civil Society Institutions in the Samara Region: I Regional Scientific-Practical Conference Materials]. Samara: Artel, pp. 44–48. (in Russian)
- Zvonovskiy V.B., Merkulova D.Yu., Solovyova Yu.V. (2015) Zhiteli novykh rossijskih prigorodov: «chuzhie» ili «svoi»? [Residents of New Russian Suburbs: “Strangers” or “Friends”?]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], vol. 21, no 4, pp. 61–79. (in Russian)
- Zvyagintsev V., Neuvazhaeva M. (2015) *Pereselentsy iz goroda v sel'skuyu mestnost': fenomen «obratnoi migratsii» v sovremennoi Rossii* [Migration from Urban to Rural Areas: The Phenomenon of “Counter-urbanisation” in Modern Russia]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], vol. 24, no 1, pp. 101–135. (in Russian)

РУСЛАН ДОХОВ, ИВАН АЛОВ, ДАРЬЯ ШУБИНА,
МАКСИМ ВОЛКОВ, ВЛАДИМИР МАЦУР, ТАТЬЯНА
УМНОВА, АННА ШЕРСТНЕВА

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРИГОРОДОВ:

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ СУБУРБИИ МАХАЧКАЛЫ

Дохов Руслан Ахмедович, инженер, кафедра социально-экономической географии зарубежных стран, географический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова; старший преподаватель, факультет географии и геоинформационных технологий НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, тел.: +7 965 449 48 58

E-mail: dokhov@geogr.msu.ru

Алов Иван Николаевич, аспирант, кафедра социально-экономической географии зарубежных стран, географический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова; эксперт направления «Муниципальное экономическое развитие», Фонд «Институт экономики города»; Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.

E-mail: alov.ivan@mail.ru

Шубина Дарья Олеговна, магистр градостроительства (НИУ ВШЭ); менеджер образовательных программ Московской школы управления Сколково; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 13, стр. 4.

E-mail: dshubina2403@gmail.com

Волков Максим Сергеевич, студент бакалавриата, кафедра социально-экономической географии зарубежных стран, географический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова; Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.

E-mail: volkov-m-s@mail.ru

Мацур Владимир Александрович, аспирант, кафедра социально-экономической географии зарубежных стран, географический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова; научный сотрудник, Институт Латинской Америки РАН; Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.

E-mail: m1434@yandex.ru

Умнова Татьяна Николаевна, студентка бакалавриата, кафедра социально-экономической географии зарубежных стран, географический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова; Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.

E-mail: tatianabirns@gmail.com

Шерстнева Анна Романовна, студентка бакалавриата, кафедра социально-экономической географии зарубежных стран, географический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова; Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.

E-mail: sherarom@gmail.com

В постсоциалистический период большая часть нестоличных городов бывших социалистических стран испытала стагнацию или сжатие. Однако некоторые из них, напротив, перешли к бурному росту как численности населения, так и застроенной территории. В результате за 30 лет развития в рыночных условиях сформировались протяженные пригородные ареалы. На примере Махачкалы мы рассмотрели внутреннюю структуру этих новых постсоциалистических пригородов. На основе полевых материалов были выделены, типологизированы и сопоставлены между собой функциональные и социальные центры махачкалинской субурбии. Их пространственные структуры частично обуславливают друг друга. Производство социальности в пригородах, в условиях сниженной плотности населения и ослабленности советского городского ядра масштабной эмиграцией, затруднено. Функциональные центры пригородов Махачкалы крайне разнообразны. От осевых центров-линий, продолжающих собственно старый центр города и ориентированных на транзитный поток потребителей, отходят внутрь жилых районов более мелкие центры-линии, функциональное разнообразие которых удовлетворяет локальный спрос. Первичный пионерный тип центра – ядра, состоящие из одиночных магазинов, – доминирует в наименее функционально плотных районах недавней застройки. В удаленных районах ядро может немного усложняться, тогда возникают комбинации мечетей, магазинов и школ, выступающие местами концентрации социальных практик. Мечети чаще входят в состав ядер в старых районах-селах. В удаленных районах формируются центры-облака, сосредотачивающие много разнообразных объектов и становящиеся аналогами центральных площадей. Сложных пространственных форм концентрации социальных

практик почти не формируется. В основном это одиночные ядра. Распространены как косвенные проявления социального контроля через граффити и плакаты, так и прямые – силами местных неформальных «дружин», в особенности в изолированных этнических пригородах.

Ключевые слова: постсоциалистический город; постсоветский город; пригороды; география городов; пространственная структура

Цитирование: Дохов Р.А., Алов И.Н., Шубина Д.О., Волков М.С., Мацур В.А., Умнова Т.Н., Шерстнева А.Р. (2020) Пространственные структуры постсоциалистических пригородов: функциональные и социальные центры субурбии Махачкалы // Городские исследования и практики. Т. 5. № 4. С. 35–53. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp54202035-53>

Введение. Постановка проблемы

Постсоциалистический период развития общества (и городов как фокусов его жизни) требует переосмысления [Müller, 2019]. За прошедшие почти 30 лет через распадающиеся структуры однообразного, унифицированного, статусно-детерминированного советского пространства [Каганский, 1995; 2001; Кордонский и др., 2011] проросли разнообразные практики производства социального пространства [Лефевр, 2015], как правило укорененные в местных особенностях экономики и общества. Сжатие освоенного пространства России [Мироненко, Сорокин, 2001; Трейвиш, 2010; Нефедова, Медведев, 2020; Нефедова, Трейвиш, 2020; Nefedova, Treivish, 2020] вызвало масштабные процессы нового городского развития. После семидесятилетнего перерыва вновь началось производство городской ткани в капиталистических условиях.

Большинство нестоличных городов бывших социалистических стран за последние 30 лет испытали стагнацию или сжатие. В России этот процесс охватил 70% городов [Batunova, Gunko, 2018]. Постсоциалистический город в Центральной России в этих условиях в основном сохранил микрорайонный принцип развития, но в других интенсивно растущих регионах появились иные формы расселения: от классических споровых¹ пригородов Белгорода [Дохов, Синицын, 2020] до самоорганизовавшихся неформальных пригородов восточно-сибирских городов [Бреславский, 2014].

Эти новые виды пригородной формы расселения особенно интересны для исследования, поскольку показывают, какими могут быть городские районы, появляющиеся в рыночной среде вокруг более или менее выраженных социалистических ядер. Сформированные в капиталистический период, они свободны от диктата микрорайонной планировки и нормативного способа организации сферы услуг [Аксенов, 2019]. Главным процессом, определяющим развитие новых пригородов, становится их пространственная самоорганизация, в ходе которой формируются функциональные центры [Аксенов и др., 2019]. Пожалуй, за исключением Московской агломерации, пока рано говорить о формировании постсубурбии [Teaford, 1996], однако процессы усложнения структуры изначально однородных селитебных ареалов налицо.

Вокруг компактных городов социалистического периода в 1990–2010 годы появлялись пригородные, почти исключительно жилые районы. Если эти новые территории становились настолько протяженными, чтобы сформировать достаточный спрос, то внутри них возникали простейшие функциональные центры, удовлетворявшие этот спрос. По мере дальнейшего роста новых заселенных территорий эти центры также росли и усложнялись, концентрируя в себе функциональное разнообразие. В наиболее развитых агломерациях России некоторые из таких периферийных центров превратились в настоящие окраинные — с функциональной точки зрения — города [Golubchikov et al., 2011]. Но происходит ли усложнение социальной жизни вслед за развитием функционального разнообразия?

В настоящей работе мы на основе полевых материалов проанализировали возникновение первичного каркаса центров экономической и социальной активности в пригородах одного из самых быстрорастущих городов России — Махачкалы. Почти двукратный рост населения за постсоветский период в сочетании с сопоставимыми темпами увеличения площади застроенной территории позволяет считать пригороды столицы Дагестана одним из наиболее выраженных ареалов постсоциалистической субурбии в России.

¹ Спрол (англ. *sprawl*) — форма городского расселения, характеризующаяся низкой плотностью населения и регулярной застройкой, которая возникает в условиях высокого уровня автомобилизации и мягкого земельного регулирования при рыночном характере оборота земли.

В основе нашего исследования лежит следующая гипотеза: по мере роста субурбии происходит формирование первичных пространственных концентраций функционального разнообразия, что создает условия для формирования пространственных концентраций социальных практик.

Для проверки этого утверждения мы выделим существующие функциональные центры пригородов Махачкалы и ареалы концентрации социальных практик, после чего сравним их расположение.

Изучение пригородов: современное состояние

Процессы субурбанизации в России изучены весьма слабо [Бреславский, 2014]. Основной массив существующих работ посвящен анализу развития Московской агломерации [Кириллов, Махрова, 2009; Golubchikov, Phelps, 2011; Браде и др., 2015]. Редкие работы по другим городам относятся к Улан-Удэ [Карбаинов, 2007; Григоричев, 2017; Бреславский, 2017], Иркутску [Григоричев, 2013; 2016], Белгороду [Дохов, Сеницын, 2020], Красноярску [Дорофеева, 2016] и некоторым другим. Основной отличительной особенностью пригородного расселения в России исследователи единодушно называют его сезонный дачный характер [Трейвиш, 2015; Махрова, 2017; 2015; Махрова и др., 2016].

(Внутри-)городские центры: опыты типологий

Изучению полицентризма современных городов и надгородских форм расселения посвящено много работ. Вместе с тем работ, посвященных типологии внутригородских центров, относительно немного. Практически все они основаны на параметрическом [Giuliano, Small, 1991] или непараметрическом [McMillen, 2001] анализе статистических данных о плотности населения, рабочих мест и застройки (например, [Leslie, 2010; Krehl, 2018; Krehl, Siedentop, 2019]), что позволяет типологизировать выделяемые центры по сочетаниям отраслей экономики [Shearmur, Coffey, 2002] или выделять несколько наборов отраслевых центров [Fujii, Hartshorn, 1995]. Другой подход становится возможен в случае наличия данных о мобильности внутри города, что дает возможность анализировать связи между плотностью функций и потоками людей [Roca Cladera et al., 2009; Veneri, 2013]. Некоторые авторы [Münter, Volgmann, 2021] предлагают комплексные типологии самих полицентрических урбанизированных регионов, не детализируя характеристики конкретных центров. Примеры аналогичного анализа социальных практик авторам неизвестны, что, вероятно, вызвано природой используемых большинством авторов данных: статистика, даже самая детальная, не позволяет анализировать конкретные проявления социальности, а полевой сбор таких данных очень трудоемок.

Махачкалинские пригороды: в поисках релевантного сравнения

Особенности современного развития Махачкалы [Стародубровская, Казенин, 2014; Стародубровская и др., 2011] — замещение ядра городского сообщества новыми мигрантами из сельской местности, активные процессы модернизации общества, межпоколенческий конфликт, имеющий религиозную окраску (столкновение традиционного и салафитского направлений в исламе) — позволяют посмотреть на развитие ее пригородов с нескольких точек зрения.

Это город постсоциалистической России, что позволяет поставить его опыт в один ряд с другими постсоциалистическими субурбиями [Hirt, Stanilov, 2009]. Однако рассмотрение Махачкалы как обычного постсоциалистического города было бы весьма поверхностным: современный город сформировался в основном после 1990 года, а советское ядро относительно невелико территориально, при этом его население сильно сократилось из-за масштабного отъезда горожан в 1990-е годы [Стародубровская и др., 2011]. В то же время численность населения города интенсивно росла за счет миграции из сельских районов горного Дагестана, то есть происходила классическая урбанизация. Приезжающие мигранты активно (и чаще всего нелегально) застраивали прилегающие территории, самовольно подключаясь к инфраструктурным сетям [Магомаев, 2014; Нахаев и др., 2016].

У населения сохраняются представления о концентрации представителей разных этносов в разных районах, есть скрытый конфликт старых и новых горожан [Капустина, 2013]. При этом большая часть роста не фиксируется официальной статистикой [Ханизов, 2011]; по оценкам исследователей, в начале 2010-х годов численность населения Махачкалы составляла 800 000 чел. и более [Стародубровская и др., 2011]. Крайне слабо развит городской транспорт, что дополнительно ухудшает доступность центра для населения пригородных районов [Рыжков, 2016]. Это роднит современную Махачкалу со множеством кейсов «незападных» субурбий, активно разрабатываемых с использованием быстро развивающегося [Wyly, 2020] концептуального аппарата планетарного урбанизма [Keil, 2018a; 2018b; 2018c].

Материалы и методы исследования

В рамках настоящего исследования мы понимаем под пригородной зоной Махачкалы сплошную застроенную территорию, входящую в состав городских округов Махачкала и Каспийск и некоторых прилегающих к ним населенных пунктов Кумторкалинского и Карабудахкентского районов Республики Дагестан, что в целом совпадает с границами агломерации Махачкалы разных версий, предлагаемых в недавних мелкомасштабных исследованиях, или же находится внутри них [Антонов, Махрова, 2019; Rogov, Rozenblat, 2020]. Мы не разделяем пригороды по административному статусу и в условиях отсутствия доступных данных о мобильности населения руководствуемся критерием морфологического единства застроенной территории. Центральные районы выделены нами по признаку сформированности основной части современной застройки до 1990 года, а значит, они спланированы в соответствии с принципами советской градостроительной школы. Центральными мы (весьма условно) называем территории, в которых преобладает регулярная застройка советского (и в очень небольшой части дореволюционного) времени и которые ограничены в Махачкале улицами Каммаева, Магомедтагирова, Хаджи Булача и проспектом Имама Шамиля, а в Каспийске — улицами Кирова, Батырая, Олега Кошевого и Ахмет-Хана Султана.

Методы сбора полевых данных

Первичные данные были получены при полевом исследовании зимой 2020 года. В рамках экспедиционных работ было выполнено сплошное полевое картографирование городской среды Махачкалы (за исключением старого центра города, сформировавшегося до 1990-х годов) по предварительно составленной программе при помощи методики «фото-gps» [Гончаров и др., 2013]. Эта методика заключается в составлении набора фотографий, которые классифицируются, геокодируются и далее рассматриваются как набор пространственных объектов. Использование этого метода позволяет нам собрать и подготовить для картографирования набор данных, достаточный для анализа ареалов концентрации функций и социальных практик.

Участниками экспедиции (23 чел.) было проведено более 1000 часов стандартизированного включенного наблюдения. Полевыми работами были покрыты все пригороды Махачкалы и поселения-спутники от Каспийска на юге до села Ахар на севере и от моря на востоке до сёл Коркмаскала и Шамхал-Термен на западе.

В качестве первичных составляющих функционального каркаса фиксировались все объекты, не относящиеся к селитебной функции городского пространства и располагающиеся за пределами частной территории (внутренних дворов индивидуальных домов и подъездов многоквартирных домов, огороженных промышленных зон и иных территорий с закрытым доступом). Все такие объекты вне зависимости от размера далее учитывались как одинаковые внутри соответствующего функционального типа: школы, мечети, остановки, магазины, рынки и т. п. (см. табл. 1 в Приложении).

Для анализа социальных практик был составлен предварительный гайд, скорректированный после первых дней полевой работы. Все наблюдавшиеся практики были поделены на четыре типа (карту типов практик см. на рис. 6 в Приложении):

1. Символические практики:
 - а) граффити;
 - б) объявления;

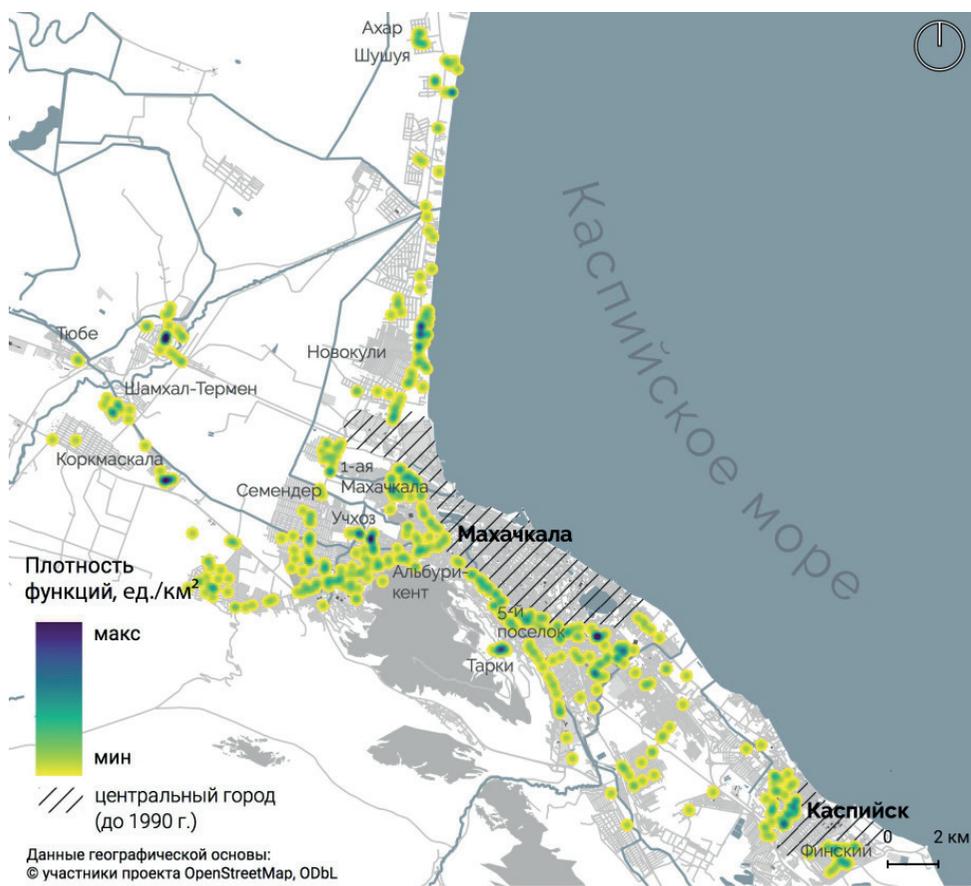

Рис. 1. Карта функциональных центров пригородов Махачкалы

Источник: составлено авторами по данным полевого исследования.

- с) вывески;
- д) плакаты и баннеры;
- е) детское творчество.
- 2. Рекреационные практики:
 - а) взаимодействие в благоустроенных общественных пространствах;
 - б) взаимодействие в общественных DIY-пространствах;
 - с) взаимодействие на улице специализированных пространств.
- 3. Ролевые практики:
 - а) религиозные;
 - б) образовательные;
 - с) деловые.
- 4. Бытовые практики.

Методы анализа данных

Собранные фотографии классифицировались, после чего производилась их координатная привязка. В результате было получено два набора пространственных данных, в которых каждой фотографии соответствует набор атрибутов, состоящий из географических координат и типа объекта на фото.

Всего выделено 553 объекта функционального каркаса и 136 объектов как социальных взаимодействий. Объекты были перенесены на 10-метровую регулярную сетку при помощи геоинформационного пакета QGIS. На основе полученных таким образом ячеек при помощи инструмента heatmap с радиусом интерполяции 100 м были построены поля функциональной и социальной плотности пригородов Махачкалы (рис. 1, 5).

Рис. 2. Центры типа «ядро»

Источник: составлено авторами по данным полевого исследования.

Результаты

Далее мы проанализируем территориальную неоднородность полученных ареалов — функциональных и социальных центров махачкалинской субурбии.

Функциональные центры

В пригородах Махачкалы сформировалась крайне неоднородная и разнообразная структура функциональных центров (рис. 1). Выделяются ключевые осевые структуры вдоль проспекта Акушинского, проспекта Имама Шамиля и Федерального шоссе. При этом большая часть северных и юго-восточных пригородов почти лишена функциональных центров. В основном это районы новейшего строительства второй половины 2000-х — начала 2010-х годов. При этом более удаленные от центра города районы — старые села (Коркмаскала, Шамхал-Термент, Тюбе, а также примыкающие к центру горные Тарки и Альбурикент), ныне вошедшие в пригородную зону города, — имеют свои выраженные локальные функциональные центры.

Анализ локальных конфигураций функциональных центров позволил выделить три формы этих центров в пригородах Махачкалы:

1. «Ядро» (рис. 2) морфологически представляет собой единичный объект или компактную группу объектов в пределах зоны прямой видимости: площадь, перекресток улиц, угол квартала и др. В масштабе Махачкалинской агломерации наблюдается обратная зависимость между частотой центров-ядер и близостью к советским границам города. На карте ясно прослеживается периферийность ядер, причем пик концентрации ядер между Каспийском и Махачкалой объясняется некогда существовавшей лакуной в нынешнем континууме застройки и независимым пространственным развитием этих населенных

Рис. 3. Центр типа «линия»

Источник: составлено авторами по данным полевого исследования.

пунктов в советский период. Таким образом, ядро — пионерный вид функционального центра, обеспечивающий наиболее простые потребности жителей.

Чаще всего в роли ядер выступают одиночные магазины розничной торговли (37,8%), расположенные в зонах индивидуальной жилой застройки (рис. 2). Помимо них ядрами притяжения общественно-экономической жизни практически во всех махачкалинских пригородах оказались религиозные объекты (мечети), школы, автобусные остановки, заведения общепита.

В отдельный тип ядер были выделены скопления функционально различающихся объектов. Наиболее распространенным оказалось сочетание «мечеть — магазин» (в районах Тухчар, Газораспределитель, Шамхал и др.). Реже встречались еще более сложные комбинации «мечеть — магазин — школа» (Дахадаевка, ул. Калинина в Каспийске). Прослеживается прямая зависимость между удаленностью от центра города как пространства городского образа жизни и ростом роли мечетей в качестве функционального ядра. Так, именно мечети выступают своеобразными ядрами районов-сел Альбурикент, Кяхулай, Ленинкент. Напротив, в пригородных поселках — бывших садоводческих товариществах и селах, возникших в советский и постсоветский периоды, — застройка развивалась по геометрическому принципу, прямоугельно «разлиновывая» площади бывших сельскохозяйственных угодий. Несмотря на то что в этих районах сегодня есть мечети, значимыми ядрами оказываются более «светские» сочетания «школа — магазин», появившиеся еще до массового строительства мечетей в постсоветский период.

2. «Линия». Непрерывное распределение функциональных объектов вдоль какой-либо транспортной оси: улицы, проспекта, шоссе (рис. 3). Этот тип центров преобладает на территориях махачкалинских пригородов.

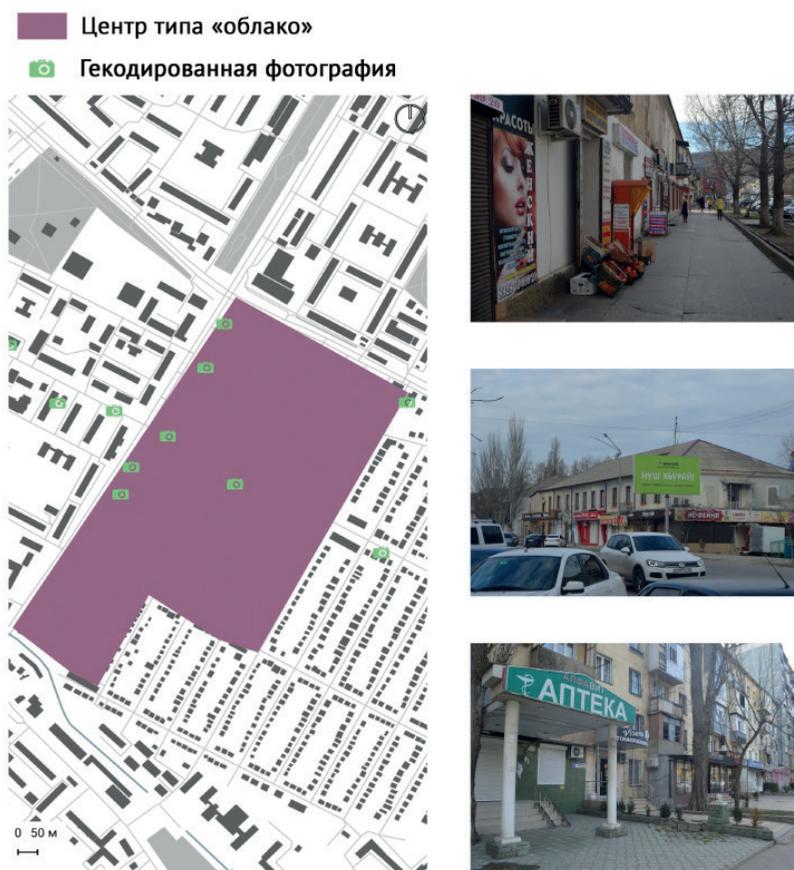

Рис. 4. Центр типа «облако»

Источник: составлено авторами по данным полевого исследования.

В пределах плотно застроенного городского пространства Махачкалы линии образуют каркас центров, как бы продолжающих центральные районы города. Улицы-ветви, отходящие от основных линий, менее значимы как транспортные артерии, но при этом тоже аккумулируют социально-экономическую активность, направленную преимущественно на удовлетворение спроса местных жителей. В отличие от них бизнесы на трассах-линиях чаще ориентированы на внешнего транзитного потребителя: таков, например, рынок стройматериалов на Хушетском шоссе (северо-восточный выезд из села Новый Хушет).

3. «Облако». Совокупность линий и ядер, охватывающая протяженный ареал в пределах пригородного пространства (рис. 4). Эта форма функциональных центров обладает наибольшей плотностью экономической активности.

В Махачкалинской агломерации облака повторяют логику размещения ядер. Чаще всего они возникают в удаленных от центральной части Махачкалы населенных пунктах как тип-противовес линейным формам, также присутствующим в границах этих поселений. Типичные примеры таких центров можно наблюдать в населенных пунктах к северу от Махачкалы — от Новокули до Шушуи, а также в периферийных районах — старых селах.

Облака по функциональному разнообразию похожи на ядра, отличаясь от них лишь размером. Школы-ядра трансформируются в образовательные облака-кластеры с дошкольными учреждениями. Ядра коммерции в виде отдельных магазинов или их небольших групп, становясь облаком, приобретают вид рынка, торговых кварталов, торговых центров. Облаком также стали формально единичные, но более крупные по физическому размеру объекты: спортивные объекты (стадион и др.), военные базы, больницы. Все эти объекты отличает наличие внутри них нескольких составляющих, скрепленных «дворовой» территорией.

Облако — почти всегда морфологический центр поселения, похожий на центральную площадь: он сочетает социальные и административные учреждения с разнообразной коммерцией. Среди морфологических центров районов наблюдается центр-периферийная дихотомия по планировочному устройству территории. В окраинных районах преобладают облака-площади как морфологические центры. В «старых пригородах», примыкающих к центральной части Махачкалы и застроенных зачастую многоквартирными домами (5-й и 4-й поселки, Новый поселок), облака формируются вокруг дворов и скверов. В такой переходной — между квартальным и «строчным» микрорайонным морфотипами — застройке бизнес в основном размещен по внешним контурам и обращен фасадом к улице, тогда как социальная активность проявляется больше во дворах.

Социальные центры

Плотность социальной активности в пригородах Махачкалы существенно ниже, чем плотность функциональной активности (рис. 5). Там не сформировалось выраженных линий-променад, сосредотачивающих социальные практики. В целом доминируют одиночные центры-ядра, не формирующие сложных ансамблей. Яркое исключение — аналогичные годеканам² скопления разнообразных практик в старых районах-селах, в первую очередь в селе Тарки, а также в плотных районах вокруг мечетей, выступающих не только площадками ролевого религиозного взаимодействия, но и местом иных (бытовых и рекреационных) практик. Наименьшей плотностью социальных взаимодействий отличаются районы бывших дач и новейшей застройки на севере агломерации и между Махачкалой и Каспийском. Регулярная коттеджная застройка почти полностью ограничивает жизнь пределами обнесенного высоким забором двора и превращает улицы в социальные пустыни проездов между домами.

Социальные практики подразумевают не только прямое, но и косвенное взаимодействие между субъектами. Косвенное взаимодействие — контакт через сообщения, оставленные в пространстве различными способами. В пригородах Махачкалы основным способом передачи таких сообщений стали граффити. Это один из самых доступных и простых способов передать информацию, поэтому он используется в самых разнообразных целях и для выражения различных тем. Наравне с граффити распространены объявления, покрывающие некоторые стены целиком, превращая их в доски объявлений. Однако этот способ охватывает ограниченный набор тем, главным образом рекламу услуг и предложения сделок с недвижимостью.

Один из наиболее распространенных видов косвенного взаимодействия — детское творчество мелкими. В формирующихся пригородах Махачкалы преобладают необлицованные дома из бетонных блоков, поверхность которых весьма удобна для донесения информации подобным образом. Такое творчество в основном принимает форму текста на русском языке (как языке межнационального общения в полиэтничной Махачкале), а не рисунков. Наиболее распространенные темы касаются символического утверждения превосходства группы, к которой принадлежит автор (или авторы) сообщения: «6 Г — сила, самые лучшие, а 6 А — могила», «Тарки³ — сила», «Анжи⁴ — сила». Понятие «сила» является широко распространенным в Дагестане и Чечне способом указать на превосходство того или иного человека или группы людей. Другая распространенная тема детского социального взаимодействия — противоречия, возникающие по поводу музыкальных предпочтений. В подавляющем большинстве случаев они затрагивают южнокорейскую группу k-pop-группу BTS. Авторы надписей либо признаются в любви к этому музыкальному коллективу, либо в грубой форме оскорбляют ее участников. Часто детское творчество и рекламные объявления до известной степени пересекаются: нередко рядом с надписями вроде «5 Д — сила» встречается ссылка на профиль класса в социальной сети Instagram.

В меньшей степени распространены плакаты и баннеры, так как их установка требует более значительных усилий и финансовых вложений, нежели простая надпись на стене. В большинстве случаев такие плакаты и баннеры содержат призыв к действию в сочетании с нравоучением на основе исламской традиции. Пример — плакат, посвященный сбору средств на ре-

2 Центральная площадь-сход в горном ауле.

3 Название одного из районов Махачкалы — пригородного села на склоне одноименной горы, населенного преимущественно кумыками.

4 Футбольный клуб Махачкалы.

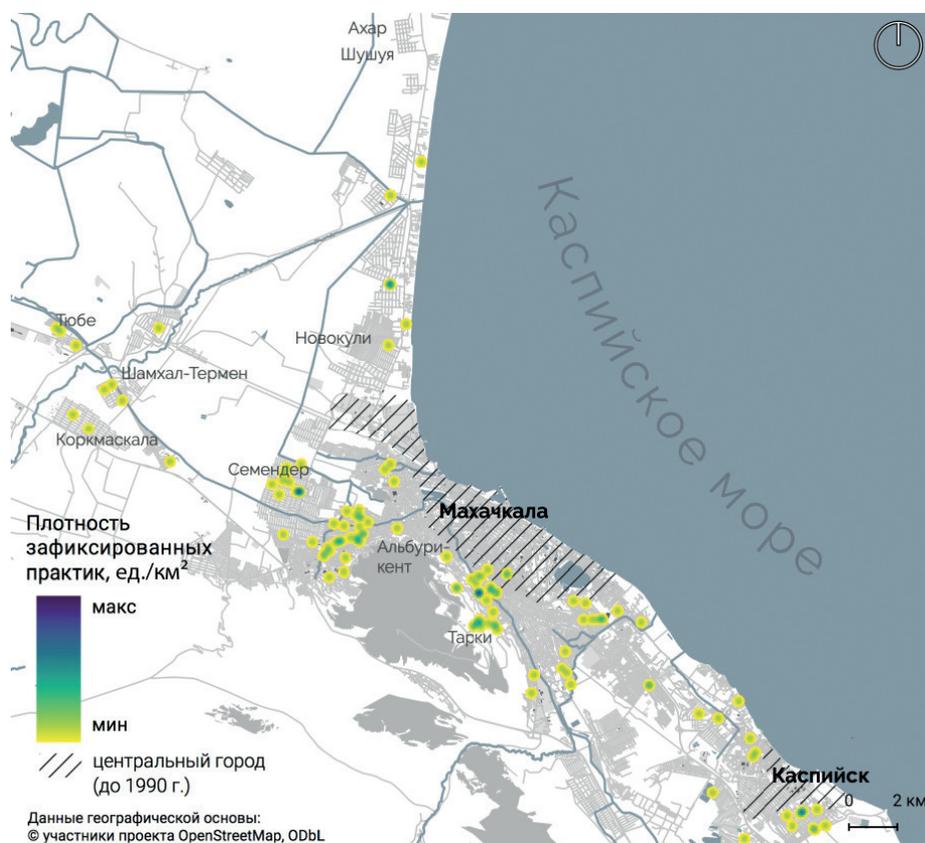

Рис. 5. Карта ядер социальной активности пригородов Махачкалы

Источник: составлено авторами по данным полевого исследования.

конструкцию мечети Аль-Ихляс в Кировском районе Махачкалы, который гласит: «Тому, кто построит мечеть даже с размером гнезда куропатки, Всевышний построит дом в раю».

Упомянутые способы пространственной коммуникации затрагивают такие темы, как религия, борьба с мусором, здоровый образ жизни и некоторые другие. Общество в пригородах в целом очень религиозно, на стенах регулярно встречаются нравоучительные послания: «Поклоняйся Аллаху настолько, насколько нуждаешься в нем, и послушайся Аллаха настолько, насколько можешь терпеть мучений ада». Очень распространена надпись «Чистота — половина веры», апеллирующая через религиозные чувства к проблеме загрязнения бытовым мусором. Часто надписи служат трансляции локальных правил поведения, приемлемых для местных жителей. Так, на территории склона горы в поселке Кяхулай, согласно написанному на баннере, запрещается: зина (прелюбодеяние), распитие спиртных напитков, злоупотребление наркотиками и самозахват земельных участков. Иные установки можно увидеть на спортивной площадке в районе Новые Тарки: «Не харкай, не сори, не матерись, брат!».

Авторы этих надписей используют различные рычаги давления на людей. Одни обращаются к совести через религиозные коннотации: «Не бросайте мусор, это не свалка. Будьте людьми, а не свиньями, в конце концов». Другие вводят штрафы. Третьи запугивают проклятиями: «Пусть руки отсохнут, кто кинет мусор».

Местные жители активно ведут борьбу с торговлей и употреблением наркотиков. Рекламу таких товаров в форме ссылок на каналы и в мессенджере Telegram они закрашивают и заменяют на лозунг «Нет наркоте». Пригороды патрулируют представители добровольческих неформальных «дружин», допрашивающих неместных как потенциальных распространителей наркотических средств («закладчиков») ⁵, при этом официальные правоохранители встречаются довольно редко. Такой неформальный социальный контроль сильнее всего выражен

5 С этим неоднократно столкнулись в ходе полевых работ и участники экспедиции.

в старых поселках рядом с городским центром. Прежде всего это изолированный и этнически однородный кумыкский поселок Тарки, куда невозможно попасть, не побеседовав с представителями неформальной «дружины», а также наиболее плотно застроенные пригороды, такие как Семендер.

Прямое взаимодействие. По степени оживленности все пригородные районы очень разные: в одних местах плотность непосредственных контактов между местными жителями чрезвычайно высока, как, например, в компактной коттеджной Пальмире, расположенной недалеко от центра. Другие районы, например Турали и Тугай, представляют собой территории со значительно меньшей плотностью прямых контактов между людьми. По мере снижения плотности основной формой социальных практик становится косвенное взаимодействие. Непосредственное взаимодействие в таких периферийных районах выражается почти исключительно в форме бытовых практик: мать провожает ребенка в школу, соседи общаются на участке строящегося дома.

Рекреационные практики. Часто люди останавливаются, чтобы пообщаться, прямо на улице, но обычно для этой цели используют общественные пространства. В пригородах благоустроенные общественные пространства — парки, скверы, смотровые и детские площадки — есть далеко не всегда, поэтому местные жители создают их самостоятельно — своеобразные общественные пространства в духе DIY⁶. Самый простой способ — вынести на улицу мебель (диван, кресла, столы), опционально — сделать над этим навес. Встречаются варианты самодельных детских площадок. В формирующихся районах, где активно ведется строительство, пространством детской игры становятся сами стройки.

Ролевые практики в настоящей работе подразделяются на религиозные (связаны с посещением мечети или молельной комнаты), образовательные (посещение школ и других образовательных организаций) и потребительские (в магазинах и прочих коммерческих предприятиях). Религиозные практики носят регулярный характер, определяющую роль здесь играет религия. Пять раз в день звучит азан, и люди собираются в специально отведенных местах на молитву. Возле мечетей формируются пространства общения, притягивающие большое количество людей. Это в особенности характерно для времени пятничной молитвы, когда в крупные пригородные мечети люди приезжают из соседних районов. Улицы заполняют припаркованные в два ряда автомобили — такая картина наблюдалась нами в поселке Семендер. Велопарковки возле мечети к началу проповеди тоже были заполнены велосипедами. К местам большого скопления людей притягивается и малый бизнес. В Семендере на одной улице с мечетью расположен небольшой рынок — такое соседство позволяет совмещать религиозные и бытовые практики.

Практикам, связанным со школами, свойственна чрезвычайно высокая плотность в пространстве и времени. В поселке может не быть мечети, тогда вместо нее будет молельная комната. Но если в поселке нет школы, детям приходится ездить в соседний населенный пункт или городской район. Чаще всего так и происходит: в крупном населенном пункте есть большая школа, куда стягиваются дети из окрестных районов и поселений. Поскольку школ не так много, работает две-три смены, из-за чего в течение дня потоки школьников на улицах можно наблюдать в разное время. Дети общаются по дороге в школу, играют после уроков. Пространство вокруг школ часто облагораживается. Яркий пример — школа в поселке Тюбе: от микрорайона к школе ведет аллея с ровным, широким тротуаром, на перекрестке нарисована зебра пешеходного перехода (одна из немногих в поселке). У школ формируется небольшой бизнес-кластер: еда, канцелярские принадлежности.

Бытовые практики. Бытовые практики связаны с совместным ведением семейного хозяйства. Во многих новых пригородах и поселках часто встречаются не отгороженные забором участки, что дает хорошую возможность для наблюдения за бытовыми практиками. Среди наиболее распространенных можно выделить взаимодействие родителей и детей: например, совместное выполнение семейных обязанностей (развешивание белья на улице, уборка территории). Бытовые практики присущи не только новым пригородным районам, однако более заметны там, где другие социальные практики не выражены. Некоторые бытовые практики могут быть уникальными. Так, в горном поселке Старый Кяхулай есть улица со множеством источников (ул. Родниковая), куда за родниковой водой приезжают люди из соседних поселе-

6 Do It Yourself — буквально «сделай сам», нечто самодельное.

ний. Кроме семейных бытовых практик можно также выделить соседские и централизованные. В районах, где люди интегрированы в местное сообщество, соседи помогают друг другу в бытовых процессах: ремонт, строительство, сельское хозяйство. В ряде поселков решение некоторых бытовых задач — например, организация уборки территории или реставрации мечети — происходит централизованно с вовлечением всех членов локального сообщества.

Выводы

Возникшие за 30 лет постсоциалистического развития пригороды Махачкалы сформировали весьма сложную структуру функциональных и социальных центров, частично обуславливающих друг друга. Скопления социальных практик часто совпадают с крупнейшими концентрациями функционального разнообразия, но отличаются существенно меньшей выраженностью и простотой пространственных форм. По-видимому, производство социальности в пригородах в условиях сниженной плотности населения и ослабленности советского городского ядра масштабной эмиграцией затруднено.

Функциональные центры пригородов Махачкалы крайне разнообразны. От осевых центров-линий, продолжающих собственно старый центр города и ориентированных на транзитный поток потребителей, отходят внутрь жилых районов более мелкие центры-линии, функциональное разнообразие которых удовлетворяет локальный спрос. Первичный пионерный и самый простой тип центра — ядра, состоящие из одиночных магазинов. Он доминирует в наименее функционально плотных районах недавней застройки. В удаленных районах ядро может немного усложняться, тогда возникают комбинации мечетей, магазинов и школ, притягивающие к себе концентрации социальных практик. Мечети чаще входят в состав ядер в старых районах-селах, тогда как в новых более распространена «светская» пара «школа — магазин». В удаленных районах формируются центры-облака, сосредотачивающие много разнообразных объектов и становящиеся аналогами центральных площадей.

Чем меньше возраст района, тем меньше в нем социальных практик и тем менее они разнообразны. Сложных пространственных форм концентрации социальных практик почти не формируется. В основном это одиночные ядра. Социальный контроль осуществляется как косвенно — через граффити и плакаты, — так и прямо — местными неформальными дружинами, в особенности в изолированных пригородах, таких как старый этнически однородный поселок Тарки или плотно застроенный Семендер. Ролевые практики — образовательные и рекреационные — могут формировать пространства плотных социальных взаимодействий.

Приложения

Таблица 1. Типы объектов функционального каркаса

Функциональный тип	Количество объектов
Автосервисы и другие автоуслуги	53
Аптека	24
Вещевой магазин	14
Гостевой дом и другие объекты временного размещения	23
Магазины детских товаров	1
Детские сады	13
Кафе и другие объекты общественного питания	104
Продуктовые магазины	169
Мебельные магазины	21
Медицинские услуги	6
Мечеть	25
Административные здания	6

Рекреационные объекты	9
Услуги мелкого бытового ремонта	18
Салоны красоты	5
Спортивные объекты	9
Магазины строительных товаров	2
Хозяйственные магазины	33
Школы	18

Источник: составлено авторами по данным полевого исследования.

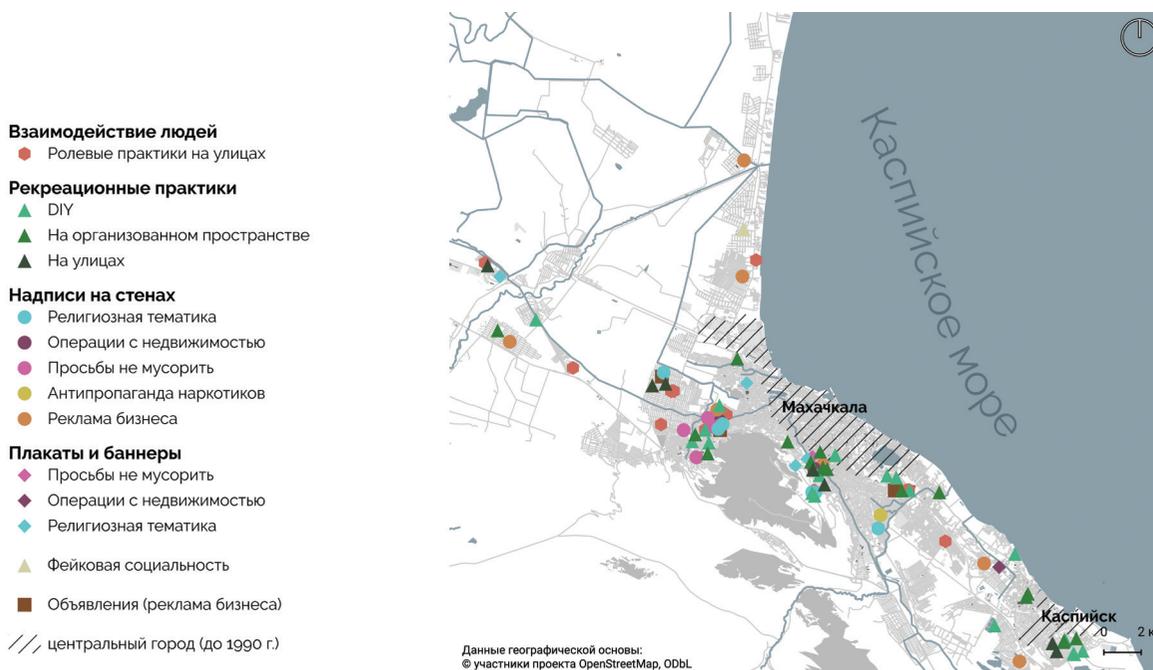

Рис. 6. Карта социальных практик пригородов Махачкалы

Благодарности

Авторы выражают признательность участникам полевого этапа работ: К. Д. Авдееву, Л. С. Антоновой, К. В. Арцыбашевой, В. А. Богдановой, О. Д. Ивлиевой, И. В. Киселеву, И. С. Крылову, А. С. Львовой, В. М. Мельниковой, Е. А. Парамзиной, А. А. Прямыцыну, С. В. Рогачеву, С. С. Саркисяну, П. И. Стрельцовой, Н. Л. Турову, к. г. н. А. Л. Энтину, а также д. г. н. Э. М. Эльдарову за помощь в организации экспедиции и к. социол. н. В. С. Вахштайну, PhD О. И. Зевелевой, к. социол. н. Э. Л. Панеях и к. г. н. А. С. Титкову за продуктивные обсуждения концепции настоящего исследования.

Источники

- Аксенов К. Э. (2019) Трансформация городских пространственно-временных систем (на примере влияния ритейла на районы массовой жилой застройки в Ленинграде–Санкт-Петербурге, 1989–2016 гг.)//Известия Русского географического общества. Т. 151. № 1. С. 29–44.
- Аксенов К. Э., Зиновьев А. С., Морачевская К. А. (2019) Роль ритейла в трансформации микрорайонного принципа организации городской среды//Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 3. С. 13–27.
- Антонов Е. В., Махрова А. Г. (2019) Крупнейшие городские агломерации и формы расселения наднагломерационного уровня в России//Известия РАН. Серия географическая. № 4. С. 31–45.

- Браде И., Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш, А.И. (2015) Особенности субурбанизации в Московской агломерации в постсоветский период//Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 2. С. 19–29.
- Бреславский А.С. (2014) Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН.
- Бреславский А.С. (2017) «Пригородная революция» в региональном срезе (Улан-Удэ)//Крестьяноведение. Т. 2. № 1. С. 90–101.
- Гончаров Р.В., Сапанов П.М., Яшунский А.Д. (2013) Технология сбора пространственных данных в полевых городских исследованиях//Социология власти. № 3. С. 57–72.
- Григоричев К.В. (2013) В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск.
- Григоричев К.В. (2016) Многообразие пригорода: субурбанизация в Сибирском регионе (случай Иркутска)//Городские исследования и практики. Т. 1. № 2. С. 7–23.
- Григоричев К.В. (2017) Субрегиональные миграции и формирование пригородов сибирского города//Мир Большого Алтая. Т. 3 (1). С. 32–42.
- Дохов Р.А., Сеницын Н.А. (2020) Спрол в России: рост и структурная трансформация пригородов Белгорода//Известия Российской академии наук. Серия географическая. Т. 84. № 2. С. 191–206.
- Каганский В.Л. (1995) Советское пространство: конструкция, деструкция, трансформация (структурно-географический анализ)//Общественные науки и современность. № 2. С. 25–39.
- Каганский В.Л. (2001) Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение.
- Капустина Е.Л. (2013) Сельские этюды к городскому пейзажу: трансформация городского пространства в контексте миграционных процессов в Дагестане и сельские землячества в Махачкале начала XXI века//Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб.: МАЭ РАН. С. 111–175.
- Карбаинов Н.И. (2007) «Нахаловки» Улан-Удэ: «огораживание» пригородной земли//Социологические исследования. № 11. С. 136–139.
- Кириллов П.Л., Махрова А.Г. (2009) Субурбанизация в Московском столичном регионе: современное и перспективное состояние//Региональные исследования. № 4–5. С. 42–54.
- Кордонский С.Г., Плюсин Ю.М., Крашенинникова Ю.А., Тукаева А.Р., Моргунова О.М., Ахунов Д.Э., Бойков Д.В. (2011) Российская провинция и ее обитатели (опыт наблюдения и попытка описания)//Мир России. Социология. Этнология. Т. 20. № 1. С. 3–33.
- Левфер А. (2015) Производство пространства. М.: Strelka Press.
- Магомаев Т.Н. (2014) Физиология Семендера//Труды Географического общества Республики Дагестан. № 42. С. 90–95.
- Махрова А.Г. (2015) Сезонная субурбанизация в регионах России//Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 4. С. 60–68
- Махрова А.Г. (2017) Полииерархический анализ сезонной дачной субурбанизации в современной России//Региональные исследования. № 3. С. 23–34.
- Махрова А.Г., Медведев А.А., Нефедова Т.Г. (2016) Садово-дачные поселки горожан в системе сельского расселения//Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 2. С. 64–74.
- Мироненко Н.С., Сорокин М.Ю. (2001) Факторы сжатия географического пространства//География. № 48. С. 121–129.
- Нахаев А.А., Магомаев Т.Н., Эльдаров Э.М. (2016) Вопросы социально-экономического развития Кировского района г. Махачкалы//Апробация. № 6. С. 35–39.
- Нефедова Т.Г., Медведев А.А. (2020) Сжатие освоенного пространства в центральной части Европейской России: динамика населения и использование земель в сельской местности//Известия Российской академии наук. Серия географическая. Т. 84. № 5. С. 1–16.
- Нефедова Т., Трейвиш А. (2020) Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения//Демографическое обозрение. Т. 1. № 1. С. 1–23.
- Рыжков А.Ю. (2016) Микроавтобусы и транспортная политика. Примеры Бишкека и Махачкалы//Городские исследования и практики. Т. 1. № 1. С. 55–69.
- Стародубровская И.В., Зубаревич Н.В., Соколов Д. В., Интигринова Т.П., Миронова Н.И., Магомедов Х.Г. (2011) Северный Кавказ: модернизационный вызов. М.: Дело.
- Стародубровская И.В., Казенин К.И. (2014) Северокавказские города: территория конфликтов//Общественные науки и современность. № 6. С. 70–82.
- Трейвиш А.И. (2010) «Сжатие» пространства: трактовки и модели//Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования/Под ред. С.С. Артоболевского, Л.М. Синцова. М.: Эслан. С. 16–31.

- Трейвиш А.И. (2015) «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России//Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 4. С. 22–32.
- Хапизов Ш.М. (2011) Перепись-2010 и «мертвые души» Дагестана//Региональные аспекты социальной политики. № 13. С. 67–76.
- Batunova E., Gunko M. (2018) Urban Shrinkage: An Unspoken Challenge of Spatial Planning in Russian Small and Medium-Sized Cities//European Planning Studies. Vol. 26 (8). P. 1580–1597.
- De Vidovich L. (2019) Suburban Studies: State of the Field and Unsolved Knots//Geography Compass. Vol. 13 (5). P. 1–14.
- Fujii T., Hartshorn T.A. (1995) The Changing Metropolitan Structure of Atlanta, Georgia: Locations of Functions and Regional Structure in a Multinucleated Urban Area//Urban Geography. Vol. 16 (8). P. 680–707.
- Giuliano G., Small K.A. (1991) Subcenters in the Los Angeles Region//Regional Science and Urban Economics. Vol. 21 (2). P. 163–182.
- Golubchikov O., Phelps N., Makhrova A. (2011) From Closed City to Edge City? Governing Growth at the Periphery of Moscow – the Case of Khimki//International Perspectives on Suburbanization: A Post-Suburban World. P. 177–191.
- Golubchikov O., Phelps N.A. (2011) The Political Economy of Place at the Post-Socialist Urban Periphery: Governing Growth on the Edge of Moscow//Transactions of the Institute of British Geographers. Vol. 36 (3). P. 425–440.
- Hirt S., Stanilov K. (2009) Twenty Years of Transition: The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union, 1989–2009. UN HABITAT.
- Keil R. (2018a) After Suburbia: Research and Action in the Suburban Century//Urban Geography. Vol. 40. No 1. P. 1–20.
- Keil R. (2018b) Extended Urbanization, “Disjunct Fragments” and Global Suburbanisms//Environment and Planning D: Society and Space. Vol. 36 (3). P. 494–511.
- Keil R. (2018c) Suburban Planet: Making the World Urban from the Outside in. John Wiley & Sons.
- Krehl A. (2018) Urban Subcentres in German City Regions: Identification, Understanding, Comparison//Papers in Regional Science. Vol. 97. P. 79–104.
- Krehl A., Siedentop S. (2019) Towards a Typology of Urban Centers and Subcenters – Evidence from German City Regions//Urban Geography. Vol. P. 40 (1). P. 58–82.
- Leslie T.F. (2010) Identification and Differentiation of Urban Centers in Phoenix through a Multi-Criteria Kernel-Density Approach//International Regional Science Review. Vol. 33 (2). P. 205–235.
- McMillen D. P. (2001) Nonparametric Employment Subcenter Identification//Journal of Urban Economics. Vol. 50 (3). P. 448–473.
- Müller M. (2019) Goodbye, Postsocialism!//Europe-Asia Studies. Vol. 71 (4). P. 533–550.
- Münter A., Volgmann K. (2021) Polycentric Regions: Proposals for a New Typology and Terminology//Urban Studies. Vol. 58 (4). P. 677–695.
- Nefedova T., Treivish A. (2020) Russia’s Early Developed Regions within Shrinking Social and Economic Space//Regional Science Policy & Practice. Vol. 12 (4). P. 641–655.
- Roca Cladera J., Marmolejo Duarte C.R., Moix, M. (2009) Urban Structure and Polycentrism: towards a Redefinition of the Sub-Centre Concept//Urban Studies. Vol. 46 (13). P. 2841–2868.
- Rogov M., Rozenblat C. (2020) Delineating Russian Cities in the Perspective of Corporate Globalization: Towards Large Urban Regions//Cybergeo: European Journal of Geography, document 949, posted on July 23, 2020.
- Shearmur R.G., Coffey W.J. (2002) Urban Employment Subcenters and Sectoral Clustering in Montreal: Complementary Approaches to the Study of Urban Form//Urban Geography. Vol. 23 (2). P. 103–130.
- Teaford J.C. (1996) Post-Suburbia: Government and Politics in the Edge Cities. JHU Press.
- Veneri P. (2013) The Identification of Sub-Centres in Two Italian Metropolitan Areas: A Functional Approach//Cities. Vol. 31. P. 177–185.
- Wyly E. K. (2020) The New Planetary Suburban Frontier//Urban Geography. Vol. 41 (1). P. 27–35.

RUSLAN DOKHOV, IVAN ALOV, DARYA SHUBINA,
MAKSIM VOLKOV, VLADIMIR MATSUR, TATYANA
UMNOVA, ANNA SHERSTNEVA

SPATIAL STRUCTURES OF POST- SOCIALIST SUBURBS:

FUNCTIONAL AND SOCIAL CENTERS OF MAKHACHKALA SUBURBIA

Ruslan A. Dokhov, Research Assistant, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Senior Lecturer, Faculty of Geography and Geoinformation Technology, HSE University; 1 bldg. Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation, tel.: +7 965 449 48 58

E-mail: dokhov@geogr.msu.ru

Ivan I. Alov, PhD student, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Expert of the Municipal Economic Development Department, The Institute for Urban Economics; 1 bldg. Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

E-mail: alov.ivan@mail.ru

Darya O. Shubina, Manager of Educational Programs, Moscow School of Management 'Skolkovo'; Master's Student, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University; 13 bldg. 4 Myasnitskaya street, Moscow, 101100, Russian Federation.

E-mail: dshubina2403@gmail.com

Maksim S. Volkov, Student, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; 1 bldg. Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

E-mail: volkov-m-s@mail.ru

Vladimir A. Matur, PhD student, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; research fellow, Institute for Latin American Studies, RAS; 1 bldg. Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

E-mail: m1434@yandex.ru

Tatyana N. Umnova, Student, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; 1 bldg. Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

E-mail: tatianabirns@gmail.com

Anna R. Sherstneva, Student, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; 1 bldg. Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

E-mail: sherarom@gmail.com

Abstract

During the post-socialist period, most of the non-capital cities of the former socialist republics experienced stagnation or shrinking. Others, however, grew rapidly in terms of the population and the built-up area. As a result, over the 30 years of development in market conditions, large suburban areas have been formed. Using Makhachkala (Dagestan, Russia) as an example, we examine the internal spatial structure of these new post-socialist suburbs. On the basis of field materials, the functional and social centers of the Makhachkala suburbia were identified, typologized and compared. Social and functional spatial structures are partially interdependent. The production of sociality in the suburbs with a reduced population density and a weakening of the Soviet urban core by large-scale emigration is difficult. The functional centers of the suburbs of Makhachkala are extremely diverse. From the center-lines that continue the old city center and are oriented towards the transit flow of consumers, smaller center-lines move into residential areas, the functional diversity of which meets local demand. Mosques are often part of the small center-cores in former villages. In remote areas, center-clouds are formed, concentrating many different objects as analogs of central squares. There are almost no complex spatial forms of the concentration of social practices. These are mostly simple cores. Indirect manifestations of social control through graffiti and posters are widespread, as well as direct, local informal "squads", especially in isolated ethnic suburbs.

Keywords: post-socialist city; post-soviet city; suburbs; urban geography; spatial structure

Citation: Dokhov R., Alov I., Shubina D., Volkov M., Matur V., Umnova T., Sherstneva A. (2020) Spatial Structures of Post-Socialist Suburbs: Functional and Social Centers of Makhachkala Suburbia. *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 4, pp. 35–53. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp54202035-53>

References

- Axenov K.E. (2019) Transformacija gorodskih prostranstvenno-vremennyh sistem (na primere vlijanija ritejla na rajony massovoj zhilnoj zastrojki v Leningrade-Sankt-Peterburge, 1989–2016 gg.) [Transformation of Urban Spatiotemporal Systems: The Influence of Retail on the Post-socialist Large Housing Estates Areas in Leningrad–St. Petersburg in 1989–2016]. *Izvestija Russkogo geograficheskogo obshhestva* [Izvestiya of Russian Geographical Society], vol. 9, no 3, pp. 225–235. (in Russian)
- Axenov K.E., Zinovyyev A.S., Morachevskaya K.A. (2019) Rol' ritejla v transformacii mikrorajonnogo principa organizacii gorodskoj srede [The Role of Retail in the Transformation of the Microdistrict Organization of the Urban Environment]. *Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija geograficheskaja* [Bulletin of Russian Academy of Sciences. Geography Series], no 3, pp. 13–27. (in Russian)
- Antonov E.V., Makhrova A.G. (2019) Krupnejšie gorodskie aglomeracii i formy rasselenija nadaglomeracionnogo urovnja v Rossii [Largest Urban Agglomerations and Super-Agglomerations in Russia]. *Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija geograficheskaja* [Bulletin of Russian Academy of Sciences. Geography Series], no 4, pp. 31–45. (in Russian)
- Batunova E., Gunko M. (2018). Urban Shrinkage: An Unspoken Challenge of Spatial Planning in Russian Small and Medium-Sized Cities. *European Planning Studies*, vol. 26 (8), pp. 1580–1597.
- Brade I., Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treyvish A.I. (2015) Osobennosti suburbanizacii v Moskovskoj aglomeracii v postsovet'skij period [Specific Features of Suburbanization in Moscow Agglomeration in the Post-Soviet Era]. *Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija geograficheskaja* [Bulletin of Russian Academy of Sciences. Geography Series], no 2, pp. 19–29. (in Russian)
- Breslavsky A.S. (2014). Nezaplanirovannye prigorody: sel'sko-gorodskaja migracija i rost Ulan-Udja v postsovet'skij period [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period]. Ulan-Ude: Publishing House of BSC SB RAS. (in Russian)
- Breslavsky A. (2017) «Prigorodnaja revoljucija» v regional'nom sreze (Ulan-Udja) [“Suburban Revolution”: the Regional Case (Ulan-Ude)]. *Krest'janovedenie* [The Russian Peasant Studies], vol. 2, no 1, pp. 90–101. (in Russian)
- De Vidovich L. (2019). Suburban Studies: State of the Field and Unsolved Knots. *Geography Compass*, vol. 13 (5), pp. 1–14.
- Dokhov R.A., Sinitsyn N.A. (2020) Sprol v Rossii: rost i strukturnaja transformacija prigorodov Belgoroda [Sprawl in Russia: Development and Structure of Belgorod Suburbia]. *Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija geograficheskaja* [Bulletin of Russian Academy of Sciences. Geography Series], vol. 84, no 2, pp. 191–206. (in Russian)
- Fujii T., Hartshorn T.A. (1995) The Changing Metropolitan Structure of Atlanta, Georgia: Locations of Functions and Regional Structure in a Multinucleated Urban Area. *Urban Geography*, vol. 16 (8), pp. 680–707.
- Giuliano G., Small K.A. (1991) Subcenters in the Los Angeles Region. *Regional Science and Urban Economics*, no 21 (2), pp. 163–182.
- Golubchikov O., Phelps N.A. (2011) The Political Economy of Place at the Post-Socialist Urban Periphery: Governing Growth on the Edge of Moscow. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 36 (3), pp. 425–440.
- Golubchikov O., Phelps N., Makhrova A. (2011) From Closed City to Edge City? Governing Growth at the Periphery of Moscow – The Case of Khimki. *International Perspectives on Suburbanization: A Post-Suburban World*, vol. 36 (3), pp. 177–191.
- Goncharov R.V., Sapanov P.M., Yashunsky A.D. (2013) Tehnologija sbora prostranstvennyh dannyh v polevyh gorodskih issledovanijah [Spatial Data Collection Technology for Field Urban Studies]. *Sociologija vlasti* [Sociology of Power], no 3, pp. 57–72. (in Russian)
- Grigorichev K. (2013) V teni bol'shogo goroda:social'noe prostranstvo prigoroda [In the Shadow of a Big City: Social Space of Suburbs]. Irkutsk: Ottisk. (in Russian)
- Grigorichev K. (2016) Mnogoobrazie prigoroda: suburbanizacija v sibirskom regione (sluchaj Irkutskaja) [Diversity of the Suburb: Suburbanization in Siberian Region (the Case of Irkutsk)]. *Urban Studies and Practices*, vol. 1, no 2, pp. 7–23. (in Russian)
- Grigorichev K. (2017) Subregional'nye migracii i formirovanie prigorodov sibirskogo goroda [Subregional Migrations and Forming Suburbs of Siberian City]. *Mir Bol'shogo Altaja* [World of Great Altai], vol. 3, no 1, pp. 32–42. (in Russian)
- Hirt S., Stanilov K. (2009). Twenty Years of Transition: The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union, 1989–2009. UN HABITAT.
- Kaganski V.L. (1995) Sovetskoe prostranstvo: konstrukcija, destrucija, transformacija (strukturno-geograficheskij analiz) [Soviet Space: Construction, Destruction, Transformation (Structural Geographic Analysis)]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no 2, pp. 25–39. (in Russian)

- Kaganski V.L. (2001) Kul'turnyj landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo [Cultural Landscape and Soviet Inhabited Space]. M.: NLO. (in Russian)
- Kapustina E.L. (2013) Sel'skie jetjudy k gorodskomu pejzazhu: transformacija gorodskogo prostranstva v kontekste migracionnyh processov v Dagestane i sel'skie zemljachestva v Mahachkale nachala XXI veka [Rural Sketches for the Urban Landscape: Transformation of Urban Space in the Context of Migration Processes in Dagestan and Rural Communities in Makhachkala at the Beginning of the 21st Century]. *Kavkazskij gorod: potencial jetnokul'turnyh svyazej v urbanisticheskoy srede* [Caucasian City: The Potential of Ethnocultural Ties in an Urban Environment]. SPb.: MAE RAS, pp. 111–175. (in Russian)
- Karbainov N.I. (2007) «Nahalovki» Ulan-Udje: «ogorazhivanie» prigorodnoj zemli [«Nakhlovki» of Ulan-Ude: «Enclosure» of Suburban Land]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Studies], no 11, pp. 136–139. (in Russian)
- Keil R. (2018a) After Suburbia: Research and Action in the Suburban Century. *Urban Geography*, vol. 40 (1), pp. 1–20.
- Keil R. (2018b) Extended Urbanization, “Disjunct Fragments” and Global Suburbanisms. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 36 (3), pp. 494–511.
- Keil R. (2018c) Suburban Planet: Making the World Urban from the Outside in. John Wiley & Sons.
- Khapizov Sh.M. (2011) Perepis'-2010 i «mertvye dushi» Dagestana [Census-2010 and “Dead Souls” of Dagestan]. *Regional'nye aspekty social'noj politiki* [Regional Aspects of Social Politics], no 13, pp. 67–76. (in Russian)
- Kirillov P.L., Makhrova A.G. (2009) Suburbanizacija v Moskovskom stolichnom regione: sovremennoe i perspektivnoe sostojanie [Suburbanisation in the Moscow Metropolitan Region: Current and Future State]. *Regional'nye issledovaniia* [Regional Studies], no 4–5, pp. 42–54. (in Russian)
- Kordonskij S.G., Plyusnin Yu.M., Krasheninnikova Yu.A., Tukaeva A.R., Morgunova O.M., Ahunov D.E., Bojkov D.V. (2011) Rossijskaja provincija i ee obitateli (opyt nabljudenija i popytka opisanija) [Russian province and its inhabitants (observation experience and attempt to describe)]. *Mir Rossii. Sociologija. Jetnologija* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology], vol. 20, no 1, pp. 3–33. (in Russian)
- Krehl A. (2018) Urban Subcentres in German City Regions: Identification, Understanding, Comparison. *Papers in Regional Science*, vol. 97, pp. 79–104.
- Krehl A., Siedentop S. (2019). Towards a Typology of Urban Centers and Subcenters—Evidence from German City Regions. *Urban Geography*, vol. 40 (1), pp. 58–82.
- Lefebvre H. (2015) Proizvodstvo prostranstva [The Production of Space]. M.: Strelka Press. (in Russian)
- Leslie T.F. (2010). Identification and Differentiation of Urban Centers in Phoenix through a Multi-Criteria Kernel-Density Approach. *International Regional Science Review*, vol. 33 (2), pp. 205–235.
- Magomaev T.N. (2014) Fiziologija Semendera [The Physiology of Semender]. *Trudy Geograficheskogo obshhestva Respubliki Dagestan* [Proceedings of the Geographical Society of the Republic of Dagestan], no 42, pp. 90–95. (in Russian)
- Makhrova A.G. (2015) Sezonnaja suburbanizacija v regionah Rossii [Seasonal Suburbanization in the Regions of Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya* [Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5, Geografia], no 4, pp. 60–68. (in Russian)
- Makhrova A. G. (2017) Poliierarhicheskij analiz sezonnoj dachnoj suburbanizacii v sovremennoj Rossii [Poly-hierarchical Analysis of Seasonal Dacha Suburbanization in Modern Russia]. *Regional'nye issledovaniia* [Regional Studies], no 3, pp. 23–34. (in Russian)
- Makhrova A.G., Medvedev A.A., Nefedova T.G. (2016) Sadovo-dachnye poselki gorozhan v sisteme sel'skogo rassele-nija [Gardening and Dacha Communities of Urban Dwellers in the Settlement System]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya* [Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5, Geografia], no 2, pp. 64–74. (in Russian)
- McMillen D. (2001). Nonparametric Employment Subcenter Identification. *Journal of Urban Economics*, vol. 50 (3), pp. 448–473.
- Mironenko N.S., Sorokin M, Y. (2001) Faktory szhatija geograficheskogo prostranstva [The Factors of Shrinkage of Geographical Space]. *Geografija* [Geography], no 48, pp. 121–129. (in Russian)
- Müller M. (2019) Goodbye, Postsocialism! *Europe-Asia Studies*, vol. 71 (4), pp. 533–550.
- Münter A., Volgmann K. (2021). Polycentric Regions: Proposals for a New Typology and Terminology. *Urban Studies*, vol. 58 (4), pp. 677–695.
- Nahaev A.A., Magomaev T.N., Eldarov E. M. (2016) Voprosy social'no-jekonomicheskogo razvitija Kirovskogo rajona g. Mahachkaly [Issues Of Socio-Economic Development of the Kirovsky District of Makhachkala]. *Aprobacija* [Approbation], no 6, pp. 35–39. (in Russian)
- Nefedova T.G., Medvedev A.A. (2020) Szhatie osovennogo prostranstva v central'noj chasti Evropejskoj Rossii: dinamika naselenija i ispol'zovanie zemel' v sel'skoj mestnosti [Shrinkage of Active Space in Central Russia: Population Dynamics and Land Use in Countryside]. *Izvestiya RAN. Seriya goeograficheskaya* [Bulletin of Russian Academy of Sciences. Geography Series], vol. 84, no 5, pp. 1–16. (in Russian)

- Nefedova T., Treyvish A. (2020) Poljarizacija i szhatie osvoennyh prostranstv v centre Rossii: trendy, problemy, vozmozhnye reshenija [Polarization and Shrinkage of Active Space in the Core of Russia: Trends, Problems and Possible Solutions]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], vol. 1, no 1, pp. 1–23. (in Russian)
- Nefedova T., Treivish A. (2020) Russia's Early Developed Regions within Shrinking Social and Economic Space. *Regional Science Policy & Practice*, vol. 12 (4), pp. 641–655.
- Roca Cladera J., Marmolejo Duarte C.R., Moix M. (2009). Urban Structure and Polycentrism: towards a Redefinition of the Sub-Centre Concept. *Urban Studies*, vol. 46 (13), pp. 2841–2868.
- Rogov M., Rozenblat C. (2020) Delineating Russian Cities in the Perspective of Corporate Globalization: Towards Large Urban Regions. *Cybergeo: European Journal of Geography*, document 949, posted on July 23, 2020.
- Ryzhkov A. (2016) Mikroavtobusy i transportnaja politika. Primery Bishkeka i Mahachkaly [Minibuses and Transport Policy. Case Studies of Bishkek and Makhachkala]. *Urban Studies and Practices*, vol. 1, no 1, pp. 55–69. (in Russian)
- Starodubrovskaya I.V., Zubarevich N.V., Sokolov D.V., Intigrinova T.P., Mironova N.I., Magomedov H. G. (2011) Severnyj Kavkaz: modernizacionnyj vyzov [North Caucasus: a modernization challenge]. M.: Delo, 2011. (in Russian)
- Starodubrovskaya I.V., Kazenin K.I. (2014) Severokavkazskie goroda: territorija konfliktov [North Caucasian Cities: Territory of Conflicts]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no 6, pp. 70–82. (in Russian)
- Teaford J.C. (1996) Post-suburbia: Government and Politics in the Edge Cities. JHU Press, 1996.
- Treyvish A. I. (2010) «Szhatie» prostranstva: traktovki i modeli [Space Shrinkage: Interpretations and Models]. *Szhatie social'no-jekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitija i praktike ego gosudarstvennogo regulirovanija* [Shrinking the Socio-Economic Space: New in the Theory of Regional Development and the Practice of Its State Regulation]. M.: Eslan, pp. 16–31. (in Russian)
- Treyvish A.I. (2015) «Dachevedenie» kak nauka o vtorem dome na Zapade i v Rossii [“Dacha Studies” as a Science on Second Home in the West and in Russia]. *Izvestiya RAN. Seriya goeograficheskaya* [Bulletin of Russian Academy of Sciences. Geography Series], no 4, pp. 22–32. (in Russian)
- Shearmur R.G., Coffey W.J. (2002) Urban Employment Subcenters and Sectoral Clustering in Montreal: Complementary Approaches to the Study of Urban Form. *Urban Geography*, vol. 23 (2), pp. 103–130.
- Veneri P. (2013) The Identification of Sub-Centres in Two Italian Metropolitan Areas: A Functional Approach. *Cities*, vol. 31, pp. 177–185.
- Wyly E.K. (2020). The New Planetary Suburban Frontier. *Urban Geography*, vol. 41 (1), pp. 27–35.

АЛЬБИНА АНДРЕЕВА, НАТАЛИЯ ИВАНОВА,
ЕВГЕНИЙ ВАРШАВЕР

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ КОТЕЛЬНИКИ ЭТНОМИГРАЦИОННЫМ АНКЛАВОМ?

КЕЙС-СТАДИ ГОРОДА-СПУТНИКА МОСКВЫ НА ПРЕДМЕТ ЭТНОМИГРАЦИОННЫХ
ХАРАКТЕРИСТИК ЕГО ЖИТЕЛЕЙ¹.

Андреева Альбина Сергеевна, магистр международных отношений, исследователь Группы исследований миграции и этничности; Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 84, корп. 3, оф. 2105.
E-mail: formulagerona@yandex.ru

Иванова Наталия Сергеевна, магистр социологии, исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики РАНХиГС; Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 84, корп. 3, оф. 2105.
E-mail: nataliya.ivanova.0709@gmail.com

Варшавер Евгений Александрович, кандидат социологических наук, руководитель Группы исследований миграции и этничности, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики РАНХиГС; Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 84, корп. 3, оф. 2105.
E-mail: varshavere@gmail.com

В статье предпринята попытка описания подмосковного города Котельники на предмет этномиграционной анклавизации и резидентной концентрации мигрантов. В ходе исследования, послужившего базой для статьи, на основании совокупности социологических методов — среди которых глубинные и экспертные интервью, наблюдение, анализ документов — была реконструирована урбанистическая история города, миграционных волн, сформировавших нынешнее его население, резидентных установок и резидентного поведения «мигрантов» и «местных», а также факторов формирования мест резидентной концентрации мигрантов в этом городе, среди которых транспортная близость к рынку «Садовод» и наличие недорогой недвижимости в новостройках. В резюме статьи указываются недостатки существующих концептуализаций термина «анклав» для использования в эмпирических исследованиях, а также определяются направления для дальнейших исследований мест резидентной концентрации и, шире, расселения мигрантов в Москве и России.

Ключевые слова: городская антропология; исследования районов; этномиграционный анклав; резидентная концентрация мигрантов

Цитирование: Андреева А.С., Иванова Н.С., Варшавер Е.А. (2020) Являются ли Котельники этномиграционным анклавом? Кейс-стади города-спутника Москвы на предмет этномиграционных характеристик его жителей // Городские исследования и практики. Т. 5. № 4. С. 54–72. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp54202054-72>

Введение

На протяжении всей истории постсоветской России Москва являлась и на данный момент является одним из крупнейших центров притяжения международной миграции. За последние 30 лет мигранты из стран СНГ прочно заняли свое место в строительном бизнесе, оптово-розничной торговле и прочих сегментах рынка труда, и сегодня уже трудно представить столицу без этой категории горожан. Рост миграционных потоков вместе с тем вызывает в принимающем обществе разнообразные опасения. Один из основных страхов, свя-

¹ Статья написана на основании научно-исследовательской работы «Анализ характеристик расселения мигрантов и их влияния на интеграцию: страновые особенности» в рамках государственного задания РАНХиГС на 2019 г.

занных с миграцией, — возможное возникновение этномиграционных анклавов — зон с преимущественно мигрантским населением, где, как считается, будут действовать «свои законы», в связи с чем местным придется оттуда уехать, а государственная власть будет бессильна исправить ситуацию. Как правило, в СМИ и политическом дискурсе такую картину «срисовывают» с мигрантских кварталов западных столиц, при том что, во-первых, согласно исследованиям [Massey, 1985; Singer, Hardwick, Brettell, 2008] такие кварталы складываются очень по-разному и представляют собой серьезно различающиеся социальные явления, во-вторых, российские города в целом и Москва в частности в части городских структур существенно отличаются от городов западных [Вендина, 2004], равно как иными характеристиками обладают и миграционные потоки в Россию [Varshaver, Rocheva, 2018].

В научном поле вопросы расселения мигрантов и перспективы образования этномиграционных анклавов в Москве на данный момент изучены мало. Авторы ограниченного числа работ по теме сходятся во мнении, что в столице на данный момент таковые не сложились, а мигранты в целом равномерно распределены по территории города и ближайших пригородов [Вендина, 2005; Peshkova, 2015; Demintseva, 2017]. Одновременно с этим ряд экспертов отмечают, что в отдельных районах Москвы и Подмосковья, как правило, вокруг крупных оптовых и вещевых рынков, уже сейчас складываются зоны высокой концентрации мигрантов, которые в будущем имеют все шансы стать мигрантскими районами [Заблудовская, 2014; Адамович, 2017]. Так, среди районов, где это якобы происходит, называют Капотню, Текстильщики, Метрогородок, Гольяново, Люблино [Ближе к народу..., 2019]. Разрешить этот парадокс могли бы исследования пространственных случаев, однако существующее на данный момент небольшое число подобных работ [Варшавер, Рочева, Иванова, 2016], отвечая на вопрос об интеграции мигрантов на местном уровне, не фокусируются на расселении мигрантов *per se*.

Цель данной работы — заполнить описанные лакуны и описать паттерны расселения как мигрантов, так и местных жителей на примере города Котельники, города-спутника Москвы для того, чтобы ответить на вопрос, сформировался ли в Котельниках, которым СМИ нередко пророчат превращение в московский Гарлем [Чесноков, 2013], этномиграционный анклав. Этот случай был выбран в связи с тем, что этот город соединяет в себе сразу несколько факторов, которые, как можно предположить, способствуют резидентной концентрации мигрантов: близость к крупнейшему оптовому рынку «Садовод», большие массивы недорогого жилья, плохая экология, наличие большого количества вредных производств, затрудненная транспортная доступность [Бедрина, 2019]. Следует иметь в виду, что случай Котельников скорее экстремален, чем типичен для Москвы и Подмосковья. Можно предположить, что благодаря комбинации указанных факторов процессы анклавизации — если таковые имеют место — в Котельниках будут прослеживаться наиболее «выпукло», что удобно для наблюдения и исследования таких процессов. Кроме того, наличие «полного набора» факторов, теоретически способствующих анклавизации, позволит нам на практике оценить их влияние на паттерны заселения в «мигрантских» районах — т.е. проверить, насколько они действительно провоцируют появление этномиграционных анклавов в российском контексте. Отталкиваясь от разнообразной, преимущественно зарубежной, литературы, посвященной резидентным анклавам [Chiswick, Miller, 2002; Logan, Zhang, Alba, 2002; Portes, Manning, 2001; Van Kempen, şule Özüekren, 1998; Wilson, Martin, 1982; Demintseva, 2017], мы очень условно определяем этномиграционный анклав как зону резидентной концентрации мигрантов, в которой этнические мигранты численно образуют простое большинство. Мы также предполагаем, что, если анклав образуется, это происходит частично в связи со строительством нового жилья, частично — в связи с замещением населения в старом жилом фонде, при этом это замещение происходит как в результате того, что жильцы умирают или съезжают вне связи с мигрантами, так и в рамках так называемого *white flight* — продажи или сдачи квартиры в связи с тем, что среди соседей съезжающих, по мнению последних, слишком много мигрантов. Описав методологию исследования, мы представим урбанистическую историю Котельников и типологию застройки, проанализируем состав постоянных и временных жителей города, проведем связь между типами застройки и типами жителей, дадим этнографическое описание одной из самых мигрантских частей города — 2-го Покровского проезда, а в резюме ответим на вопрос о том, являются ли Котельники этномиграционным анклавом и что с этим городом может случиться в будущем.

Методология исследования

Исследование² проводилось методом кейс-стади, в ходе которого осуществлялось наблюдение в городской среде, а также была проведена серия коротких интервью (N=187) на основании теоретической выборки, при этом информантами были как мигранты, так и немигранты; а кроме того, один из исследователей месяц проживал в специально снятой съемной квартире в Котельниках. Вопросы, которые задавались информантам, можно условно разделить на два блока. Первый блок включал вопросы о жилищных стратегиях жителей: главной целью было выявить, как и почему информанты оказались в городе, по каким критериям выбирали место жительства (город, район, дом), каков формат проживания (съем, собственность), какими способами искали жилье. На основании собранных данных были выделены идеально-типические группы горожан, которым свойственны те или иные модели поведения на рынке недвижимости.

Второй блок включал вопросы об отношении к району и соседям: в случае россиян исследователи ставили своей целью оценить, считают ли они соседство с мигрантами проблемным и почему, насколько склонны уезжать из районов с повышенной концентрацией мигрантов. В интервью с мигрантами исследователи стремились охарактеризовать не только их взаимоотношения с местными и другими мигрантами, но также намерение остаться жить там, где они живут сейчас, и установки на то, чтобы селиться рядом с другими мигрантами.

Помимо интервью с жителями были проведены экспертные интервью с риелторами, работниками школьных учреждений, библиотеки, архива, местных газет, магазинов и кафе, консьержками, старожилами. Наконец, чтобы воспроизвести урбанистическую историю Котельников, исследователи провели работу с архивами города и района, материалами музея, а также с открытыми источниками.

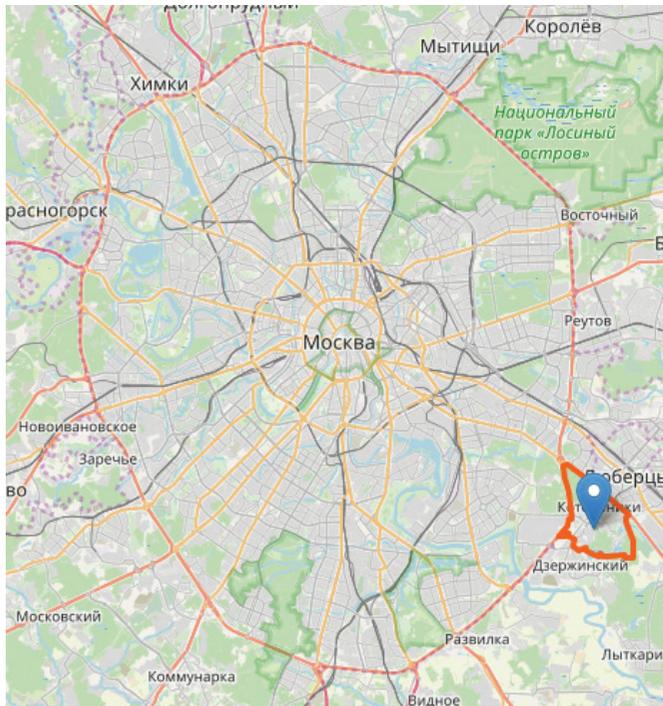
Результаты исследования

История Котельников: экономика, застройка, население. Котельники — город-спутник Москвы, примыкающий к ЮВАО и ограниченный с запада МКАД и парком Кузьминки-Люблино, с севера и востока — Новорязанским шоссе, с юга — Томилинским лесопарком и Большим Люберецким карьером (рис. 1). До 1996 года на территории Котельников находилось несколько рабочих поселков: Опытное Поле, Белая Дача, Силикат, Ковровый (сейчас они соответствуют одноименным микрорайонам города) и само село Котельники (частный сектор в районе Большой и Малой Колхозных улиц и Полевого проезда). В 1996 году эти поселения были объединены в поселок Котельники в составе Люберецкого района [*Город Котельники...*], а в 2004 году Котельники получили статус города. Население города на 2019 год составляет 47 тыс. чел. [*Численность...*, 2019].

О досоветской истории Котельников информации немного. Известно, что деревня Котельниково существовала уже в XVII веке, а в 1680-х годах в деревне была построена церковь Казанской иконы Божией матери, которую и сегодня можно увидеть на Малой Колхозной улице. В XIX веке близ села появились первые предприятия по добыче песка и камня [*Город Котельники...*]. Своя досоветская история есть также у микрорайона Белая Дача: здесь в конце XVIII века была построена одноименная усадьба, которая сохранилась по сей день.

При СССР начинается стремительное промышленное развитие территорий. Еще до войны в окрестностях села Котельники строится завод по производству силикатного кирпича, в 1939-м — Первомайский комбинат, представляющий собой склады стратегических запасов; после войны — железобетонный завод (рядом с силикатным заводом), Ковровый комбинат. Также в советское время расширяется добыча строительных материалов на Люберецких карьерах, где строят Люберецкий горно-обогатительный комбинат. В этот же период на территориях усадьбы Белая Дача возникает сначала небольшая сельхозартель, а после войны — крупный совхоз, который быстро растет и становится одним из передовых в СССР: его посевные поля, животноводческие фермы и тепличные комплексы занимали львиную долю площади современных Котельников. Предприятия привозят работников с окрестных деревень и сел, строят им сначала деревянные бараки, а затем — жилые кварталы. Так возникают микрорайоны Ков-

2 Мы благодарим за помощь в сборе данных А. Рочеву, Я. Богуславскую, А. Бойко, Е. Власову, М. Кандински, В. Козлова, Н. Кононца, М. Мурадову, И. Терехову, И. Токмань, Ю. Чеботареву.

Данные картографической основы: © Участники OpenStreetMap

Рис. 1. Котельники на карте Подмосквья

Источник: иллюстрация составлена авторами.

направляли на предприятия для обмена опытом, и сезонных рабочих из Центральной Азии, приезжавших в совхоз на время сбора урожая и уезжавших по окончании работ.

Постсоветское развитие города можно условно разделить на три периода. Первые 15 лет после распада СССР экономика города, прежде всего, характеризуется постепенным сворачиванием промышленности. Объемы производства падают, рабочие места сокращаются, часть предприятий закрывается. Короткий расцвет переживает пищевая промышленность: в городе успешно работает агрохолдинг «Белая Дача», ставший «наследником» совхоза, а также строятся пищевая фабрика «Нидан-гросс» и завод по производству соков «Нидан-соки». Однако с середины 2000-х и эти предприятия постепенно сворачиваются: «Белая Дача» распродает земли и выводит основное производство в Краснодарский край, оставив в городе только завод по производству салатов, а компания «Нидан» полностью уходит с рынка. Жилой фонд города в этот период меняется мало: по несколько многоэтажных домов появляется в мкр. Белая Дача к северу от старого квартала и к югу от Кузьминской улицы, в мкр. Ковровый и в Силикате. По свидетельствам информантов, именно в этот период в городе появляются первые мигранты: в частности, упоминаются армяне, которые бежали от войны и «целыми аулами» покупали квартиры в новых домах в Ковровом, отдельные армянские семьи в старых домах Коврового, появление армянского малого бизнеса.

Начиная со второй половины 2000-х Котельники переживают бурное развитие оптовой розничной торговли: в городе открывают ИКЕА (2005), ТЦ «МЕГА Белая Дача» и «Ашан» (2006) [Итоги..., 2006], гипермаркеты «Реал» и «Касторама» (2007) [Итоги..., 2007]. В итоге предприятия в этой сфере становятся крупнейшими работодателями: согласно официальной статистике городской администрации, в 2005 году на сектор торговли приходилось 17% от общего числа рабочих мест в городе (на промышленность — 23%, на сельское хозяйство — 18%), а к 2010 году этот показатель достигает 42% (17% — в промышленности, 3% — в сельском хозяйстве). Одновременно в городе начинается (и по сей день продолжается) строительный бум (рис. 2): на территориях от Белой Дачи до Новорязанского шоссе и в мкр. Южном вырастают целые кварталы многоэтажных домов (так, если в 2006 году общая площадь сданных жилых домов составила 3,7

ровый, построенный совместными усилиями Первомайского и Коврового комбинатов, Силикат, Белая Дача. Несколько в отдалении от прочих, отделенный опытными полями, строится микрорайон с говорящим названием Опытное Поле — для работников биологической лаборатории, в которой разрабатывали и тестировали удобрения (сейчас на месте полей высятся новостройки Сосновой, Кузьминской улицы и 3-го Покровского проезда, а у самых домов открылась станция метро). Все эти микрорайоны представляют собой кварталы малоэтажной застройки, хотя в позднем СССР, в 70–80-е годы, в Белой Даче и Ковровом было также построено несколько 9–12-этажных домов. По мере роста и развития предприятий запускаются программы привлечения квалифицированных специалистов со всего СССР, однако, как рассказывают информанты, абсолютное большинство таких внутренних мигрантов — выходцы из регионов РСФСР. Приезжих из союзных республик (то есть будущих стран СНГ) практически нет, если не считать специалистов, которых

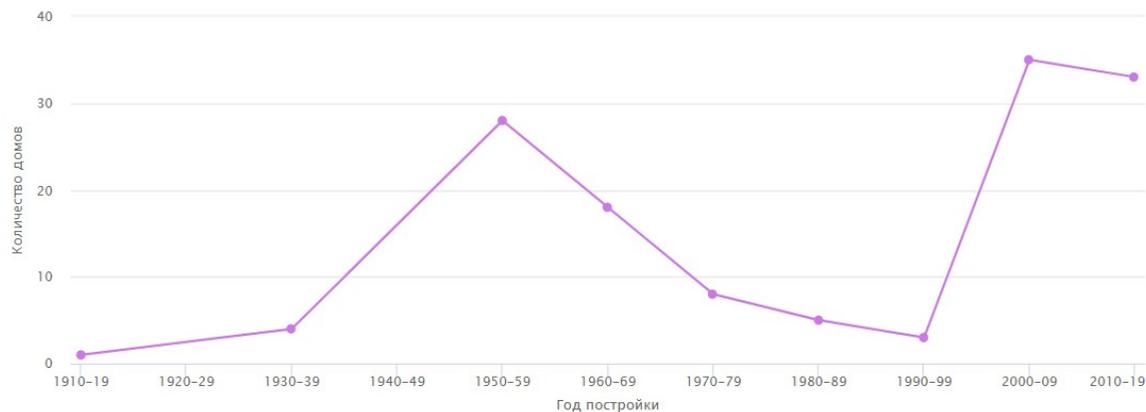

Рис. 2. Количество построенных в Котельниках многоквартирных домов по годам

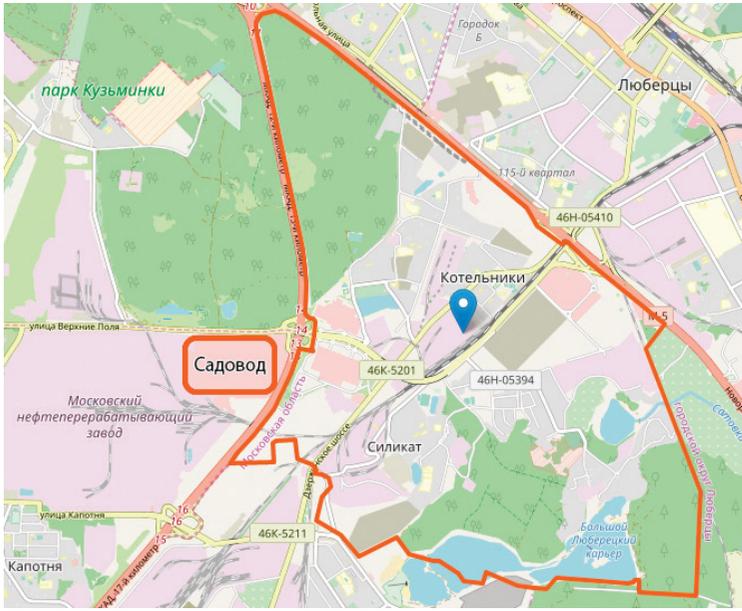
Источник: dom.mingkh.ru.

тыс. кв. м, то в 2007-м этот показатель достиг 114,6 тыс. кв. м, а еще через год — 143,8 тыс. кв. м). С этим, очевидно, связан резкий скачок населения в эти годы: с 18 тыс. в 2005 году [*Народная энциклопедия...*] до 32 тыс. в 2010-м [*Перепись..., 2011*]. Информанты отмечают, что, хотя большинство покупателей в этот период русские, доля мигрантов в новых домах уже заметно выше — в основном за счет армян, которые на тот момент становятся самой крупной этнической группой. Кроме того, сетевые ТЦ и масштабные стройки усиливают приток трудовых мигрантов с более широкой географией происхождения — они приезжают работать в торговые комплексы и гипермаркеты, строят дома, отделяют сданные квартиры и пр., однако ни СМИ, ни информанты еще не характеризуют тот период как «засилье» приезжих.

С 2009 года «перекося» городской экономики в сторону торговли растет еще стремительнее: после закрытия Черкизовского рынка часть предпринимателей оттуда перебирается на «Садовод», расположенный через МКАД от Котельников (там же находится знаменитая «Птичка» — московский птичий рынок). Тогда «Садовод» представлял собой обычный малопримечательный рынок с некапитальными торговыми павильонами и рядами палаток общей площадью около 40 га [*Ю магазине...*] (рис. 3) и оказался не готов к наплыву оптовиков: на дорогах случился транспортный коллапс, места желающих не хватало, администрация стала спешно возводить новые павильоны. Рынок стал постепенно притягивать в соседние районы, в том числе Котельники, новые категории горожан: бизнесменов и наемных работников, львиная доля которых были мигрантами. В первое время в СМИ и «народе» тогда говорили о том, что предприниматели из Китая и Вьетнама вытесняют местных торговцев, предлагая аренду в несколько раз выше установленной, однако доподлинно неизвестно, насколько это соответствует действительности [*Полухина, 2009; Туманов, Снежкина, 2009*].

Тем не менее настоящий «всплеск» миграции случился позже — по словам информантов, в 2014–2015 годах. Говоря о притоке мигрантов в этот период, многие информанты характеризуют его как «нашествие» и «вторжение» и чаще всего связывают с «Садоводом». Вероятнее всего, этот приток был связан с реконструкцией и расширением «Садовода» в 2013–2016 годах, которое, помимо прочего, происходило на фоне продолжающейся борьбы с «дикими» рынками по всей Москве. В конце 2016 года вместо некапитальных построек и разреженных палаточных рядов здесь появились колоссальных размеров крытые торговые комплексы, благодаря чему «Садовод» стал одним из крупнейших рынков Москвы и России (рис. 4) [*Рынок Садовод...*]. Сегодня здесь торгуют предприниматели самого разного происхождения: китайцы, вьетнамцы, армяне и азербайджанцы, таджики, киргизы, индийцы, афганцы и пр. И таким же разнообразием отличаются Котельники, где, как выражаются местные, «собрались все нации» и «настоящий Ноев ковчег». Причем наиболее высокая доля мигрантов наблюдается в квартале 2-го Покровского проезда и новостройках Белой Дачи и Южного, которые появились в 2010–2014 годах.

Что представляет собой город сегодня? С точки зрения экономики, решающую роль играет «Садовод», а также другие точки оптово-розничной торговли. В 2014 году 47% рабочих мест

Данные картографической основы: © Участники OpenStreetMap

Рис. 3. Рынок «Садовод» и г. Котельники.

Источник: иллюстрация составлена авторами.

Люберецкий горно-обогатительный комбинат и комбинат Росрезерва «Первомайский». Сельскохозяйственный сектор представлен единственной компанией «Русские газоны», которая занимается выращиванием рассады и кустарников.

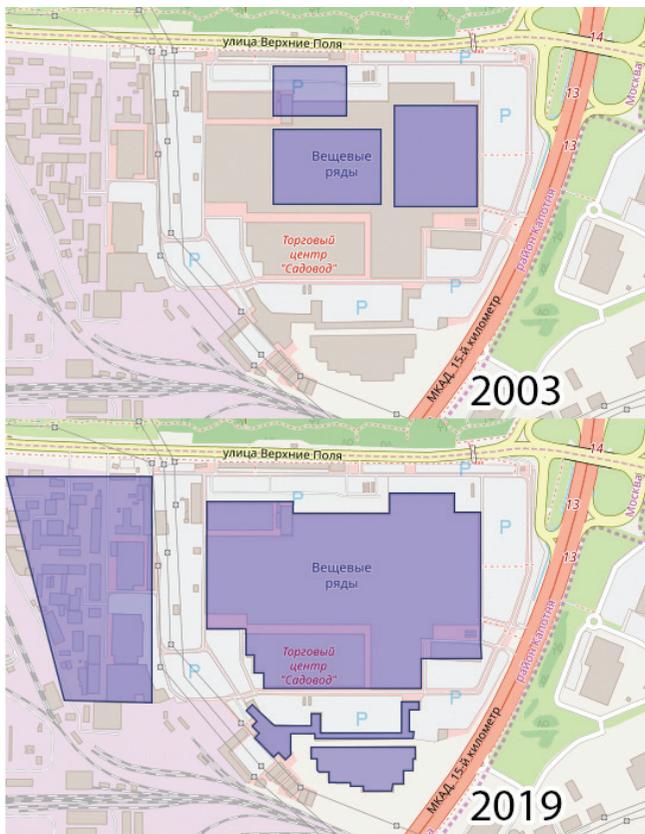
Также в городе продолжается массовое строительство нового жилого фонда. Открытие в 2015 году станции метро сделало Котельники в разы привлекательнее с точки зрения транспортной доступности, поэтому следует ожидать, что население города будет расти и дальше. В ближайшие годы (2019–2023) ожидают сдачи многоэтажные жилищные комплексы «Оранж парк» у метро, «Белая Дача парк» на Новогорьевском шоссе, несколько домов в Южном, а также высотки точечной застройки в Белой Даче и Ковровом (рис. 5). Также многоэтажные кварталы заменят старую малоэтажную застройку Белой Дачи и Коврового, которую планируют снести к 2030 году [Жители..., 2018]. Городские власти прогнозируют, что, с учетом ввода новых жилых фондов, население города должно уже к 2022 году вырасти до 75 тыс. чел., а к 2035-му — до 93 тыс. чел. [Генеральный план..., 2017].

Основной проблемой урбанистического развития Котельников остается дисбаланс между объемами жилого фонда и количеством социальных учреждений, способных обслужить стремительно растущее население. Чаще всего информанты жалуются на нехватку мест в детских садах и школах. Так, на 40 тыс. чел. в городе функционирует 3 школы, классы в них переполнены, а многие родители отдают детей в школы в других городах. Для сравнения: в соседнем Дзержинском на 56 тыс. чел. приходится 6 школ. Такая же трудная ситуация, по данным информантов, наблюдается в поликлиниках, которые оказались не готовы к резко возросшей нагрузке. Отдельная проблема — загруженность шоссе, где, по оценкам информантов, уже сегодня трудно уместиться и автомобилистам, едущим на работу в Москву, и фурам с «Садовода». Многие опасаются, что ввод в эксплуатацию новых 20–30-этажных домов и вовсе приведет к транспортному коллапсу.

Население Котельников: основные категории, паттерны резидентного поведения.

В населении Котельников можно выделить четыре крупные категории жителей в зависимости от того, как и почему они поселились в городе. «Жители» в данном случае понимаются максимально широко и включают, в том числе, временно пребывающих в городе. Выделение этих категорий не предполагает единого основания, речь идет о наиболее ярких и частотных

в Котельниках приходилось на сферу торговли, 11% — на промышленный сектор, 1,5% — на АПК и 5,3% — на социальную сферу [Отчет главы..., 2014]. Причем работники «Садовода» не учитываются в этой статистике, поскольку рынок находится в Москве. В 2018 году стало известно, что на территории рынка будут построены еще более крупные ТК общей площадью свыше 277,8 тыс. кв. м [В Москве..., 2018], что, очевидно, окажет непосредственное влияние на развитие города. Из промышленных предприятий наиболее крупными можно назвать завод по производству салатов «Белая Дача», фирмы по производству бетона «Трак Бетон» и «Ваш дом», которые работают на базе старого железобетонного завода,

Данные картографической основы: © Участники OpenStreetMap

Рис. 4. Рынок «Садовод» в 2003 г. и 2019 годах

Источник: Retromap.ru, иллюстрация составлена авторами.

Котельников формировалось за счет окрестных сел и деревень либо регионов РСФСР. Среди прочих старожилов часто встречаются выходцы из Поволжья — татары, чувашаи. Так, по свидетельству одного из информантов, в какой-то период «за счет Татарии» комплектовали Силикатный завод. Хотя мигранты из союзных республик приезжали для обмена производственным опытом и сбора урожая, они редко оставались жить в городе.

Старожилы, как правило, питают к своему району самые теплые чувства. «Мы здесь живем как в большой деревне, все друг друга знаем и дружим» — так чаще всего описывают они свой район. Эта категория горожан активно использует общественные пространства: они любят ходить друг к другу в гости, вместе гулять с внуками, обмениваться новостями, много знают о других жителях — кто и где умер, кому продали или сдали квартиру и пр. При наблюдении заметно, что они также наиболее «встроены» в жизнь двора и района: на улице с ними здороваются другие жители.

«Собственники из новостроек». Это новые жители Котельников, которые купили здесь квартиры в 2000–2010-х годах. Выбирая этот город, они, прежде всего, руководствовались ценой: для многих это было первое жилье или способ расширить жилплощадь путем переезда за МКАД. В начале нулевых Котельники были одним из наиболее дешевых направлений: так, по словам одного из информантов, в 2005 году на этапе котлована здесь можно было купить 3-комнатную квартиру менее чем за 2 млн руб.

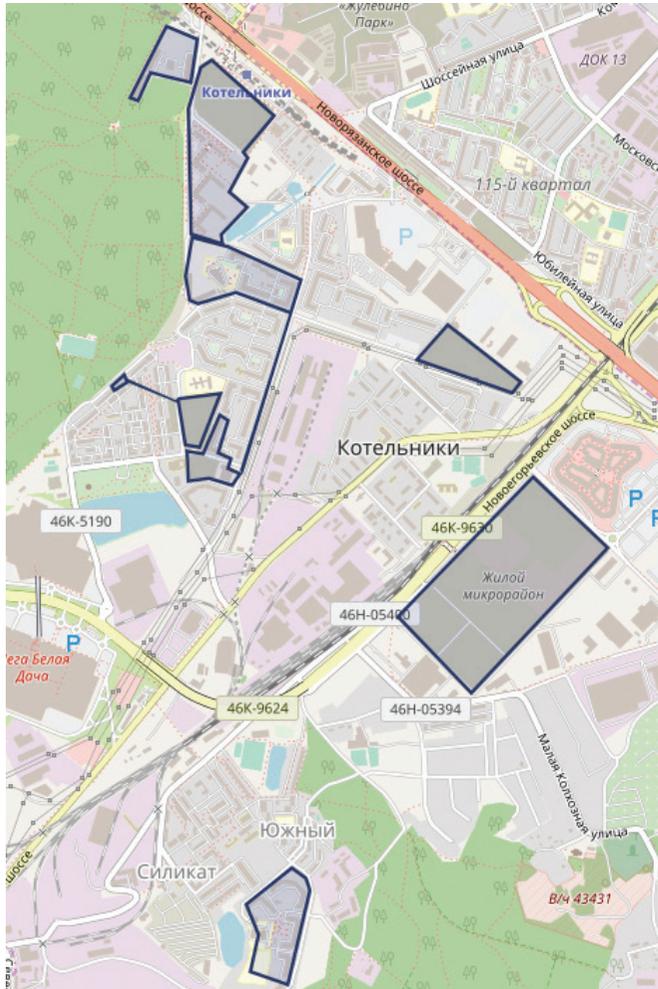
Поскольку строительный бум начался после 2005 года, новые собственники преимущественно селились в городе именно в этот период. Подавляющее большинство из них, вне зависимости от периода заселения, могут быть классифицированы как русские. Этномигра-

типах. Тем не менее, в фокусе находятся прежде всего этномиграционные характеристики жителей³.

«Старожилы и их дети». К этой категории относятся горожане, живущие в кварталах старой застройки — Опытное Поле, Силикат, Белая Дача, Ковровый — в производственных квартирах, которые в советское время получили они сами, их родители или их бабушки/дедушки. Часто эти жители уже на пенсии. Они могли как родиться в рабочих поселках, позже ставших Котельниками, так и приехать в Котельники уже в сознательном возрасте, всю жизнь проработать на предприятиях города и на старости лет остаться жить в знакомом районе. Также нередко в этих кварталах остаются жить их дети, которые занимают унаследованные квартиры или остаются жить вместе с родителями. Небольшая часть старожилов живет также в приватизированных комнатах в старых коммунальных общежитиях, которые расположены в тех же районах советской застройки. В кварталах старой застройки эта категория составляет большинство.

Почти всех старожилов можно отнести к категории «русские», поскольку в советскую в эпоху население

3 Отметим, что, хотя авторы стоят на конструктивистских позициях, с известной долей условности категория «русские» и категория «местные» используются взаимозаменяемо.

Данные картографической основы: © Участники OpenStreetMap

Рис. 5. Карта строящихся жилищных комплексов в г. Котельники на октябрь 2019 года

Источник: составлено авторами на основе данных ЦИАН.

сказать, сходны ли их резидентные стратегии скорее с русскими и армянами или с собственниками, появившимися в городе в 2010-е годы.

Собственники из новостроек гораздо менее встроены в жизнь своего подъезда, двора, района. Наиболее частое описание района — «я с утра до вечера на работе, соседей даже не вижу, почти никого не знаю». Жители из этой категории могут поддерживать приятельские отношения с некоторыми соседями и формировать небольшие сети знакомств, состоящие преимущественно из слабых связей, однако, как правило, этим их круги общения в городе и ограничиваются. Исключение составляют мамы с детьми, которые активно используют общественные пространства в районе просто потому, что проводят в нем гораздо больше времени и менее мобильны.

«Снимающие мигранты». Еще одна крупная категория жителей — мигранты, снимающие недвижимость — от квартир до койко-мест. Подавляющее большинство снимающих мигрантов приехали в Котельники в 2010-е годы и живут в новостройках — по разным оценкам, их доля в различных домах и кварталах может достигать половины. Встречаются также точечные концентрации в домах старой застройки. Мигранты чаще всего приезжают в Котельники через родственные и дружеские сети, самая типичная история для таких жителей — «мой друг/брат/дядя тут давно живет, он мне нашел работу, я к нему приехал». Как правило, мигранты рабо-

ционный же профиль иноэтничных собственников со временем сменился. В нулевые единственную значительную группу иноэтничных мигрантов-собственников составляли армяне, которые к этому периоду составляли некоторую видимую часть населения (количественно оценить присутствие мигрантов-армян на этом этапе сложно). Жилищные стратегии тех и других были схожи: все они покупали здесь квартиры, ориентируясь прежде всего на относительно низкую стоимость недвижимости, а работать при этом могли где угодно.

В 2010-е появляется и численно растет новая категория жителей Котельников — собственники квартир родом из Центральной Азии, Китая, Вьетнама. Их жилищные стратегии более разнообразны: часть из них, так же как русские и армяне, выбрали место жительства по цене, однако весомая доля собственников этой категории владеют своим бизнесом на «Садовом» и поселились в Котельниках именно по этой причине. Надо отметить, что в последние 5–6 лет число собственников, связанных с рынком, растет ускоренными темпами, хотя их количество в сравнении с русскими и армянами остается незначительным.

Известно также, что среди собственников в новостройках весомо присутствие других представителей старой иммиграции — выходцев из Азербайджана, однако нельзя

тают либо на «Садовое», либо в других торговых точках города, на предприятиях общепита, в сфере обслуживания или такси.

Львиная доля мигрантов в этой категории — выходцы из Центральной Азии: из них самую крупную группу составляют выходцы из Таджикистана, за ними с заметным отставанием идут приезжие из Киргизии, Узбекистана. Также встречаются мигранты из Китая, Вьетнама, Армении, Азербайджана. В небольших количествах можно встретить выходцев из еще более широкого круга стран — Афганистана, Индии, Сирии, Украины и даже Кубы. Следует отметить, что число русских арендаторов крайне незначительно — настолько, что в разговоре некоторые информанты приравнивают понятия «съемная квартира» и «мигрантская квартира».

Мигрантские квартиры можно условно поделить на семейные и «квартиры-общежития». В семейной квартире может жить одна или несколько нуклеарных семей и еще какое-то число родственников — дяди, тети, братья, племянники и т.п. Поселиться в такой квартире, соответственно, можно только по родственным связям, как следствие, в таких квартирах живут представители одной и той же этнической категории. Как правило, кто-то один поддерживает связь с арендодателем, а остальные даже не знают, у кого снимают. «Квартиры-общежития» — это, по сути, хостелы, где в каждой комнате живет по 4–10 человек. Они спят на двухъярусных кроватях или просто матрасах (часто мигранты приходят в съемную квартиру с собственными матрасами) и платят за койко-место 5–7 тыс. руб. Такие квартиры находят по «сарафанному радио», через социальные сети (Instagram, группы в vk.com), специальные сайты (например, moscow.birge.ru) и чаты (WhatsApp), а также по обычным объявлениям. Так, почти на любой доске объявлений в Котельниках можно увидеть нечто вроде «жилье для женщин, недорого, позвонить по номеру...». В таких квартирах в одной комнате могут жить мигранты самого разного происхождения. Встречаются и промежуточные случаи: когда основной арендатор, чаще всего семья, стремится сократить затраты на жилье и сдает часть жилплощади субарендаторам, которых также находят через знакомых и на специальных сайтах. Обычно по такой схеме сдают одну или несколько комнат, хотя был зафиксирован случай, когда в Котельниках в теплое время года так сдавали балкон — за 8 тыс. руб. в однокомнатной квартире, которая стоит 30 тыс. руб. в месяц.

Кто сдает свои квартиры мигрантам? Пул арендодателей Котельников весьма разнообразен. Это могут быть люди, которые когда-то купили квартиры, но в итоге решили не жить в них по самым разным причинам: их не устроила транспортная доступность, качество социальных учреждений, экология, большое количество мигрантов, либо они просто решили жить в другом месте по личным обстоятельствам (заключили брак и переехали к супруге/супругу, сменили место работы, унаследовали квартиру в Москве и пр.). В итоге часть таких «случайных» арендодателей продали квартиры, а часть — стали сдавать.

Кроме того, на рынке жилья Котельников есть большое количество «арендодателей-инвесторов» — это собственники, которые изначально покупали квартиры для последующей сдачи в аренду. Большинство таких «инвесторов» — русские, однако среди зажиточных мигрантов такая стратегия также популярна. Из приезжих такими «инвесторами» чаще всего выступают армяне, также известны арендодатели из Таджикистана, Афганистана, Китая, Вьетнама, Турции. Количество сдаваемых квартир на одного инвестора может варьироваться. Есть случаи, когда собственник покупает и сдает только одну квартиру, есть арендодатели, имеющие по несколько квартир. Максимальное число, известное авторам исследования, — 8 квартир, принадлежащих собственнице из Китая. Масштабы этого явления трудно поддаются измерению, поскольку многие снимающие не знакомы с арендодателем, а те, в свою очередь, не стремятся афишировать свой «бизнес». Тем не менее известен случай, когда в одном доме 50 квартир из 200 было изначально куплено под сдачу.

«Мигранты-строители». Отдельно следует выделить группу «мигранты-строители» — хотя каждый конкретный представитель этой группы обычно живет в Котельниках недолго в силу того, что Котельники активно застраиваются, этот тип жильцов присутствует в Котельниках непрерывно и требует отдельного описания. К этому типу мы относим в первую очередь жителей строительных вагончиков, которые непосредственно возводят дома и живут и работают на закрытых территориях стройплощадок. Как правило, они находят работу через знакомых, живут на стройке в течение рабочего контракта и затем переезжают на следующую стройку либо оседают и ищут другую работу. Основная особенность жителей этого типа — временный характер проживания и изоляция от района: такие жители редко выходят за пределы стройки,

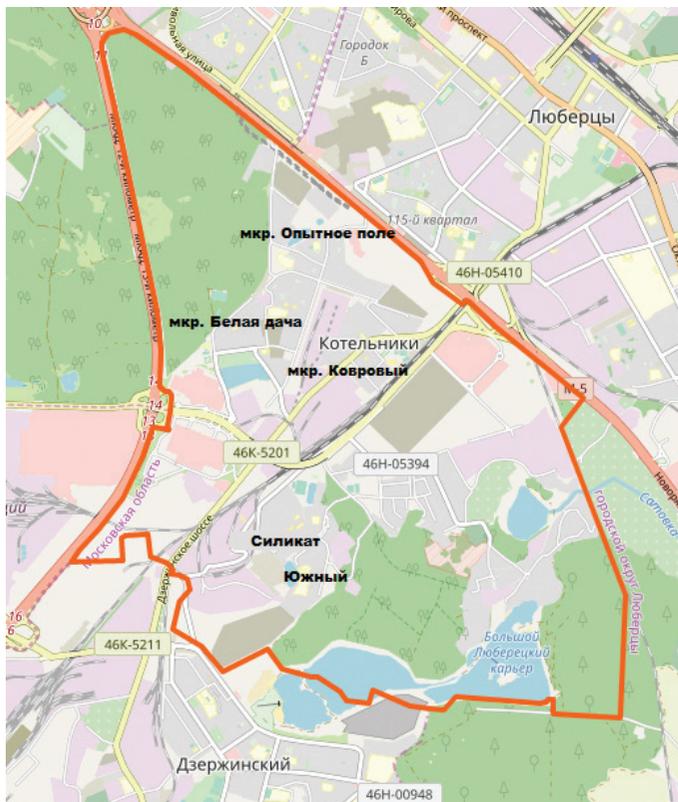
чтобы избежать ненужных столкновений с правоохранительными органами. Бывает также, что работодатели сами запрещают работникам покидать территорию в случае, например, если компания не оборудовала жилье для строителей в соответствии с законом и также опасается лишнего внимания со стороны полицейских. Помимо вагончиков, мигрантов-строителей могут размещать в помещениях уже построенного дома — так, например, одна строительная компания организовала своим работникам общежитие в одном из домов строящегося квартала в мкр. Южный. Кроме того, к мигрантам-строителям относятся отделочные бригады, которые также присутствуют почти в любом строящемся районе и отличаются особым форматом проживания на данной территории. Отделочники часто селятся в квартирах, в которых делают ремонт, а затем перемещаются в другие, где также и живут и работают.

Таким образом, сегодняшнее население Котельников можно разделить на следующие основные категории: старожилы и их дети (подавляющее большинство — россияне), собственники из новостроек (преимущественно русские и армяне), снимающие мигранты и мигранты-строители. В каждой категории можно выделить типичных представителей данной группы, которые комбинируют в себе наиболее распространенные для данной категории резидентные, профессиональные и миграционные стратегии. Так, старожилы — это русские семьи, которые получили квартиры в советское время и состоят либо из пенсионеров, либо из пенсионеров и их детей/внуков. Собственники из новостроек — это русские или, в меньшей степени, армяне, купившие квартиру в Котельниках из-за низкой цены. Снимающие мигранты — приезжие из стран Центральной Азии, Закавказья, Китая или Вьетнама, арендующие жилье в новостройках и занятые неквалифицированным трудом в сфере торговли и услуг; могут проживать семьями либо поодиночке в «квартирах-общежитиях». Мигранты-строители — приезжие из Центральной Азии, живущие в строительном вагончике либо в квартире под отделку.

Котельники «мигрантские»: характеристики районов на предмет концентрации мигрантов, динамики населения, этнических границ и анклавизации.

Население старых кварталов (мкр. Белая Дача, Силикат, Ковровый, Опытное Поле) большей частью состоит из старожилов, хотя в отдельных домах/подъездах можно наблюдать высокую концентрацию «мигрантских квартир» разного формата: «квартиры-общежития» работников «Садового» и строителей или квартиры мигрантов-собственников (чаще всего из Закавказья). Такие «мигрантские» квартиры появляются, как правило, когда старожилы умирают, а дети не хотят жить в старой квартире и решают продать или сдать ее, либо когда дети покупают квартиру в другом месте, забирают родителей жить к себе, а старую сдают или продают. Снимающие мигранты, однако, чаще всего представлены в новостройках. Доля их может варьироваться: исследователям известны подъезды, где доля таких квартир составляет 50%. Таким образом, кроме того, что в новостройках концентрация мигрантов высока, там наблюдается ее рост как за счет отъезда местных, так и за счет притока новых волн приезжих. Помимо этого, растет число собственников-мигрантов, что заслуживает отдельного внимания, поскольку такие мигранты будут формировать более прочные связи с местом проживания и, таким образом, оказывать большее влияние на дальнейшее развитие района и города. В связи с этим далее мы рассмотрим подробнее образовавшиеся в новостройках места резидентной концентрации мигрантов и связанные с этим социальные феномены. В качестве примера мы возьмем 2-й Покровский проезд, дома 2, 4к1, 4к2, 6к1, 8, 10, 12, 14к1 и 14к2, построенные в 2009–2012 годах и расположенные между старыми домами Белой Дачи и Кузьминской улицей (рис. 6–7).

Информанты обычно оценивают долю мигрантов в этих домах в среднем в 50%, однако для отдельных домов и подъездов эта оценка может быть как существенно ниже, так и существенно выше (до 70%). В одном из подъездов, согласно интервью с консьержкой, примерно в половине квартир живут русские-собственники, в четверти — армяне-собственники, а остальные квартиры снимаются мигрантами. В другом 30% квартир — это русские-собственники, еще в 20% квартир живут собственники из Армении и Азербайджана, 40% снимают мигранты из Центральной Азии, преимущественно в формате «квартир-общежитий», в остальных живут приезжие из Китая и Вьетнама (6% квартир, как в собственности, так и в аренде), Северного Кавказа (приблизительно 6% квартир, в аренде), а также Афганистана и Кубы. Кроме того, в одном подъезде был сделан поквартирный обход (рис. 8). Согласно его результатам, доля мигрантских квартир из тех, о которых известно, кто там живет, составила 42%, при том что про этот подъезд, а также на основании

Данные картографической основы: © Участники OpenStreetMap

Рис. 6. Карта Котельников с микрорайонами

Источник: иллюстрация составлена авторами.

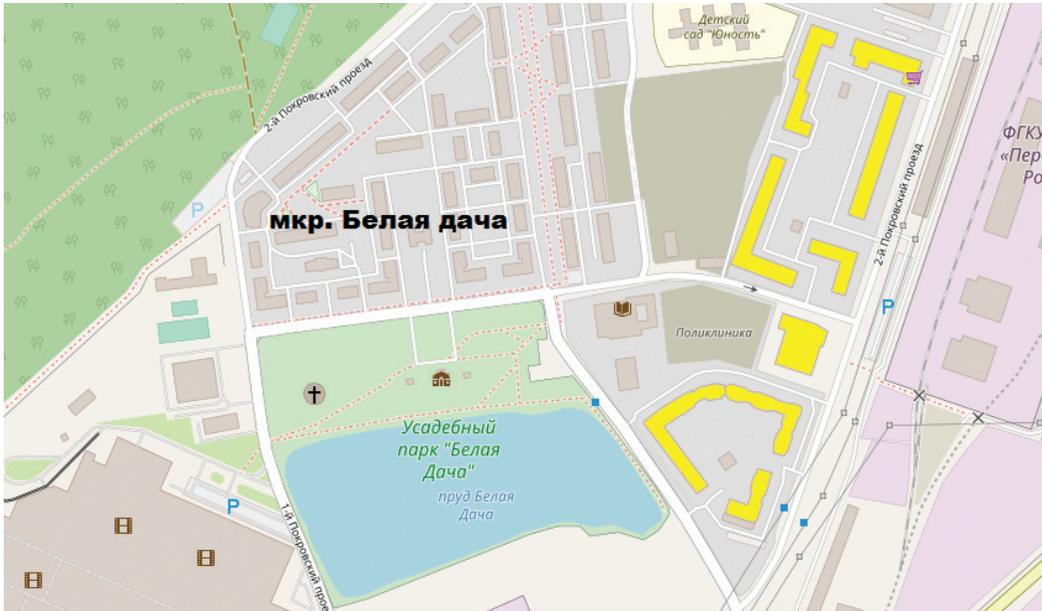
Покровском проезде, преимущественно заняты низкоквалифицированным трудом на многочисленных малых предприятиях города и его окрестностей: продают товары на «Садовом», в «Меге», в продуктовых магазинах и лавках, работают официантами в кафе, водят такси, убирают в квартирах или делают ремонт, нанимаются дворниками и разнорабочими в ЖКХ. Как правило, они выбирают жилье близко к рабочему месту, причем и то, и другое ищут по сетям — через знакомых, родственников, соотечественников либо в специальных чатах и группах социальных сетей. Снимают обычно совместно с родственниками, друзьями, коллегами либо находят койко-места в «квартирах-общежитиях». Существует один основной фактор, в результате действия которого среди жителей 2-го Покровского проезда доля мигрантов высока. Это близость «Садового» и прочих «мигрантских» рабочих мест. А вот стоимость съема к таким факторам не относится — если когда-то в Котельниках снимать было относительно дешево, со временем потоки приезжих настолько повысили спрос, что цены выросли до уровня московских: койко-место стоит 5–7 тыс. руб. в месяц, однокомнатная квартира — 30–32 тыс. руб. Причем из-за высокого спроса на рынке не застаиваются вообще никакие варианты: встречается, что мигранты платят 30 тыс. за квартиры с плохо работающей сантехникой, без мебели и почти без ремонта. Многие в связи с этим ищут более дешевые варианты в соседних городах — Люберцах и Дзержинском, однако в рамках данного исследования мы не можем сказать, насколько на сегодняшний день этот процесс набрал обороты.

Помимо мигрантов — наемных рабочих — на 2-м Покровском проезде и в Котельниках в целом живет значительное число мигрантов-бизнесменов: это предприниматели с «Садового», владельцы продуктовых лавок и магазинов, кафе, работающие на себя мастера ремонтных бригад и пр. Их резидентные стратегии более разнообразны. Во-первых, поскольку это в целом более зажиточные мигранты, они не только снимают, но и покупают жилье в собственность — как правило, это те, кто живет в России больше 10 лет и успел за это время достичь

прочих данных известно, что, если квартира съемная и мигрантская, количество жильцов в ней больше, чем в случае, если в квартире живет собственник.

На улице и во дворах этих домов почти всегда можно увидеть женщин в хиджабах и национальных платках, а в городских маршрутках визуально отличимых иноэтничных мигрантов обычно не меньше половины. Собеседники на улице — как мигранты, так и нет — любят рассказывать, что в связи с этим район называют «Черной Дачей». На первых этажах домов — халяльные лавки, «этнические» кафе, мелкие продуктовые магазины, принадлежащие мигрантам как из Закавказья, так и из Средней Азии. Всего на 9 домов 5 кафе, которые можно классифицировать как «этнические» [Варшавер, Рочева, 2014] — «Дидор», «Рахат», «Амина», «Душанбе», «Евразия», а в местном спортзале после шести «сплошной Садовод», как рассказывают информанты. Дети на детских площадках — со всех уголков СНГ — из Армении, Азербайджана, Таджикистана, Киргизии и пр.

Мигранты, живущие во 2-м

Данные картографической основы: © Участники OpenStreetMap

Рис. 7. Новостройки 2-го Покровского проезда на карте Котельников (выделены цветом)

Источник: иллюстрация составлена авторами.

стабильного дохода и накопить некоторый капитал. При покупке они руководствуются разными соображениями: так, для предпринимателей с «Садовогода» важна и близость к работе, и цена, и то, что они уже знакомы с этим районом и соседями, — поскольку чаще всего, прежде чем приобрести собственность, такие предприниматели снимают в Котельниках квартиры несколько лет. Владельцы кондитерских, кафе, магазинов с товарами шаговой доступности руководствуются иной логикой, в некоторых случаях, они сначала покупают здесь жилье, выбирая его по цене, а потом уже переносят сюда бизнес. Для них, таким образом, решающими факторами будут цены на жилую и коммерческую недвижимость, а также наличие спроса. В случае если они занимаются «этническим» бизнесом — например, продают халяльные продукты или открывают чайхану, — для них важно наличие именно «мигрантского» спроса. Во-вторых, при покупке они чаще обращаются к официальным средствам поиска жилья — идут в агентство, звонят по объявлениям или нанимают риелторов. В-третьих, мигранты-бизнесмены сами по себе служат центром притяжения новых мигрантов, так как они чаще привозят к себе жен и детей, других родственников, которые помогают по дому либо устраиваются к ним на работу. Наконец, среди зажиточных мигрантов есть немало арендодателей, которые сами скупают квартиры для последующей сдачи мигрантам.

- 4 В категорию «мигранты» были включены представители азербайджанской, армянской, вьетнамской, киргизской, молдавской, таджикской, узбекской этнических категорий. Информация о том, находится ли квартира в собственности или она съемная, на схеме не представлена, однако о части квартир это известно, и в этом подъезде квартиры немигрантов находятся преимущественно в собственности, а среди квартир мигрантов в собственности находятся квартиры, преимущественно принадлежащие армянам и в одном случае азербайджанцам. В абсолютном большинстве арендных квартир проживают мигранты из Центральной Азии, реже квартиры снимаются представителями армянской, вьетнамской и киргизской этнических категорий. Подробная процентная разбивка — представлена в *табл. 1*.

Таблица 1. Мигранты и немигранты в подъезде дома во 2-м Покровском проезде

Все квартиры			Квартиры, о которых известно		
Немигранты	25	38%	Немигранты	25	58%
Мигранты	18	28%	Мигранты	18	42%
Неизвестно	22	34%	Итого	43	100%
Итого	65	100%			

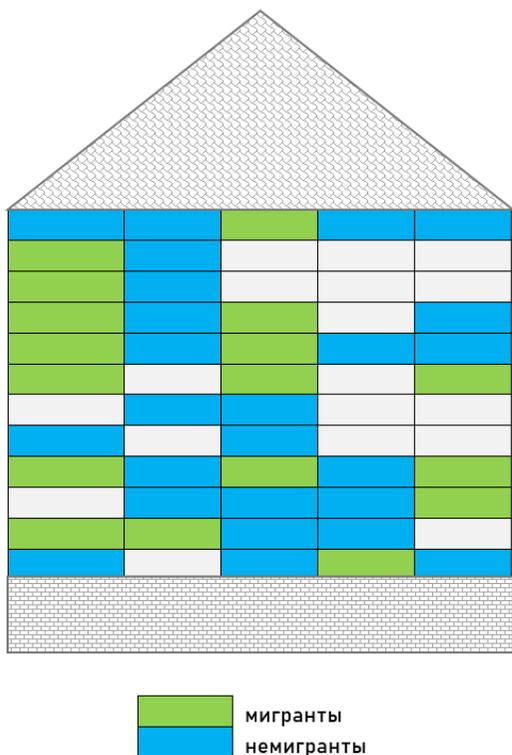

Рис. 8. Модель подъезда в доме во 2-м Покровском проезде⁴ на предмет расселения мигрантов и немигрантов

Источник: иллюстрация автора.

учителей не хватает, качество образования, по мнению информантов, оставляет желать лучшего. При этом, как и в случае с дорогами, «мигрантский фактор» может как проговариваться, так и только подразумеваться: многие информанты открыто говорят, что присутствие в классе 15–20 нерусскоязычных детей отрицательно влияет на образовательный процесс, в то время как прочие жалуются лишь на плохое образование и переполненность школ. И те и другие тем не менее предпочитают отдавать своих детей в другие школы — в Жулебино, Дзержинский, другие районы Москвы и Подмосковья. Жить в Котельниках, а детей возить учиться в другое место — распространенная стратегия среди наших информантов, хотя известны также семьи, которые готовы уехать или уже уехали из города только для того, чтобы отдать детей в школу. В чистом же виде *white flight* — то есть желание уехать исключительно и эксплицитно из-за неприязни к мигрантам, по нашим данным, встречается не так часто. В тех же случаях, когда это так, курс, к которому «подключаются» такие информанты, в основном следующий. «Они живут по 10 человек, одни мужчины, а убираться за собой никто не привык, вот и разводятся тараканы... Мусорят, курят, шумят... воевать с ними бесполезно...». Вторая по популярности «претензия», согласно этому дискурсу, — поведение мигрантских детей на детских площадках: по словам ряда информантов, они обижают других детей, а родители не делают им замечания. Известно, что на 2-м Покровском проезде есть русские мамы, которые специально ходят гулять на другие детские площадки, где меньше мигрантов. Интересно, что, даже если у местных и мигрантов нет друг к другу никаких претензий, на детской площадке они редко вступают во взаимодействие (хотя дети играют вперемешку), причем причины такой взаимной отстраненности они трактуют буквально зеркально: русские утверждают, что мигранты «больше со своими любят общаться», а мигранты — что «русские мамы с ними не общаются». Наконец, особенное отношение вызывают женщины в хиджабах: на детских площадках хорошо видно, как покрытые женщины сидят своими группками, а остальные мамы, в т.ч. другие мигрантки, держатся от них несколько в стороне. При этом одна такая покрытая мигрантка рассказывала, что русские женщины их не любят,

Как складываются отношения между мигрантами и местными? Согласно нашим данным, местные не считают высокую концентрацию мигрантов главной проблемой города и района. Большинство из них озабочены, в первую очередь, низким качеством инфраструктуры и социальных учреждений — плохой транспортной доступностью, загрязнением экологии, нехваткой парковок и мест в поликлиниках. С другой стороны, эти проблемы они чаще всего связывают и с непродуманной политикой города, и с мигрантами: так, по мнению информантов, мест в школах и поликлиниках не хватает как из-за опережающего строительства жилья, так и из-за массового притока мигрантов, которые живут большими семьями или «квартирами-общежитиями», что создает повышенную демографическую нагрузку. То же самое касается транспортной доступности: с одной стороны, информанты винят в пробках плохие развязки, а с другой — близость «Садового» и, соответственно, мигрантов. При этом нельзя сказать, когда информанты действительно хотят выделить причинно-следственную связь между явлениями, а когда — завуалировать таким образом свою неприязнь по отношению к мигрантам.

Одновременно с этим, местные, которые остаются, предпочитают не отдавать своих детей в школы города. Как было сказано ранее, в Котельниках всего 3 школы на 40-тысячное население, из-за чего большинство классов переполнены,

постоянно фотографируют — «а это обидно». В целом детские площадки не становятся местом выстраивания «мостов» между взрослыми мигрантами и местными, но нередко выступают пространством конфликта.

Примечательно, что в своем отношении к району представители старой миграции — армяне — скорее солидарны с русскими. Они, так же, как и коренные жители, жалуются на плохую инфраструктуру и шумных приезжих из Центральной Азии, нехватку парковок, часто отдают своих детей в другие школы, потому что в школах слишком много приезжих. Любопытно также, что именно армян другие жители часто не воспринимают как мигрантов и принимают скорее за своих. «Здесь живет много мигрантов и армян», — довольно распространенное описание своего дома или подъезда местными жителями.

Снимающие же мигранты, как правило, довольны своим районом и редко задумываются о проблемах экологии, плохой транспортной доступности или о качестве образования в городе. К широкому этническому разнообразию города и своего района они скорее относятся равнодушно: «я утром прихожу, вечером ухожу, никого не вижу, даже не знаю, кто здесь еще живет». В связи с этим тесных связей с другими жителями Котельников они не образуют, а круг их общения в городе состоит из тех, с кем они знакомы по стране происхождения, а также из коллег по работе и соседей по квартире, при том, что эти два множества часто накладываются. Немного иная ситуация — у мигранток-домохозяек, которые много времени проводят в районе и формируют что-то вроде «кружков по интересам» с соотечественницами, с которыми они знакомятся в Котельниках: вместе гуляют с детьми или ходят за продуктами, иногда присматривают за детьми друг друга. В связи с этим у них, в отличие от их мужей, появляется привязанность к месту: «я не хочу отсюда уезжать, у меня тут подружки». В целом, однако, говорить о «замкнутых сообществах мигрантов», о которых пишут в СМИ, на данный момент не приходится.

Заключение

Город Котельники состоит из старых советских микрорайонов и кварталов и новой застройки. Старые микрорайоны были построены в СССР для работников местных заводов и совхоза, здесь до сих пор живут преимущественно вышедшие на пенсию работники этих предприятий и их дети/внуки. После распада СССР промышленное производство почти свернулось, зато с середины нулевых начался строительный бум и резкий рост торгового сектора. В городе один за другим вырастают новые многоквартирные кварталы, а параллельно с этим открываются крупные точки оптово-розничной торговли: «Мега», «Касторама», «Реал». В 2009 году на рынок «Садовод», расположенный неподалеку, переезжают предприниматели с закрытого Черкизовского рынка, и в последующие годы «Садовод» неуклонно растет и становится одним из крупнейших рынков оптово-розничной торговли в Москве и России.

Параллельное расширение торгового сектора и массовое строительство дешевого жилья определило структуру населения в новостройках. Сегодня две самые распространенные в новых кварталах категории жителей — это собственники, преимущественно русские и армяне, которые покупали здесь жилье из-за низких цен, и снимающие мигранты, которые стали массово приезжать в город в 2010-е годы благодаря большому количеству мест в нише низкоквалифицированного труда — в многочисленных гипермаркетах, на «Садоводе» и на стройках. Наиболее высокая резидентная концентрация мигрантов сложилась во 2-м Покровском проезде — по оценкам информантов, здесь доля мигрантов в отдельных домах и подъездах может достигать 70%.

Таким образом, на сегодняшний день в новостройках Котельников сложились зоны резидентной концентрации мигрантов с налаженной мигрантской инфраструктурой («квартиры-общешития», «этнический» бизнес, риелторы, специализирующиеся на работе с мигрантами), которая способствует притоку новых волн приезжих. Хотя в этих кварталах можно наблюдать постепенное снижение доли русских жителей и увеличение доли мигрантов, основным фактором выступает не неприятие мигрантов как таковое (white flight), а неудовлетворительное состояние инфраструктуры, экологии, нехватка мест в школах и детских садах, что, в свою очередь, жители связывают как с неграмотной политикой властей, так и с масштабным притоком мигрантов.

Ранее мы дали определение этномиграционному анклаву и назвали его местом резидентной концентрации мигрантов. Однако по мере завершения исследования становилось понят-

но, что это определение скорее носит рамочный характер и оставляет вопросы. Например, всякое ли место резидентной концентрации является анклавом и насколько большим оно должно быть, считать ли долю населения в единицах жилья или индивидах, а также какая именно концентрация достаточна для того, чтобы место было анклавом. Таким образом, термин «анклав» применительно к российским случаям требует доработки, которая будет предпринята в дальнейших публикациях нашей группы.

Что же касается продолжения эмпирического проекта, представляется целесообразным сравнить случай Котельников с другими городами и районами, где в последнее время также возникли крупные оптовые рынки, однако другие вводные — состояние инфраструктуры, транспортная доступность, экология, оснащенность социальными учреждениями, структура рынка жилья — отличаются. Это позволило бы выявить, как все эти факторы влияют на привлекательность того или иного города/района для мигрантов в отдельности. Так, хорошим примером могла бы послужить Коммунарка, где также поблизости находится крупный оптовый центр «Фудсити», также есть метро и массово строятся новые дома, однако уровень цен выше, чем на юго-востоке, и само направление считается более престижным. Реализация таких исследовательских ходов планируется в ближайшем будущем.

Источники

- Адамович О. (2017) Какие районы Москвы могут превратиться в гетто // Комсомольская правда. 28 ноября. Режим доступа: <https://www.msk.kp.ru/daily/26763/3794170/> (дата обращения: 21.10.2019).
- Бедрина Е. (2019) Особенности расселения трудовых мигрантов из зарубежных стран в российских мегаполисах // Экономика региона. Т. 15. № 2. С. 451–464. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-rasseleniya-trudovyh-migrantov-iz-zarubezhnyh-stran-v-rossiyskih-megapolisah> (дата обращения: 21.10.2019).
- Ближе к народу. Почему районы Москвы рискуют превратиться в гетто для бедняков (2019) // Lenta.ru. 7 ноября. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2019/07/11/upadok/> (дата обращения: 21.10.2019).
- Варшавер Е., Рочева А. (2014) Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов в Москве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Т. 3. № 121. С. 104–114.
- Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н. (2016) Социальная карта района как инструмент городских исследований // Городские исследования и практики. Т. 1. № 3. С. 31–53.
- Вендина О. (2004) Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. Т. 71. № 3. С. 52–64.
- Вендина О. (2005) Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? М.: Институт географии РАН.
- Город Котельники // Gorodarus.ru. Режим доступа: <https://gorodarus.ru/kotelniki.html> (дата обращения: 21.10.2019).
- Город Котельники Московской области. А на месте «Белой Дачи» были фермы и бараки... // Официальный сайт городского округа Котельники Московской области. Режим доступа: <https://www.kotelniki.ru/node/22328> (дата обращения: 21.10.2019).
- Генеральный план городского округа Котельники Московской области (2017). Официальный сайт городского округа Котельники Московской области. Режим доступа: https://kotelniki.ru/sites/default/files/tom_1_materialy_po_obosnovaniyu_go_kotelniki.pdf (дата обращения: 21.10.2019).
- Жители микрорайона Опытное Поле Котельников обратились к главе города с просьбой переселения в новые дома // Котельники сегодня. Режим доступа: <http://inkotelniki.ru/novosti/kotelniki/zhiteli-mikrorayona-opytное-pole-kotelnikov-obratilis-k-glave-goroda-s-prosboy-pereseleniya-v-novye-doma> (дата обращения: 21.10.2019).
- Жилой фонд в Котельниках // Дом.Минжкх. Режим доступа: <http://dom.mingkh.ru/moskovskaya-oblast/kotelniki/> (дата обращения: 21.10.2019).
- Заблудовская М. (2014) Гетто в Москве: этнические, рабочие, «золотые» и интеллигентские // Недвижимость. РИА Новости. Режим доступа: <https://realty.ria.ru/20140120/402346197.html> (дата обращения: 21.10.2019).
- Итоги работы администрации городского округа Котельники в 2006 году // Официальный сайт городского округа Котельники Московской области. Режим доступа: <http://kotelniki.ru/UserFiles/file/Itogi%20Administration/itogi2006.doc> (дата обращения: 21.10.2019).
- Итоги работы администрации городского округа Котельники в 2007 году // Официальный сайт городского округа Котельники Московской области. Режим доступа: <http://kotelniki.ru/UserFiles/file/Itogi%20Administration/itogi2007.doc> (дата обращения: 21.10.2019).

- Народная энциклопедия «Мой город». Котельники//Мой город. Режим доступа: http://www.mojgorod.ru/moskovsk_obl/kotelniki/index.html (дата обращения: 21.10.2019).
- О магазине//Rmnt.ru. Режим доступа: https://www.rmnt.ru/shops/details/rynok_sadovod/ (дата обращения: 21.10.2019).
- Отчет главы городского округа Котельники Московской области о работе органов местного самоуправления за 2014 год и задачах на 2015 год (2014)//Официальный сайт городского округа Котельники Московской области. Режим доступа: https://www.kotelniki.ru/sites/all/themes/kotelniki/documents/othet_2014.pdf (дата обращения: 21.10.2019).
- Перепись населения 2010. Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений//Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-11.xlsx (дата обращения: 21.10.2019).
- Пешкова В. (2015) Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве)//Мир России. Социология. Этнология. Т. 24. № 2. С. 129–151. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/infrastruktura-trudovyh-migrantov-v-gorodah-sovremennoy-rossii-na-primere-migrantov-iz-uzbekistana-i-kirgizii-v-moskve> (дата обращения: 21.10.2019).
- Полухина Ю. (2009) Черкизон и Путин//Новая газета. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2009/09/02/41500-cherkizon-i-putin> (дата обращения: 21.10.2019).
- Рынок Садовод в Москве: адрес, ближайшее метро, цены, фото, отзывы//Рынки Москвы. Режим доступа: <https://rinok-moscow.ru/rynok-sadovod-v-moskve-adres-blizhayshee-metro-tsenyi-foto-otzyivyi/> (дата обращения: 21.10.2019).
- Строящиеся жилые комплексы (ЖК) рядом с метро Котельники//ЦИАН. Режим доступа: https://www.cian.ru/map/?with_newobject=1&deal_type=sale&engine_version=2&metro%5B0%5D=282&offer_type=newobject&status%5B0%5D=5002&zoom=14¢er=55.67857849403662,37.882592543049945&newbuildings_search=true (дата обращения: 21.10.2019).
- Туманов Г., Снежкина А. (2009) «Немного страшно, что поколотят»//Газета.ру. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2009/07/13/3222074.shtml> (дата обращения: 21.10.2019).
- Чесноков А. (2013) Юго-восток Москвы превращается в Гарлем//Radiovesti.ru. Режим доступа: <https://radiovesti.ru/brand/61178/episode/1410116/> (дата обращения: 21.10.2019).
- Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2019 года//Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2019/bul_dr/mun_obr2019.rar (дата обращения: 21.10.2019).
- Chiswick B., Miller P. (2002) Do Enclaves Matter in Immigrant Adjustment?: IZA Discussion Papers, Institute of Labor Economics (IZA). No. 449.
- Demintseva E. (2017) Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement//Journal of Ethnic and Migration Studies. Vol. 43. No. 15. P. 2556–2572.
- Logan J., Zhang W., Alba R. (2002) Immigrant Enclaves and Ethnic Communities in New York and Los Angeles//American Sociological Review. Vol. 67. No. 2. P. 299–322.
- Massey D.S. (1985) Ethnic Residential Segregation: A Theoretical Synthesis and Empirical Review//Sociology and Social Research. Vol. 69. No. 3. P. 315–350.
- Portes A., Manning R. (2001) The Immigrant Enclave: Theory and Empirical Examples//Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective. Boulder: Westview Press. P. 509–520.
- Singer A., Hardwick S.W., Brettell C.B. (2008) Twenty-first Century Gateways: Immigrant Incorporation in Suburban America. Washington, D.C.: Brookings Institution Press.
- Van Kempen R., şule Özüekren A. (1998) Ethnic Segregation in Cities: New Forms and Explanations in a Dynamic World//Urban Studies. Vol. 35. No. 10. P. 1631–1656.
- Varshaver E., Rocheva A. (2018) Localized Migrant Communities in the Absence of Ethnic Neighbourhoods: A Glimpse into Moscow's Ethnic Cafés//Urbanities – Journal of Urban Ethnography. Vol. 8. No. 2. P. 42–58.
- Wilson K., Martin W. (1982) Ethnic Enclaves: A Comparison of the Cuban and Black Economies in Miami//American Journal of Sociology. Vol. 88. No. 1. P. 135–160.

ALBINA ANDREEVA, NATALIA IVANOVA,
EVGENI VARSHAVER

DOES KOTELNIKI QUALIFY AS AN ETHNIC AND MIGRANT ENCLAVE?

A CASE-STUDY OF RESIDENTS' ETHNIC AND MIGRATION ORIGINS
IN KOTELNIKI, A MOSCOW SATELLITE CITY¹

Albina S. Andreeva, MA in International Relations, Researcher of the Group for Ethnicity and Migration Research; office 2105, 84 bldg. 3 Prospect Vernadskogo, 119571, Moscow, Russian Federation.

E-mail: formulagerona@yandex.ru

Natalia S. Ivanova, MA in Sociology, Researcher of the Group for Ethnicity and Migration Research, Research Fellow of the Center for Regional Research and Urban Studies at RANEPa; office 2105, 84 bldg. 3 Prospect Vernadskogo, 119571, Moscow, Russian Federation.

E-mail: nataliya.ivanova.0709@gmail.com

Evgeni A. Varshaver, PhD in Sociology, Head of the Group for Ethnicity and Migration Research, Senior Research Fellow of the Center for Regional Research and Urban Studies at RANEPa; office 2105, 84 bldg. 3 Prospect Vernadskogo, 119571, Moscow, Russian Federation.

E-mail: varshavere@gmail.com

Abstract

This article gives an account of residential patterns in the Moscow satellite city of Kotelniki, with a particular focus on the residential concentration of migrants and possible ethnic enclavization. The article draws on sociological research conducted using in-depth and expert interviews, observations, and document analysis. It examines the history of Kotelniki's urban development, the migration waves which formed its current population, the residential preferences and patterns of "migrants" and "locals", and the factors of the residential concentration of migrants including its proximity to Sadovod market and low-priced housing in newly built apartment blocks. In conclusion authors assert the need to better conceptualize the term "enclave" in empirical studies and identify areas for further research regarding places with a concentration of migrant residents and, more broadly, migrant residential patterns in Moscow and Russia.

Keywords: urban anthropology; area and neighborhood studies; ethnic and migrant enclave; migrant' residential concentration

Citation: Andreeva A., Ivanova N., Varshaver A. (2020) Does Kotelniki Qualify as an Ethnic and Migrant Enclave? A Case-Study of Residents' Ethnic and Migration Origins in Kotelniki, a Moscow Satellite City. *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 4, pp. 54–72. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp54202054-72>

References

- Adamovich O. (2017) Kakie rayony Moskvy mogut prevratitsya v getto [Which Moscow areas might transform into ghettos]. *Komsomolskaya Pravda*. Available at: <https://www.msk.kp.ru/daily/26763/3794170/> (accessed 21 October 2019).
- Bedrina E. (2019) Osobennosti rasseleniya trudovykh migrantov iz zarubezhnykh stran v rossiyskikh megapolisah [Residential patterns of migrant workers in Russian cities]. *Ekonomika regiona* [Region's economy], vol. 15, no 2, pp. 451–464. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-rasseleniya-trudovykh-migrantov-iz-zarubezhnykh-stran-v-rossiyskikh-megapolisah> (accessed 21 October 2019).

¹ The article is based on the research work "Analysis of migrants' settlement characteristics and their impact on integration: country features", RANEPa, 2019.

- Blizhe k narodu. Pochemy rayony Moskvy riskuyut prevratitsya v ghetto dlya bednyakov (2019) [Closer to the people. Why some Moscow areas might turn into ghettos for the poor]. *Lenta.ru*. Available at: <https://lenta.ru/articles/2019/07/11/upadok/> (accessed 21 October 2019).
- Chesnokov A. (2013) Yugo-vostok Moskvy prevraschaetsya v Harlem [Moscow's South-East is turning into Harlem]. *Radiovesti.ru*. Available at: <https://radiovesti.ru/brand/61178/episode/1410116/> (accessed 21 October 2019).
- Chislennost naseleniya Rossiyskoi Federatsii po municipalnym obrazovaniyam na 1 yanvarya 2019 goda [The Russian Federation population by municipal districts as of 1st January, 2019]. *Federalnaya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal state statistics service]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2019/bul_dr/mun_obr2019.rar (accessed 21 October 2019).
- Chiswick B., Miller P. (2002) Do Enclaves Matter in Immigrant Adjustment? *IZA Discussion Papers, Institute of Labor Economics (IZA)*, no 449.
- Demintseva E. (2017) Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement. *Journal of Ethnic and Migration studies*, vol. 43, no 15, pp. 2556–2572.
- Generalny plan gorodskogo okruga Kotelniki Moskovskoi oblasti (2017). [General layout of Kotelniki urban district, Moscow region]. *Ofitsialny site gorodskogo okruga Kotelniki Moskovskoi oblasti* [Official site of Kotelniki urban district, Moscow region]. Available at: https://kotelniki.ru/sites/default/files/tom_1_materialy_po_obosnovaniyu_go_kotelniki.pdf (accessed 21 October 2019).
- Gorod Kotelniki [The Town of Kotelniki]. *Gorodarus.ru*. Available at: <https://gorodarus.ru/kotelniki.html> (accessed 21 October 2019).
- Gorod Kotelniki Moskovskoi oblasti. A na meste "Beloi dachi" byli fermi y baraki [The town of Kotelniki, Moscow region. There used to be farms and barracks on the site of "Belaya dacha"]. *Ofitsialny site gorodskogo okruga Kotelniki Moskovskoi oblasti* [Official site of Kotelniki urban district, Moscow region]. Available at: <https://www.kotelniki.ru/node/22328> (accessed 21 October 2019).
- Itogi raboty administratsii gorodskogo okruga Kotelniki v 2006 godu [Results of Kotelniki urban district administration work in year 2006]. *Ofitsialny site gorodskogo okruga Kotelniki Moskovskoi oblasti* [Official site of Kotelniki urban district, Moscow region]. Available at: <http://kotelniki.ru/UserFiles/file/Itogi%20Administration/itogi2006.doc> (accessed 21 October 2019).
- Itogi raboty administratsii gorodskogo okruga Kotelniki v 2007 godu [Results of Kotelniki urban district administration work in year 2007]. *Ofitsialny site gorodskogo okruga Kotelniki Moskovskoi oblasti* [Official site of Kotelniki urban district, Moscow region]. Available at: <http://kotelniki.ru/UserFiles/file/Itogi%20Administration/itogi2007.doc> (accessed 21 October 2019).
- Logan J., Zhang W., Alba R. (2002) Immigrant Enclaves and Ethnic Communities in New York and Los Angeles. *American Sociological Review*, vol. 67, no 2, pp. 299–322.
- Massey D.S. (1985) Ethnic Residential Segregation: A Theoretical Synthesis and Empirical Review. *Sociology and Social Research*, vol. 69, no 3, pp. 315–350.
- Narodnaya entsiklopediya "Moi gorod". Kotelniki [People's encyclopedia "My town". Kotelniki]. Available at: http://www.mojgorod.ru/moskovsk_obl/kotelniki/index.html (accessed 21 October 2019).
- O magazine [About the shop]. *Rmnt.ru*. Available at: https://www.rmnt.ru/shops/details/rynok_sadovod/ (accessed 21.10.2019).
- Otchet glavy gorodskogo okruga Kotelniki Moskovskoi oblasti o rabote organov mestnogo samoupravleniya za 2014 god y zadachah na 2015 god (2014) [Report of Kotelniki urban district Head, Moscow region, on the work of local authorities in 2014 and policy goals for 2015]. *Ofitsialny site gorodskogo okruga Kotelniki Moskovskoi oblasti* [Official site of Kotelniki urban district, Moscow region]. Available at: https://www.kotelniki.ru/sites/all/themes/kotelniki/documents/othet_2014.pdf (accessed 21 October 2019).
- Perepis naseleniya 2010. Chislennost naseleniya Rossii, federalnykh okrugov, subjektov Rossiyskoi federatsii, gorodskikh okrugov, munitsipalnykh rayonov, gorodskikh y selskikh poseleniy [Census 2010. Russia's population overall, in federal districts, federal subjects, city districts, municipal areas, urban and rural settlements]. *Federalnaya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal state statistics service]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-11.xlsx (accessed 21 October 2019).
- Peshkova V. (2015) Infrastruktura trudovykh migrantov v gorodah sovremennoy Rossii na primere migrantov iz Uzbekistana i Kirgizii v Moskve [The infrastructure of migrant workers in modern Russian cities: the case of migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [The world of Russia. Sociology. Ethnology], vol. 24, no 2, pp. 129–151. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/infrastruktura-trudovyh-migrantov-v-gorodah-sovremennoy-rossii-na-primere-migrantov-iz-uzbekistana-i-kirgizii-v-moskve> (accessed 21 October 2019).

- Polukhina Y. (2009) Cherkizon y Putin [Cherkizovsky market and Putin]. *Novaya Gazeta*. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2009/09/02/41500-cherkizon-i-putin> (accessed 21 October 2019).
- Portes A., Manning R. (2001) The Immigrant Enclave: Theory and Empirical Examples. *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. Boulder: Westview Press, pp. 509–520.
- Rynok Sadovod v Moskve: adres, blizhaishee metro, tseny, photo, otzyvy [Sadovod market in Moscow: address, closest metro station, prices, photos, reviews]. *Rynki v Moskve* [Moscow markets]. Available at: <https://rinokmoscow.ru/rynok-sadovod-v-moskve-adres-blizhayshee-metro-tsenyi-foto-otzyvyi/> (accessed 21 October 2019).
- Stroyaschiesya zhilye komplekсы (ZHK) ryadom s metro Kotelniki [Residential blocks in construction near Kotelniki metro station]. *CIAN*. Available at: https://www.cian.ru/map/?with_newobject=1&deal_type=sale&engine_version=2&metro%5B0%5D=282&offer_type=newobject&status%5B0%5D=5002&zoom=14¢er=55.67857849403662,37.882592543049945&newbuildings_search=true (accessed 21 October 2019).
- Singer A., Hardwick S.W., Brettell C.B. (2008) *Twenty-first Century Gateways: Immigrant Incorporation in Suburban America*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press.
- Tumanov G., Snezhkina A. (2009) “Nemnogo strashno, chto pokolotyat” [“We are a bit scared to get beaten up”]. *Gazeta.ru*. Available at: <https://www.gazeta.ru/social/2009/07/13/3222074.shtml> (accessed 21 October 2019).
- Van Kempen R., şule Özüekren A. (1998). Ethnic Segregation in Cities: New Forms and Explanations in a Dynamic World. *Urban Studies*, vol. 35, no 10, pp. 1631–1656.
- Varshaver E., Rocheva A. (2014) Soobshchestva v kafe kak sreda integratsii inoetnichnykh migrantov v Moskve [Café Communities as an Environment for The Ethnic Integration of Migrants in Moscow]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie y sotcialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], vol. 3, no 121, pp. 104–114.
- Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N. (2016) Sotcialnaya karta rayona kak instrument gorodskix issledovaniy [Neighbourhood social map as an Urban Research Tool]. *Gorodskie issledovaniya y praktiki* [Urban Studies and Practices], vol. 1, no 3, pp. 31–53.
- Varshaver E., Rocheva A. (2018) Localized Migrant Communities in the Absence of Ethnic Neighbourhoods: A Glimpse into Moscow’s Ethnic Cafés. *Urbanities – Journal of Urban Ethnography*, vol. 8, no 2, pp. 42–58.
- Vendina O. (2004) Mogut li v Moskve vozniknut etnicheskie kvartaly? [Is the emergence of ethnic neighbourhoods possible in Moscow?] *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Discussii* [The Courier of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions], vol. 71, no 3, pp. 52–64.
- Vendina O. (2005) Migranty v Moskve: grozit li rossijskoj stolice etnicheskaya segregatsiya? [Migrants in Moscow: should the Russian capital fear ethnic segregation?] M.: Institut geografii RAN [Moscow: Institute of Geography. Russian Academy of Sciences].
- Wilson K., Martin W. (1982) Ethnic Enclaves: A Comparison of the Cuban and Black Economies in Miami. *American Journal of Sociology*, vol. 88, no 1, pp. 135–160.
- Zabludovskaya M. (2014) Ghetto v Moskve: etnicheskie, rabochie, “zoloty” y intelligentskie [Ghettos in Moscow: ethnic, working class’ ones, “golden” and intellectual]. *Nedvizhimost’ RIA Novosti* [Real Estate RIA Novosti]. Available at: <https://realty.ria.ru/20140120/402346197.html> (accessed 21 October 2019).
- Zhiteli mikrorayona Opytnoe Pole Kotelnikov obratilis k glave goroda s prosboi pereseleniya v novye doma [Residents of Opytnoe pole district asked the mayor to relocate them to new apartment blocks]. *Kotelniki Segodnya* [Kotelniki Today]. Available at: <http://inkotelniki.ru/novosti/kotelniki/zhiteli-mikrorayona-opytnoe-pole-kotelnikov-obratilis-k-glave-goroda-s-prosboy-pereseleniya-v-novye-doma> (accessed 21 October 2019).
- Zhiloi fond v Kotelnikah [Residential properties in Kotelniki]. *Dom.Mingkh*. Available at: <http://dom.mingkh.ru/moskovskaya-oblast/kotelniki/> (accessed 21 October 2019).

ЕЛЕНА ПОТАПЧУК

ИЗМЕНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ДАЧИ В ПРИГОРОДНО-ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ХАБАРОВСКИХ СМИ 2010–2020 гг.)

Потапчук Елена Юрьевна, кандидат культурологии, доцент, Тихоокеанский государственный университет; Российская Федерация, 680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136.

E-mail: epotapchuk@mail.ru

Статья посвящена трансформациям режимов использования дачи и ее функций на материале города Хабаровска. Дается краткий обзор истории дач в России и более детальный – в Хабаровске. Почти все дачи здесь расположены рядом с городом из-за неосвоенности и неудобства удаленных территорий. Популярность дач в Хабаровске исторически обусловлена сельскими корнями многих горожан и советским и постсоветским дефицитом продуктов питания, однако теперь они скорее убыточны. Большие дачные массивы расположены на островах Амура, поэтому в значительной степени речь идет о них. Их использование сопряжено с труднодоступностью, затратной дорогой, постоянным риском подтопления и в целом дорогим содержанием. Однако автор отмечает практически нерациональную, непрагматичную приверженность этим дачам. Сегодня в Хабаровске резонансом содержания дачи является не столько экономическая выгода (плодовоощные культуры для себя или на продажу), сколько отдых, общение с семьей и друзьями, сохранение семейной традиции. Автор также отмечает процессы субурбанизации, характерные для страны в целом, в частности отток населения в пригороды на постоянное место жительства.

Ключевые слова: пригород; дача; субурбанизация; рекреация; сад; огород; дачный поселок

Цитирование: Потапчук Е.Ю. (2020) Изменение значения дачи в пригородно-городском пространстве (по материалам хабаровских СМИ 2010–2020 гг.)//Городские исследования и практики. Т. 5. № 4. С. 73–86. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp54202073-86>

В 2020 году из-за пандемии COVID-19 основными видами летнего отдыха россиян стали внутренний туризм и дачный отдых. В аналитическом обзоре ВЦИОМ указывается, что «летом 2020 года более трети россиян отдыхали дома (37%), еще четверть — на даче или садовом участке (27%)», при этом большинство отдохнувших летом (71%) остались довольны своим отдыхом¹. По данным опроса «Спутник-ВЦИОМ», в мае 2020 года 31% опрошенных собирались провести летний отдых на даче (садовом участке), а в сентябре того же года 27% ответили, что провели его именно так [Родин, 2020]. Пандемия не изменила эти показатели: в 2018 году на даче отдыхало 26%, в 2019 — 27% жителей России [Там же]. Совсем неслучайно дачный отдых предпочитают около

45% россиян, причем не только старшего, но и среднего возраста: 35–44 года — 45%, 45–59 лет — 43%, от 60 лет — 53%². Ожидается, что в условиях весенней самоизоляции, вызванной пандемией COVID-19, самым популярным способом досуга у россиян стало домашнее хозяйство/дети и дача (63%), причем более чем у половины опрошенных способы проведения досугового времени в условиях самоизоляции особо не изменились [Родин, 2020], а 4% респондентов стали уделять даче/огороду/подсобному хозяйству больше внимания³.

Дача, таким образом, была и остается одним из популярных вариантов отдыха и времяпрепровождения россиян вне работы. Но остается ли неизменным ее значение

¹ Итоги туристического лета – 2020, 29.09.2020//Сайт ВЦИОМ: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10567>.

² Там же.

³ Досуг на фоне самоизоляции, 15.06.2020//Сайт ВЦИОМ. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10327>.

в жизни российского горожанина? Эволюционирует ли она в круглогодичное загородное жилье, превращая сезонный субурбанизм [Махрова, 2015] в постоянный? Или, напротив, дача остается атрибутом жизни горожанина, не желающего расставаться с городом? Как изменяется экономическая функция дачи и сохраняется ли такая функция вообще?

В этой статье мы попытаемся рассмотреть, как меняется значение дачи в жизни горожанина на материале города Хабаровска. Анализ основан на материалах региональных медиа 2010–2020 годов, целевой аудиторией которых являются дачники, а также не включенного наблюдения.

Дачи в России

Согласно результатам опроса ВЦИОМ, в 2005 году примерно у половины российских городских семей имелся загородный участок, а 24% горожан имели еще и дачный домик, пригодный для жилья¹. Сады или огороды имеют 17 млн российских семей, то есть половина всех горожан [Трейвиш, 2015, с. 27]. Ситуация на Дальнем Востоке в целом соответствует общероссийской: в 2014 году 48% жителей ДВФО имели дачу. Например, по информации пресс-службы губернатора и правительства Хабаровского края, в 2020 году более 300 000 жителей края трудятся на своих дачах², а в Хабаровске по состоянию на 1 января 2019 года 91 садовое некоммерческое товарищество объединяло более 15 000 садовых и огородных земельных участков³.

Зачастую дача рассматривается как второе жилье и сравнивается с подобными феноменами за рубежом — виллами, фермами, фазендами, поместьями и т. д. В результате

обнаруживается, что дача — «явление всемирно-историческое» [Трейвиш, 2015]. Но российские дачи имеют значение не только как второе жилье: в разные периоды своей истории они приобретали особые дополнительные смыслы. В XVIII веке они отражали благоволение власти, в XIX веке — принадлежность к среднему классу, в советский период стали показателем «новой элитарности» [Трейвиш, 2015], но почти всегда способствовали удалению от официальной (городской) жизни, а значит, символизировали некоторую независимость и свободу.

Такому подходу к пониманию дачи отчасти способствует история ее возникновения. Слово «дача» отсылает к служилым людям: в эпоху Петра I за заслуги дворянам и боярам раздавались дачи — усадьбы под Петербургом [Нефедова, 2014, с. 31]. В XIX веке дачниками становятся горожане среднего класса, выбирающиеся на летнее житье, например, под Петербург и Москву [Там же]. С конца XIX века дачи из аристократического явления превращаются в массовое [Малинова-Тзиафета, 2013, с. 65; Нефедова, Махрова, 2015, с. 193].

После Октябрьской революции 1917 года и Гражданской войны в России к дачам как к социальному и культурному пережитку прошлого сначала сложилось неприязненное отношение [Ловелл, 2008, с. 158], но с 1920-х годов они стали «народным курортом», а затем — привилегией советской номенклатуры. Бесплатные дачи доставались партийным функционерам, высшим военным чинам, управленцам высокого уровня, ученым, творческой интеллигенции и т. д. Кроме таких элитарных дач в 1930-е годы в Советском Союзе появились более примитивные «коллективные сады», предназначенные для решения продовольственных проблем горожан. Их возникновение связано, с одной стороны, с тем, что «население России как страны быстрой и недавней урбанизации сохранило крестьянские корни» [Нефедова, 2014, с. 31], а с другой — с вечным дефицитом продуктов и денег. В 1949 году Совет министров СССР принял постановление «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих», которое способствовало развитию дачного движения, поскольку в соответствии с ним предприятиям и учреждениям предписывалось выделять свободные земли под огородные и садовые участки, местным властям — оказывать помощь рабочим и служащим в повышении урожайности картофеля и овощей, Минсель-

1 Дача в России: место отдыха или средство выживания? 16.09.2005 // Сайт ВЦИОМ: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3186>.

2 В Хабаровском крае наградят лучших садоводов и огородников // Официальный сайт Правительства Хабаровского края: <https://www.khabkrai.ru/events/news/181232>.

3 Постановление Администрации г. Хабаровска Хабаровского края 1260 от 22.04.2019 г. «Об утверждении муниципальной программы городского округа „Город Хабаровск“ „Стимулирование повышения эффективности деятельности садоводческих и огороднических некоммерческих товариществ на территории городского округа „Город Хабаровск“ на 2021–2025 годы“» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: <https://docs.cntd.ru/document/465360467?section=text>.

хозу — организовать продажу семян, а Минторговли — удобрений [Нефедова, Махрова, 2015, с. 195].

Хрущевскую «оттепель» принято считать началом «садово-огороднической эры» в СССР. Стало чуть легче приобрести или получить шесть соток земли и возвести постройку площадью не более 6 м² [Горлов, 2019, с. 108], но размер наделов и построек жестко регламентировался — это должно было препятствовать распространению частнособственнических настроений у населения; позже было разрешено создавать садоводческие товарищества. В брежневский период площадь домика могла достигать 25 м² [Горлов, 2019, с. 108], в конце 1980-х годов было разрешено увеличить площадь дачных домов до 50 м² с пристройкой террас любых размеров. Из-за обострения продовольственных проблем (особенно из-за недоступности свежих овощей, фруктов и ягод) на 1970–1980-е годы пришелся пик дачного бума, так как в этот период дача стала средством борьбы с продуктовым дефицитом. Из-за нехватки земельных участков советские горожане всеми правдами и неправдами стремились заполучить их вместе с домами в сельской местности, чему способствовала ее депопуляция [Нефедова, 2014, с. 31].

В постсоветский период дачное строительство получило невиданный размах, поскольку дачи стали символом успеха «новых русских». Остальным россиянам в 1990-х и 2000-х годах дачи помогали выживать в условиях инфляции, безработицы и низких доходов, однако относительная экономическая стабильность последующих десятилетий изменила значение дачи в жизни современного горожанина. Она становится прежде всего местом отдыха, рекреации, восстановления душевного равновесия.

Андрей Трейвиш отмечает, что дачник — это не только «городской владелец и/или пользователь загородной, временно (например, сезонно) посещаемой недвижимости (дома, участка), используемой не только как жилье и не только (не столько) для извлечения дохода... Дачник — еще и носитель неких взглядов, ценностей, установок, особой философии» [Трейвиш, 2015]. Выявление смысла дачи в жизни горожанина нынешнего десятилетия, появление новых значений «дачного житья» и стало целью данного исследования. Оно опиралось на интервью хабаровчан-дачников преимущественно среднего и старшего возраста 2010–2011 и 2018–2020 годов,

а также на материалы городской прессы (газеты «Тихоокеанская звезда», «Хабаровские вести») 2010–2020 годов. Отбор респондентов осуществлялся по методике «типичных случаев». Основанием для отбора был анализ данных о собственниках дачных (и садовых) участков, содержащихся в открытых источниках, и личный («дачный») опыт автора. Нас интересовало не частотное распределение тех или иных практик и мнений, но сам факт их наличия, их содержание. В силу этого при анализе использовались дискурсивные аналитические техники, приемы качественного анализа информации. Это позволяло сопоставлять данные, полученные в ходе неформальных, глубинных интервью и информацию из печатных источников (газетных материалов). При анализе газетных материалов отбирались все статьи, содержащие в названии концепты семантического поля «дача», «дачный кооператив», «садово-огородное товарищество» и т. д.

Татьяна Нефедова выделяет три вида дач в зависимости от удаленности. Ближние дачи — пригородные, «для большинства регионов это территории в пределах ближайших к крупным городам административных районов или в пределах агломераций» [Нефедова, 2014, с. 36–37], среднеудаленные — обычно в радиусе до 250–300 км, дальние — дачи, на которые невозможно ездить в режиме двух выходных дней [Нефедова, 2014, с. 36–37]. Специфика дальневосточного региона состоит в отсутствии дальних дач: отрыв от города на дальние расстояния не соответствует вкусам и характеру дальневосточного населения, поскольку в 300 км от города хабаровчан ждут безлюдные, некомфортабельные, дикие места и бездорожье вкупе с высокими транспортными расходами и прочими неудобствами. Поэтому в Хабаровске распространены так называемые ближние дачи. Время, необходимое, чтобы до них добраться, не превышает одного-двух часов езды. Довольно удаленные по местным меркам садоводческие массивы Хабаровского общества садоводов — Воронежское, Виноградовка, Мичуринское — располагаются в 14–19 км от Хабаровска, Бычиха — в 37 км, Калинка — в 30 км, Галкино — в 28 км, Хехцир — в 31 км и т. д.

Хабаровские дачи

В России наблюдается сильная централизация государственной власти с концентрацией финансовых, промышленных, интел-

лектуальных, человеческих и иных ресурсов в столице. «Сверхконцентрация сочетается с редкой сетью больших городов» [Махрова, Нефедова, Трейвиш, 2016, с. 77] — своеобразных «проводников» центральной власти в регионах. Для таких центров становится характерной «возвратная мобильность населения как с трудовыми, так и социально-рекреационными целями» [Там же, с. 77]. К числу подобных городов исторически принадлежит и Хабаровск, до недавнего времени являвшийся столицей Дальневосточного федерального округа. Однако в Хабаровске эти процессы имеют свои особенности, поскольку он является крупным образовательным и административным центром. Ритм хабаровской жизни — это ритм жизни чиновников различных ведомств разного уровня, поэтому вполне понятна тяга хабаровчан к дачному отдыху, позволяющему им на два выходных дня вырваться за пределы города и его регламента.

Основанный в 1858 году как военное поселение, Хабаровск и в XX веке развивался как город-форпост России на Дальнем Востоке. В советский период он был ориентирован на обеспечение государственных военных интересов в регионе. Из-за этого социальной сфере и социальной инфраструктуре города длительное время не уделялось должного внимания: нехватка жилья, низкий уровень его комфортности, отсутствие мест для досуга, спортзалов, парков, бассейнов и пр. были само собой разумеющимися, так как жизнь в Дальневосточном регионе воспринималась как временная. В советский период развития Хабаровска для его жителей стало характерным мировоззрение временщиков: люди приезжали на определенный срок службы или контракта, отработывали и возвращались на родину, где уже основательно обустроивались [Кулинич, 2010, с. 52–68]. Проблема жилья в городе решалась строительством бараков и домов частного сектора. Горожанами в 1920–1930-е годы в Хабаровске становились пришельцы из сельской местности (дальневосточники или переселенцы из европейской части России/СССР). Переселенцы из деревень, став горожанами в первом поколении, вынужденно жили в домах частного сектора с огородом, садом и постройками. Остатки подобных микрорайонов до сих пор есть в городе (например, в Кировском районе города). Эти «псевдогорожане» ментально оставались жителями деревни [Кулинич, 2010, с. 79–80]. Но в период массовой застройки Хабаров-

ска (хрущевской и брежневской), а также в современный период частный сектор стал сокращаться, люди переселялись в городское многоквартирное жилье, сохраняя при этом тягу к земле, поэтому дачи и стали любимым местом времяпрепровождения и отдыха хабаровчан, не утративших связь с сельским бытом и сельскими способами хозяйствования. Стивен Ловелл подчеркивает, что концепция дачи как второго загородного дома кроме России нигде «не уходит так глубоко своими корнями в культурную память и социальную практику» [Ловелл, 2008, с. 12]. Таким образом, дача в Хабаровске — это способ поддерживать сохранившиеся качества и привязанности негорожанина.

Как и на других российских территориях, садово-дачные массивы в Хабаровске «представляют собой устойчивые объединения, характеризующиеся территориальной близостью входящих в них коллективных садов, условными границами, общей инфраструктурой и часто единым органом управления» [Шенеткова, 2019, с. 12]. Появившиеся в советский период дачные, садовые и огородные участки использовались хабаровчанами прежде всего в целях преодоления продуктового дефицита. Из истории Хабаровска известно, что первые садоводческие товарищества в городе возникли в 1957 году [Дачное движение..., 2000, с. 49] именно в связи с продовольственными проблемами. Организатор одного из первых коллективных садов «Остон» (1956) Анастасия Двинова вспоминает, что сначала были важны именно дачные урожаи и плоды:

Картошка, редиска (с белым кончиком), зеленый лучок... Надо учесть, что сельхозпродукты были в то время редкостью и очень низкого качества — перезрелые огурцы, подгнившая картошка... Страна была занята индустриализацией. До колхозов не доходили руки...¹

В 1990-е годы — в периоды безденежья и безработицы, вездесущего бартера и временного восстановления натурального способа хозяйствования — дачи отменно выручали горожан, которые выращивали на них картофель, овощи, фрукты, ягоды, зелень для потребления в свежем виде и в виде заготовок, а также для реализации, чем обес-

¹ А начиналось все так..., 09.01.2013 // Газета «Тихоокеанская звезда»: https://toz.su/newspaper/prodolzhenie_temy/a_nachinalos_vse_tak/.

печивали себе некоторый приработок. Поэтому, например, в декабре 1996 года глава администрации Хабаровского края Виктор Ишаев постановил считать для муниципальных образований городов и районов края «приоритетной задачей оказание всемерной поддержки садоводам, огородникам и владельцам личных подсобных хозяйств» [*Дачное движение...*, 2000, с. 7]. Такое назначение российской даче досталось от дачи советской, которая в эпоху тотального дефицита позволяла горожанам обеспечивать себя свежими продуктами и получать на этом некоторый доход. Например, «стоимость картофеля на рынке в отдельные годы доходила в 1960-х до 20–25 руб. за мешок, в то время как картофель неважного качества в государственных магазинах (слово «овощегноилище» как синоним овощехранилища не на пустом месте возникло) продавался по цене от 10 до 20 коп. за килограмм»¹. В 2000 году городской союз садоводов Хабаровска отмечал, что «на участке 8 соток хабаровский садовод получает в среднем 300 кг картофеля, 313 кг овощей. В целом по городу дачники заложили в закрома до 50–70 тыс. т огородной продукции, из них до 30 тыс. т картофеля. Эти цифры — лишнее подтверждение тому, что... именно сами садоводы обеспечивают себя садово-огородной продукцией» [*Дачное движение...*, 2000, с. 140]. Нынешняя дача в Хабаровске скорее приносит финансовые убытки своим владельцам.

Именно как убыточные в экономическом смысле можно рассматривать так называемые левобережные дачи, представляющие особый интерес для наблюдений. Они расположены на островах реки Амур напротив Хабаровска — Большом Уссурийском, Кабельном и Дачном. Добраться до них летом можно водным транспортом (теплоходы — «речные трамвайчики»), зимой — по зимней переправе, а в осенний и весенний периоды они практически недоступны. Часть дач на левом берегу относится к поселку Уссурийский (Чумка) на острове Большой Уссурийский. Этот поселок сейчас считается микрорайоном Индустриального района города, в нем постоянно проживают около 400 чел.

В 1986 году в литературно-художественном журнале «Дальний Восток» журналист, писатель и общественный деятель Галина Чечулина вспоминала, как за 10 лет до пуб-

ликации своих заметок впервые осматривала приобретенный друзьями дачный участок с домом в районе протоки Бешеной (между островами Дачный и Кабельный). Сначала ничего не впечатлило автора, но потом в ней «что-то... переключилось. Скепсис растаял. Душа приникла к памяти... Вспомнилось детство, родительский дом, заросший ромашкой двор, где... росли...» [*Дачное движение...*, 2000, с. 40]. Эти воспоминания и подвигли автора приобрести дачу в районе пристани Садовая на острове Дачный.

Дачные товарищества на левом берегу Амура возникли в 1960-х годах [*Дачное движение...*, 2000, с. 41]. Первые владельцы — инструкторы крайкомов и горкомов, инспекторы краевого и городского штабов, заврайотделами, преподаватели вузов, директора школ, учителя, инженеры, работники управлений и т.д. Они начинали свои первые дачи с установки палаток — своеобразные «первостроители» дачного движения на левом берегу в Хабаровске. По впечатлению Чечулиной, ими двигала не только и не столько потребность в свежих продуктах (хотя их было предостаточно: вишня, клубника, малина, сливы, крыжовник, огурцы, помидоры, кабачки, баклажаны, перец, редиска, зелень и еще цветы — многое пропадало, не попав в переработку и на продажу, так как продавать стеснялись: не по статусу), а жажда деятельности, общения, освоения нового и побед [*Дачное движение...*, 2000, с. 41]. Поэтому особую гордость дачники испытывали, вырастив на непростой хабаровской земле виноград, абрикосы, вишню и крупные садовые яблоки.

Левобережные хабаровские дачи труднодоступны в транспортном смысле («...от пристани идут около четырех километров, урожай и все на себе тащат, зато там у них — приволье» — мужчина, 69 лет, военный пенсионер, июнь 2019 года), поэтому требуют значительных затрат на дорогу. Билет на теплоход на взрослого пассажира в одну сторону стоил в 2019 году более 80 рублей², поэтому новость о том, что стоимость проезда на левобережные дачи в 2020 году не будет повышаться, хабаровчане восприняли с оптимизмом³.

1 Хабаровск 1960-х: о вкусной и здоровой пище, 02.04.2013 // Livejournal: <https://dkphoto.livejournal.com/319191.html>.

2 На 3–5 рублей может вырасти грядущим летом стоимость «плаванья» на дачу в Хабаровске, 12.02.2020 // AmurMedia.ru: <https://amurmedia.ru/news/908238/>.

3 Цену билетов на теплоходы в сезоне-2020 установили в Хабаровском крае, 05.05.2020 // Памблер.Финансы: <https://finance.rambler.ru/>

Специфика реки Амур вносит неопределенность в пользование дачами: в зависимости от обстановки навигация может быть приостановлена, начата или окончена с нарушением планов и сроков. Так, в сентябре 2020 года в очередной раз в связи с высоким уровнем воды в Амуре было приостановлено движение теплоходов, дачных в том числе¹. И наконец, эти дачи постоянно рискуют быть подтопленными — погибает урожай, смывается плодородный слой почвы, разрушаются постройки и т. д., а сами дачные домики даже могут быть унесены («Гляжу в окно и вижу: несет домик по Амуру. Вот у кого-то дачный домик смыло» — женщина, 71 год, пенсионерка, сентябрь 2020 года). Во время подъема воды в 2020 году в Хабаровском крае «водой залило 1764 земельных и приусадебных, 1743 дачных участка»². Перед приостановкой теплоходного движения по реке активно «вывозили дачников с левобережья»³.

После масштабного и разрушительного наводнения на Амуре в 2013 году владельцы дач, находящихся в зоне риска, не отказались от своих участков и, несмотря на все тревоги и трудности, открыли новый дачный сезон. По наблюдениям председателя Совета Хабаровского краевого союза садоводов Виктора Сайкова, только 1% дачников не начал высаживать рассаду⁴.

Несмотря на все сложности, хабаровчане не бросают свои дачи на левом берегу, не обращая внимания на просьбы и предупреждения властей и различных государственных служб и органов, потому что дорожат своими «родовыми» дачами. Во-первых, они дорожат своими сообществами, во-вторых, уникальными возможностями отдыха: прогулки, тишина, чистый воздух, покой. Многие из «левобережных» дачников отказываются иметь дачу на правом берегу.

Только там я отдыхаю! Вы тут на правом валкываете! Зачем дача, если не на левом?

other/44129527-tsenu-biletov-na-teplohody-v-sezone-2020-ustanovili-v-habarovskom-krae/

- 1 Движение пассажирских теплоходов остановлено в Хабаровске, 14.09.2020//МК.RU.Хабаровск: <https://hab.mk.ru/incident/2020/09/14/dvizhenie-passazhirsikh-teplokhodov-ostanovleno-v-khabarovske.html>.
- 2 Там же.
- 3 Там же.
- 4 Садоводы региона не собираются бросать подтопленные в прошлом году дачи — Сайков, 26.03.2014//DVhab.ru: <http://www.dvnovosti.ru/khab/2014/03/26/18223/>.

Вы не понимаете — там такой простор, только там я дышу полной грудью... Здесь (на даче. — Е. П.) я делаю что хочу. Хочу — работаю, хочу — отдыхаю, хочешь — купайся в ставке, никого нет, хоть голышом бегай. Здесь наши друзья, у нас такие посиделки по субботам по вечерам — песни поем! Общество у нас такое — «Тридцать лет без урожая!» (мужчина, 50 лет, военный пенсионер, июль 2010 года).

Модели использования дачи: от самообеспечения до рекреации

«Нерациональная», непрагматичная приверженность дачам на левом берегу, которые регулярно либо подтапливает, либо топит, — факт нового отношения к дачам как к месту рекреации и восстановления сил. Резоном содержания дачи в сегодняшних условиях является не экономическая выгода, а отдых, общение с семьей, друзьями да и просто общение, сохранение семейных традиций. Хабаровская дачница с пятидесятилетним стажем делится впечатлениями и воспоминаниями:

Нашему СНТ «Труд» много лет, мне дача досталась в наследство от родителей, и расставаться с ней не собираюсь, как мои соседи. Я хорошо помню, как отец со своим братом корчевали здесь землю, строили дом. Не забуду и первую грядку с клубникой, которую мама специально выписала откуда-то и посадила для меня. Она учила, как правильно полоть и рыхлить землю под кустиками, как грамотно обкладывать их сухой травой. Когда созрела ягода, конечно же, первую клубничку съела я. Давно это было. Теперь моя внучка пасется на грядках с ягодой, выбирая ту, что покрупнее⁵.

Эволюция хабаровских дач также имеет свою специфику. Нефедова описывает пять типов российских дач: 1) «классические» — самый старый тип, характерен для пригородов крупнейших центров, обычно представляет собой комфортабельный дом, располагающийся на довольно большом участке земли; 2) «сады» — небольшие участки земли с домиками дачного типа; 3) «огороды» — земельные участки без жилых построек; 4) сельские дома, приобретенные горожанами и исполь-

- 5 Трудлюбивые здесь в почете, 09.09.2020//Газета «Хабаровские вести»: https://khab-vesti.ru/news/spetsialnye_vypuski/na_svoey_zemle-9/.

зубые ими в качестве дач; 5) новейшие дачи — «особняки» (коттеджи или виллы) — возведенные в последние два-три десятилетия комфортабельные постройки с прилегающими значительными участками земли [Нефедова, 2014, с. 32–36]. Тенденции эволюции пяти типов дач современной России связаны с постепенным уходом из пригородного пространства классической дачи и ростом нового «дачного пояса» [Джанжугазова, 2010, с. 84], прослеживаются и в Хабаровске. Например, сокращается число и без того немногочисленных классических дач, которые либо сохранились с дореволюционных времен, либо строились в советские времена для чиновников высокого уровня. В постсоветскую эпоху распространенным способом приобретения дачи для хабаровчан стало преобразование в нее сельского дома, приобретенного горожанами или полученного в наследство. Огороды с их сугубо утилитарной направленностью в XXI веке встречаются в округе Хабаровска все реже и реже. Коттеджное строительство в городе также развернулось только в новейшее время — в последние два десятилетия. Наибольшее распространение, таким образом, в хабаровском пригороде получили садовые участки с домиками.

Смысл и назначение дачи в XXI веке меняется: отступает ее хозяйственное значение. Впрочем, у некоторых дачевладельцев она по традиции сохраняет экономическую функцию, поэтому хабаровчанка-дачница и ее подруги радуются урожаю, выращенному в 2014 году на заброшенном участке: «Собрали небывалое количество огурцов, баклажанов, фасоли. А помидоров!.. Крупные, вкусные»¹. Значительную пользу приносят заготовки, выращивание рассады, садового материала, овощей, зелени, ягод, цветов на продажу. Хабаровская пенсионерка получает «ощутимую прибавку» к финансам семьи, продавая на городском рынке зелень со своей дачи (16-й километр Владивостокского шоссе): «И нам с дедом на сладенькое, и внучкам-студенткам в помощь»². А, например, дачница с сорокалетним стажем считает дачу не только кормилицей («...буквально все к столу в летний период и ранней осенью со своего участка: и картошка, и овощи, и ягода, и зелень разная. Соленья, варенье, маринады вовремя заготовил — вот и готов

к длинной зиме») и источником экологически чистых и дешевых лекарственных растений («...у меня на участке уже настоящая мини-аптека образовалась»), но и отличным способом поддержания хорошей физической формы, настроения и «бодрости духа»³. Все чаще дачные участки рассматриваются горожанами именно как места доступного отдыха: «Приобрели эти четыре сотки земли с небольшим домиком всего три года назад. Думали, что только для отдыха: позагорать, шашлыки по выходным в хорошей компании приготовить. А вышло иначе, затягивает, знаете ли, это дело, а уж отдача-то какая! Недаром говорят: «купишь сад — вернешь деньги назад»⁴.

Для части российских горожан дачи продолжают оставаться вариантом капиталовложений: в 2014 году каждый десятый россиянин откладывал деньги на покупку дачи, садового домика или земли⁵. В советское время при полном отчуждении от собственности дача выступала ее своеобразным суррогатом. Кэролайн Хамфри описывает на постсоветском пространстве особый культурный феномен — «псевдособственность» [Хамфри, с. 213], в качестве которой может выступать и дача. Подобное отношение к дачам — как к собственности, как к варианту вложения денег — сохраняется и у жителей Хабаровска. Дачник-хабаровчанин, приобретший по случаю заброшенный участок в умирающей деревне в 100 км от города, предполагает, что у него и его жены, «проведших детство в коммунальных бараках, теплилась подспудно мечта — иметь в деревне свой дом» [Дачное движение..., 2000, с. 115]. «В постсоветское время юридический статус собственности на землю и дома практически всеми городскими дачниками был оформлен, <...> но фактор свободы творчества в обустройстве жилья и участка продолжает играть немаловажную роль в популярности дач» [Нефедова, 2014, с. 32].

Тем не менее дача как средство обеспечения себя и своей семьи продовольствием в Хабаровске в последние 10–15 лет исчерпала себя: слишком велики затраты на ее содержание. Стоимость самого дачного участка

1 Достижения сезона, 08.10.2014 // Газета «Хабаровские вести». №159 (2966). С. 13.

2 Почем витамины?, 14.05.2014 // Газета «Хабаровские вести». № 68 (2875). С. 13.

3 Вкусное лето, 12.08.2015 // Газета «Хабаровские вести»: https://khab-vesti.ru/news/spetsialnye_vypuski/15889_na-svoey-zemle/ (ссылка на источник работает).

4 Там же.

5 Россияне копят на недвижимость, 10.10.2014 // Экономика и жизнь: <https://www.eg-online.ru/article/260052> (ссылка на источник работает).

и домика, его ремонт и поддержание в необходимом состоянии, уход за землей, семена, рассада, инструменты, оплата различных взносов, расходы по переработке дачной продукции, транспортные расходы и т.д. давно уже не только не окупаются, но и приносят дачевладельцам убыток, но их это нимало не печалит. «У нас дача не для того, чтобы пахать. Мы брали дачу для отдыха. Не для того, чтобы упахиваться. Все можно купить. Мы на даче отдыхаем» (женщина, 55 лет, вузовский преподаватель, сентябрь 2020 года). Поэтому к дачам предъявляются новые требования: они должны быть комфортными для отдыха и жилья. В советские времена хабаровчане приобретали разными способами (получали от предприятия или организации, покупали) дачный участок — садовый/огородный надел земли без домика для выращивания картофеля, овощей и фруктов — и использовали его, соорудив лишь сарайчик для хранения инвентаря и рабочей одежды. В последнее десятилетие дача в понимании хабаровчан должна не только иметь домик, воду и электроснабжение, но она должна быть удобной и эстетичной: иметь декоративные посадки, цветники, газон, зоны отдыха (мангал, беседки, качели, гамаки и т.д.), баню, летнюю кухню, возможность купаться/загорать, рыбачить и пр. Особое внимание при этом уделяется детскому отдыху. «...на Хехцире дачи одни из самых дорогих, но они того стоят... Вода, электричество, охрана — все это здесь есть. А еще много солнца, никогда не топит, хотя излишки влаги тоже бывают, земля плодородная. Еще одно немаловажное преимущество — до города рукой подать, а если нет собственной машины, то рейсовый автобус от остановки «Химфармзавод» в наши дачные уголья ходит регулярно, а народу в нем, как правило, не очень много, особенно в это коронавирусное время. Заезжай и живи хоть весь сезон, магазин на конечной остановке есть, без хлеба и молочных продуктов не останешься»¹.

У 20% дальневосточников дача ассоциируется с отдыхом, развлечением и общением с природой². Экс-председатель садового

некоммерческого товарищества в районе дач «Хехцир» тоже зачастую подолгу живет на даче:

У нас две дачи было. На одной картошку выращивали для всех, а другая на Хехцире — для души. Там отдыхаю я. Первую дачу перестали обрабатывать — забросили. Часто один остаюсь, с ночевкой. Два-три, три-четыре дня живу. Дела все переделаю. Тихо, никто не мешает. Овощей много выращиваем. Заготовки моя жена делает на зиму — около ста банок. Все съедается зимой. Подспорье, конечно. Но не это главное. Там все время что-то происходит. Вот один год у нас сова совят в дровах вывела. Выходишь утречком, а они — такие смешные — сидят на дровах. Неуклюжие, слепые днем, пушистые, беззащитные... Председатель товарищества был. Бегал по делам. Вызывали: то одно, то другое. Сейчас уже — нет. Но надо было вопросы по дачам решать (мужчина, 58 лет, школьный учитель, декабрь 2018 года).

Хабаровчанка, возделывающая дачу в районе аэропорта с 2000 года, говорит:

Для меня дача, прежде всего, наслаждение. Фанатизм здесь неуместен, все должно быть в удовольствии... А если немного подустали, всегда можно переместиться в зону отдыха... Для этого построили просторную беседку, обтянув ее сеткой, чтобы не досаждали комары... Внутри — стол для чаепитий и игр с внуками, удобные мягкие качели... В ближайшее время планируем посадить елку, чтобы всем вместе отмечать Новый год. А замерзнем — не беда, согреемся в доме у настоящего камина³.

Немалую роль в выборе подобного способа отдыха играют семейные традиции и детские воспоминания. Например, дачник возводит дом, обустраивает территорию, высевает на ней зеленую травку, «чтобы дети бегали по ней босиком, как в нашем детстве»⁴. Ветеран дачного движения Анастасия Двинова наблюдает, что «дети, выросшие вместе с детства на этих участках, дружат между собой до сих пор, делятся опытом, рассадой, уро-

1 Трудлюбивые здесь в почете, 09.09.2020 // Газета «Хабаровские вести»: https://khab-vesti.ru/news/spetsialnye_vypuski/na_svoey_zemle-9/.

2 Что первое приходит вам в голову, когда вы слышите слово «дача»? (открытый вопрос, любое число ответов) // ВЦИОМ: https://bd.wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=965&q_id=66336&date=01.06.2014 (ссылка на источник работает).

3 Гордость Лилии, 27.08.2014 // Газета «Хабаровские вести». № 134 (2941). С. 14.

4 Дом на курьих ножках, 09.07.2014 // Газета «Хабаровские вести». № 101 (2908). С. 13.

жаем. Иногда отмечают вместе какие-нибудь даты. Жарят шашлыки и пр.»¹.

Дача для хабаровчан стала не только местом и вариантом организации летнего отдыха, но и источником вдохновения и эстетических переживаний. «Любой поход на дачу для меня превращается в маленький праздник»². Дачные дела перерастают в увлечение: выращивание роз, винограда, строительство дома, создание пруда, разведение рыб и рыбок, консервирование, рецепты блюд и заготовок, изготовление поделок и т. д. [Потапчук, 2017]. Дача становится и местом общения с детьми и внуками, друзьями и единомышленниками: дачники-любители объединяются в разнообразные кружки, клубы и организации. Это общение продолжается за пределами дачных участков во время садоводческих праздников и фестивалей. В спецвыпуске газеты «Хабаровские вести» «На своей земле», посвященном проблемам дачников, отмечается, что «главным для большинства участников традиционной выставки цветов и садово-огороднической продукции, прошедшей в парке “Динамо”, является общение»³. Подчеркивается, что именно дача — место «для простого и свободного общения» людей «поверх границ» [Ловелл, 2008, с. 13].

Называя российскую дачу «побочным продуктом урбанизации» [Ловелл, 2008, с. 6], Стивен Ловелл указывает, что дача «была русским способом преодолевать стрессы урбанизации и модернизации, создавать уютное пристанище на полпути между метрополией и деревней» [Ловелл, 2008, с. 12–13]. Переселение на дачи описывается как частный случай дезурбанизации и субурбанизации. По наблюдениям Нефедовой, представители творческой интеллигенции и креативного класса (программисты, писатели, журналисты и представители других подобных профессий) либо бросают свои городские занятия ради занятий сельских, либо сочетают с ними свою занятость в мегаполисе/городе, либо успешно работают в условиях сельской местности (следует вспомнить знаменитые писательские дачи, которые создавали ком-

фортные условия для творческой деятельности, например Переделкино) [Нефедова, 2014, с. 41]. И отдельные индивидуалы, и группы совершают «своеобразное бегство от общества потребления и “ужасов мегаполиса” с их безумным ритмом жизни, теснотой и толчеей, загрязненной средой и т. п. Бегство в буквальном смысле, связанное обычно с перемещением из большого города в малый или деревню» [Нефедова, 2014, с. 41].

Дача как место жительства

Дачи в качестве второго сезонного жилья, предоставляющего населению возможность временно сбежать из города, рассматриваются Нефедовой как специфическая для России форма субурбанизации и дезурбанизации.

В целом центростремительные тенденции в России пока еще преобладают над центробежными. При этом для горожан характерно определенное раздвоение сознания: в крупном городе нужно жить, а в сельскую местность хочется сбежать от стрессов мегаполисов [Нефедова, 2015].

Это явление отмечается еще в Древнем Риме. Оно естественно, поскольку человеку, живущему в ритме большого города, требуется время и место для восстановления сил, уединения, общения с близкими и природой. Осуществлению подобных желаний и служат дачи, формирующие специфический пояс вокруг городов — агломерации или конгломераты.

Хабаровск также не избежал общероссийской тенденции превращения близлежащих к городу поселений в дачные поселки: дачи заповилили села Тополево, Матвеевка, Краснореченское, Черная Речка, Сергеевка, Виноградовка, рабочий поселок Корфовский и др.

Очень показателен процесс сращивания близлежащих населенных пунктов и Хабаровска, в ходе которого они превращаются в дачные сообщества. Так, например, микрорайонами города стали поселок городского типа Березовка (в 1994 году вошел в состав Краснофлотского района города), поселок Красная Речка (в 1956 году — в состав Сталинского, ныне Индустриального, района). В подобных микрорайонах располагается значительное число хабаровских дач. Поскольку эти микрорайоны зачастую утратили свое промышленное или сельскохозяйственное значение в постсоветский период, они и им

1 А начиналось все так..., 09.01.2013 // Газета «Тихоокеанская звезда»: https://toz.su/newspaper/prodolzhenie_temy/a_nachinalos_vse_tak_/.

2 Вкусное лето, 12.08.2015 // Газета «Хабаровские вести»: https://khab-vesti.ru/news/spetsialnye_yupuski/15889_na-svoey-zemle/ (ссылка работает).

3 Вопреки непогоде, 24.08.2016 // Газета «Хабаровские вести»: https://khab-vesti.ru/news/spetsialnye_yupuski/16942_na-svoey-zemle/ (ссылка на источник работает).

подобные, являясь частями города, воспринимаются как дачные поселки. И дачи, таким образом, вырастают в город, образуя его обязательный в современных условиях пояс.

В хабаровскую агломерацию по этой же причине — как активно используемые дачные поселения — входят близлежащие к городу села, постепенно меняя свое хозяйственное значение, трансформируясь из элементов агропромышленного или промышленного комплекса в дачные поселения (села Гаровка, Галкино, Матвеевка и др.). Конечно, у каждого села в советский период было свое изначальное предназначение, но на данном этапе они постепенно становятся дачными поселками хабаровчан. Именно в этих селах наблюдается одно из проявлений субурбанизации, характерное для становления постиндустриального общества в России в том числе: горожане предпочитают уезжать на постоянное место жительства в сельскую местность.

Большей интенсивности этого процесса в Хабаровске и его пригородах мешают по крайней мере две причины: некачественная связь (отсутствие или плохая работа интернета и мобильной связи) и перебои в газо-, водо-, электроснабжении. В меньшей степени — недоступность медицинской помощи и все, что снижает комфорт в условиях сурового дальневосточного климата (очень влажное жаркое лето и морозная холодная зима, знаменитые дальневосточные гнус и мошкара).

Однако даже в этих условиях при наличии возможности (если режим работы позволяет) хабаровчане предпочитают уезжать на свои дачные участки на два-три дня, на сутки или на постоянное место жительства. Особую когорту среди таких дачников составляют хабаровские пенсионеры, которые больше иных категорий горожан имеют возможность жить на даче один-два или три-четыре дня в неделю, уезжать на дачу на весь летний или весенне-летний сезон, переселяться на дачи совсем. «Я на даче живу два-три дня, квартиру закрыл, туда уехал и там остался, все дела переделал, там воздух, хорошо, тихо, дел на даче много... У меня дача недалеко — 30 минут...» (мужчина, 62 года, пенсионер, милиционер в отставке, декабрь 2019 года). Председатель НСТ «Пчелка» отмечает, что после электрификации и решения проблем водоснабжения около 80% владельцев дач их товарищества стали летом жить на дачах постоянно, а «когда только провели интернет, здесь стало бывать больше молодежи. Да просто отдохнуть на природе приезжают целыми семьями

с детьми. Не только поработать, но и пожарить шашлычков. А зимой покататься на лыжах»¹. Городские квартиры в этом случае или пустуют (многие оправдывают свои отъезды на дачу экономией на коммунальных платежах), или остаются детям и внукам, или сдаются. Для таких переселений подходят среднеудаленные дачи в селах и поселках городского типа, поскольку в них присутствует относительно бесперебойное водо-, газо-, электроснабжение, работают магазины с необходимым набором продуктов, предметов первой необходимости и лекарств, иногда имеется и медицинское обслуживание (поликлиника или фельдшер, скорая помощь).

В этом смысле интересна эволюция поселков Николаевка, Приамурский (село Покровка) и села имени Тельмана, располагающихся на левом берегу реки Амур и административно относящихся к Еврейской автономной области, но территориально близких к Хабаровску: Приамурский — 18 км до Хабаровска (до районного центра — более 100 км), Николаевка — 32 км (до районного центра — 80 км), село имени Тельмана — 33 км до Хабаровска.

Своеобразными градообразующими предприятиями поселков Приамурский и имени Тельмана, с 2003 года входящих в состав Приамурского городского поселения, выступает железнодорожная станция перед мостом через Амур. Жизнь этих населенных пунктов в значительной степени ориентирована на Хабаровск: медицинское обслуживание, образование, покупки, транспорт и пр. До строительства автомобильного перехода через Амур эта связь была отчасти затруднена, поскольку автомобильное сообщение в осенне-весенние периоды прекращалось, а в летний период было возможно только по специально возведенной речной переправе. Но, несмотря на это, хабаровские дачники с 1960-х годов активно осваивали территории вокруг указанных поселков и располагающихся рядом сел (Владимировка, Осиновка). Открытие в начале 2000-х годов автомобильного движения по Хабаровскому мосту через Амур способствовало тому, что Приамурское городское поселение и находящиеся в нем и при нем дачи примкнули фактически (но не административно) к агломерации города Хабаровска.

Здесь можно обнаружить несколько субурбанизационных процессов. Во-первых, отличная трасса федерального значения, авто-

¹ Хабаровские дачники готовятся к сезону, 16.04.2015 // DVhab.ru: <http://www.dvnovosti.ru/khab/2015/04/16/32955/#ixzz3XjiDan76>.

бусное сообщение и наличие собственного автомобиля превратили дачи в этом районе в легкодоступные в транспортном смысле, в результате чего миграция на дачи стала более интенсивной по сравнению с последними десятилетиями XX века. Во-вторых, хабаровчане стали активно приобретать в этих поселках и селах не столько дачи, сколько круглогодичное жилье (деревенские дома с участками) из-за их относительной дешевизны и желания иметь собственный дом с огородом/садом («быть ближе к земле»). Транспортная доступность к городу делает возможным сочетание работы в городе и жизни на земле в своем собственном доме негородского типа. В-третьих, дачи в Приамурском городском поселении стали выступать в качестве постоянного жилья для горожан, работающих в городе, но желающих жить не в городских условиях. «Модель “второго жилья” горожан в условиях России олицетворяет ставшую традиционной возможность совмещения преимуществ городского и сельского образа жизни» [Махрова, Нефедова, Трейвиш, 2016, с. 82].

Похожая судьба у еще одного близко расположенного к Хабаровску поселка Еврейской АО — Николаевки. Этот поселок городского типа, основанный в 1898 году, располагается на левом берегу реки Амур и в 1970–1980 годы был центром деревообработки, а деревоперерабатывающий завод и мебельная фабрика были его градообразующими предприятиями. В 1990-е годы деревообрабатывающий завод прекратил свое существование, и жители (на 2020 год около 6 тыс. чел.) переориентировались на выращивание сельхозпродукции на своих участках, производство мясной и молочной продукции, организовали несколько мелких производств (рыбопереработки, безалкогольных напитков, мебели и пр.). Но в основном они нашли работу в Хабаровске (охрана, продавцы, водители и пр.), поскольку поселок располагается всего в 32 км от него. В начале 2000-х годов были зафиксированы первые случаи переселения хабаровчан-пенсионеров в поселок Николаевка на постоянное место жительства. Свой переезд они объясняли желанием быть поближе к земле, копаться на огороде и в саду, завести кошку или собаку, а также усталостью от городской суеты и поисками тишины и покоя. Такие переселенцы у местных жителей вначале вызвали удивление, потому что их появление шло вразрез со сложившимся оттоком населения в города. Позже, в 2000-е годы, сельчане не только свык-

лись с горожанами-дачниками и переселенцами из города, но и в значительной степени переориентировались на их интересы (в сельских и деревенских магазинах продаются продукты и товары с учетом спроса) и включились в обслуживание потребностей дачников и переселенцев (доставка торфа, песка, навоза/помета, строительных материалов, продажа продуктов, предоставление услуг и пр.). Таким образом, в Хабаровске заметна общероссийская тенденция: при продолжающейся депопуляции сельской местности субурбанизация и дезурбанизация проявились в виде обретения горожанами второго сезонного жилья/дачи в пригородах или среднеудаленных районах [Нефедова, 2015].

Таким образом, в последнее десятилетие дачные и садовые участки, популярные среди хабаровчан, перестали быть способом выживания и обеспечения себя и своей семьи продуктами питания. Дача стала рассматриваться ими преимущественно как способ отдыха и рекреации. В XXI веке восстанавливается назначение российской дачи как *частной* территории, которая предполагает вольный способ существования и действия, конструируемые в основном пока только самими членами дачных сообществ. Это приводит к появлению новых сообществ, социальных связей, традиций и разнообразных неформальных экономических и социокультурных практик.

Стремление к независимости, попытки избавиться от угнетающего ритма городской среды, желание вернуться к корням, негородскому (сельскому/деревенскому) образу жизни — одни из главных причин приобретения и содержания дач хабаровчанами. Горожане, выйдя на пенсию, уезжают на постоянное место жительства на дачи и в сельскую местность или же пытаются сочетать жизнь в сельской местности с трудовой занятостью в городе. В результате дачные поселки и сельские поселения, постепенно превращающиеся в дачные, становятся устойчивым субурбанизационным поясом крупного города.

Перечень интервью, использованных в исследовании

1. Интервью 07/2010 — владелец «левобережной» дачи, житель города Хабаровска, военный пенсионер, мужчина, 50 лет.

2. Интервью 09/2010 — владелец дачного участка на территории ЕАО, житель города Хабаровска, предприниматель, мужчина, около 50 лет.
 3. Интервью 07/2011 — владелица «лево-бережной» дачи, жительница города Хабаровска, бухгалтер, женщина, около 45 лет.
 4. Интервью 09/2011 — владелица дачи в пригороде Хабаровска, жительница города Хабаровска, медицинский работник, около 55 лет.
 5. Интервью 12/2018 — владелец двух дачных участков в пригороде Хабаровска, экс-председатель СНТ «Хехцир», житель города Хабаровска, школьный учитель, мужчина, 58 лет.
 6. Интервью 12/2019 — владелец дачного участка в пригороде Хабаровска, житель города Хабаровска, пенсионер, милиционер в отставке, мужчина, 62 года.
 7. Интервью 06/2019 — владелец дачного участка в пригороде Хабаровска, житель города Хабаровска, военный пенсионер, мужчина, 69 лет.
 8. Интервью 05/2020 — владелица дачи в пригороде Хабаровска, жительница города Хабаровска, работник сферы культуры, женщина, около 50 лет.
 9. Интервью 09/2020 — владелица дачи на территории ЕАО, жительница города Хабаровска, пенсионерка, женщина, 71 год.
 10. Интервью 09/2020 — владелица дачи в пригороде Хабаровска, жительница города Хабаровска, вузовский преподаватель, женщина, 55 лет.
- Ловелл С. (2008) Дачники. История дачного житья в России. 1710–2000. СПб.: Академический проект; Издательство ДНК.
- Малинова-Тзиафета О.Ю. (2013) Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Махрова А.Г. (2015) Сезонная субурбанизация в регионах России//Вестник МГУ. Сер. 5. География. № 4. С. 60–68.
- Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2016) Поляризация пространства центрально-российского мегаполиса и мобильность населения//Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 5. С. 77–85.
- Нефедова Т.Г. (2014) Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М.: URSS, Ленанд.
- Нефедова Т. (2015) Российские дачи в разном масштабе пространства и времени//Демоскоп Weekly. № 657–658. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0657/demoscope657.pdf> (дата обращения: 04.10.2020).
- Нефедова Т.Г., Махрова А.Г. (2015) Город и деревня: дачники в межстоличье//Два столетия российской истории между Москвой и Санкт-Петербургом. М.: URSS, Ленанд. С. 188–204.
- Потапчук Е.Ю. (2017) Дачные капиталы: по материалам хабаровских газет 2012–2016 гг.//Ученые заметки ТОГУ. Т. 8. № 1–1. С. 57–67.
- Родин К. (2020) Итоги лета-2020 в период постпандемии//Сайт ВЦИОМ. Режим доступа: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2020/2020-09-29_itogi_leta.pdf (дата обращения: 10.10.2020).
- Трейвиш А. (2015) Дачная мобильность, дачный менталитет и дачеведение//Демоскоп Weekly. № 655–656. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/demoscope655.pdf> (дата обращения: 04.10.2020).
- Хамфри К. (2010) Постсоветские трансформации в азиатской части России. М.: Издательство «Наталис».
- Щепеткова И.О. (2019) Территориальная организация садово-дачных образований Пермской городской агломерации: дисс. к.г.н.: 25.00.24. Пермский гос. национальный исследовательский университет. Пермь.

Источники

- Горлов В.Н. (2019) Загородная дача как зеркало советского образа жизни//Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». № 1. С. 107–111.
- Дачное движение в Хабаровске (2000). Зарождение, становление, проблемы. Хабаровск: Кн. изд-во.
- Джандугазова Е.А. (2010) Дачная культура или национальные особенности отдыха//Современные проблемы сервиса и туризма. № 2. С. 80–84.
- Кулинич Н.Г. (2010) Повседневная культура горожан советского Дальнего Востока в 1920–1930-е годы. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского государственного университета.

ELENA POTAPCHUK

CHANGING THE VALUE OF THE DACHA IN THE CITY–SUBURBAN SPACE: AN ANALYSIS OF KHABAROVSK MEDIA

Elena Y. Potapchuk, PhD in Culture Studies, Assistant Professor, Pacific National University; 136 Tikhookeanskaya street Khabarovsk, 680035, Russian Federation.

E-mail: epotapchuk@mail.ru

Abstract

This article studies the modes of use of the dacha and its functions based on material from Khabarovsk. A brief overview of the history of dachas in Russia and a more detailed one of Khabarovsk are given. Almost all Khabarovsk dachas are located near the city due to the undeveloped character of more distant territories. The popularity of dachas in Khabarovsk is historically due to the rural roots of many citizens and the Soviet and post-Soviet shortage of food. Large dacha arrays are located on the Amur islands, so these are the focus of the author's discussion. Their use is associated with inaccessibility, expensive maintenance and constant risk of flooding. However, the author notes an almost irrational, non-pragmatic commitment to these dachas. Today, in Khabarovsk, the reason for maintaining a dacha is not so much the economic benefits (fruit and vegetable crops for consumption or sale), as leisure, communication with family and friends, and the preservation of family traditions. The author also notes the processes of suburbanization in Khabarovsk characteristic of the country as a whole, in particular the outflow of the population to the suburbs for permanent living.

Keywords: suburb; dacha; suburbanization; recreation; garden; vegetable garden; dacha village

Citation: Potapchuk E.Y. (2020) Changing the Value of the Dacha in the City–Suburban Space: An analysis of Khabarovsk Media. *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 4, pp. 73–86. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp54202073-86>

References

- Dachnoe dvizhenie v Khabarovske. Zarozhdenie, stanovlenie, problemy (2020) [Dacha Movement in Khabarovsk. Origin, Farmation, Problems]. Khabarovsk: Publishing House. (in Russian)
- Dzhanzhugazova E.A. (2010) Dachnaya kul'tura ili nacional'nye osobennosti otdyha [Dacha Culture or National Features of Recreation]. *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Contemporary Problems of Service and Tourism], no 2, pp. 80–84. (in Russian)
- Kulinich N.G. (2010) Povsednevnyaya kul'tura gorozhan sovetskogo Dal'nego Vostoka v 1920–1930-e gody [Everyday Culture of the Townspeople of the Soviet Far East in the 1920–1930]. Khabarovsk: Pacific State University Publishing House. (in Russian)
- Lovell S. (2008) Dachniki. Isiriya dachnogo zhit'ya v Rossii. 1710–2000 [Summer Residents. History of Dacha Living in Russia. 1710–2000]. St. Petersburg: Academic project; DNA Publishing House. (in Russian)
- Makhrova A.G. (2015) Sezonnaya suburbanizatsiya v regionah Rossii [Seasonal Suburbanization in the Regions of Russia]. *Vestnik MGU. Ser. 5. Geografiya* [Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5, Geografia], no 4, pp. 60–68. (in Russian)
- Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. (2016) Polyarizatsiya prostranstva central'no-rossijskogo megapolisa i mobil'nost' naseleniya [Polarization of the Space of the Central Russian Megalopolis and Population Mobility]. *Vestnik MGU. Ser. 5. Geografiya* [Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5, Geografia], no 5, pp. 77–85. (in Russian)
- Nefedova T.G. (2014) Desyat' aktual'nyh voprosov o sel'skoj Rossii: Otvety geografa [Ten Topical Questions About Rural Russia: Answers of a Geographer]. Moscow: URSS, Lenand. (in Russian)

- Nefedova T. (2015) Rossijskie dachi v raznom masshtabe prostranstva i vremeni [Russian Dachas in Different Scales of Space and Time]. *Демоскоп Weekly* [Demoscope Weekly], no 657–658. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0657/demoscope657.pdf> (accessed 10 April 2020). (in Russian)
- Potapchuk E.Y. (2017) Dachnye kapitaly: po materialam habarovskih gazet 2012–2016 gg. [Country Capital: Based on Materials from Khabarovsk Newspapers 2012–2016]. *Uchenye zametki TOGU* [Scientific Notes TOGU], vol. 8, no 1–1, pp. 57–67. (in Russian)
- Treyvish A. (2015) Dachnaya mobil'nost', dachnyj mentalitet i dachevedenie [Country Mobility, Country Mentality and Summer]. *Демоскоп Weekly* [Demoscope Weekly], no 655–656. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/demoscope655.pdf> (accessed 10 April 2020). (in Russian)
- Rodin K. (2020) Itogi leta-2020 v period postpandemii [The results of the summer-2020 in the post-pandemic period]. *VTsIOM* [Russian Public Opinion Research Center]. Available at: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2020/2020-09-29_itogi_leta.pdf (accessed 10 October 2020). (In Russian)
- Shchepetkova I.O. (2019) Territorial'naya organizaciya sadovo-dachnyh obrazovaniy Permskoj gorodskoj aglomeracii: diss. k.g.n.: 25.00.24/Permskij gos. nacional'nyj issledovatel'skij universitet [Spatial Organization of Garden and Dach Formation of the Perm Urban Agglomeration: Ph.D. Dissertation: 25.00.24] Perm: Perm State University. (in Russian)

ЕЛЕНА ТИНИКОВА

УРБАНИЗАЦИЯ В ХАКАСИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД:

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ¹

Тиникова Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории; Российская Федерация, 655017, Республика Хакасия, Абакан, ул. Щетинкина, д. 23, тел.: +7 929 319 11 84

E-mail: lena.tinikova@mail.ru

Статья посвящена развитию урбанизации в Хакасии в 1991–2017 годах. Автор анализирует динамику количественных показателей урбанизации и рассматривает факторы, оказавшие влияние на численность городского населения региона. На основе официальных статистических данных выявлены особенности развития урбанизационного процесса. Так, с 1989 по 2017 год городское население Хакасии сократилось на 9,7% на фоне среднероссийских 2,7%. Однако Хакасию практически не затронул общероссийский постсоветский процесс рурализации. Основным фактором снижения численности городского населения в этот период стало преобразование городских поселений в сельские: им было обусловлено 80% потерь городского населения. Другой существенный фактор – естественная убыль. Особое внимание уделено вопросу урбанизации хакасов и проблемам их адаптации в городе. В этот период растет доля хакасов в численности городского населения, при этом миграция из сел носит вынужденный характер из-за безработицы и низкого уровня жизни. Особенностью городской жизни хакасов является то, что стирание границ между хакасскими субэтнотами в городе происходит значительно быстрее, чем в деревне. Также обсуждаются основные особенности и тренды эволюции системы городского расселения в республике.

Ключевые слова: урбанизация; Хакасия; городское население; село-городская миграция; система городского расселения; моногорода

Цитирование: Тиникова Е.Е. (2020) Урбанизация в Хакасии в постсоветский период: основные векторы развития // Городские исследования и практики. Т. 5. № 4. С. 87–102. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp54202087-102>

Введение

Численность населения отражает развитие всех сфер жизни общества: экономической, социальной, политической, демографической, культурной — и в целом во многом зависит от социально-экономической политики государства. Распад Советского Союза и масштабные социально-экономические и политические реформы конца XX века привели к смене приоритетов государства в области внутренней политики, многие программы хозяйственного освоения восточных территорий страны были свернуты, что не могло не сказаться на развитии городских поселений. Каким образом эти процессы повлияли на ход урбанизационного развития Хакасии? Ответ на этот вопрос является целью статьи.

В отличие от других регионов Сибири, в Хакасии исследованы лишь отдельные аспекты истории городов и городского населения. Изучение процесса формирования населения в республике в советский период связано с именем известного в Сибири историка-демографа В.А. Кышпанаква. В его работах на основе анализа широкого круга исторических и статистических материалов восстановлена наиболее вероятная динамика изменения численности населения Хакасии в 1917–1991 годы, проанализированы основные структурные сдвиги в составе населения и изменение его качественных характеристик, охарактеризованы процессы воспроизводства населения [Кышпанаква, 1995]. Проблеме истории и современным этническим процессам среди хакасов, таким как этническая консолидация, межэтническая интегра-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Социальные проблемы моногородов Хакасии: факторы, динамика, поиск решений», проект № 19-49-190001.

ция и ассимиляция, посвящены исследования В. П. Кривоногова. Ученый большое внимание уделяет вопросам численности и расселению хакасов, влиянию урбанизации на развитие этноса [Кривоногов, 2011].

Этнодемографические и этносоциальные процессы в южных и центральных районах Средней Сибири, в том числе и в Хакасии, исследованы в монографии Н. А. Баранцевой [Баранцева, 2011]. В ней выделены этапы, специфика формирования, а также основные характеристики этнодемографической и этносоциальной структуры народонаселения региона с точки зрения оценки человеческого потенциала края. Проблемам демографического развития городского населения Хакасии в первой половине XX века посвящены работы Т. А. Кискидосовой [Кискидосова, 2012], которая занимается изучением истории повседневной жизни жителей российских провинциальных городов, прежде всего Енисейской губернии.

Урбанизацию как процесс можно исследовать с двух основных ракурсов. В первом случае основными параметрами, характеризующими данный процесс, являются количественные показатели, такие как динамика численности городского населения и рост городских поселений. Во втором — важная роль при изучении урбанизации отводится ее качественным показателям. Здесь речь идет об изменении структуры городского населения и эволюции его образа жизни. В нашей статье будет представлена динамика количественных показателей урбанизации Хакасии в постсоветский период, показаны наиболее значимые тренды в динамике численности городского населения.

Динамика численности городского населения

Во-первых, изменилась численность городского населения Хакасии. Здесь и далее при характеристике динамики численности населения приводятся официальные данные Всесоюзной переписи населения 1989 года, Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов, а также сведения текущего статистического учета, представленные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики² в разделе «Демография». На этом же сайте в разделе «Базы данных» можно ознакомиться с показателями муниципальных образований в разрезе одного или нескольких субъектов России. Представленные там сведения позволяют не только проследить изменение численности населения, но и провести анализ его источников.

В 1989 году Всесоюзная перепись населения зафиксировала в Хакасской автономной области численность населения 568,6 тыс. чел. Доля городского населения составляла 72,3%. По этому показателю Хакасия отставала от РСФСР, но находилась на том же уровне, что и Сибирский регион в целом. По уровню урбанизации Хакасию в Сибири опережали Кемеровская, Иркутская, Тюменская и Новосибирская области, Красноярский край. К концу эпохи СССР Хакасская автономная область была относительно высокоурбанизированным регионом. Ее отличительными особенностями были сравнительно ранняя урбанизация, низкая плотность сельского населения и высокая централизация городского населения: большинство горожан Хакасии проживают в зоне Абакано-Черногорской агломерации.

Еще одна особенность развития урбанизационных процессов в Хакасии связана с небольшим удельным весом хакасов на территории своей автономии. Численность хакасов, проживающих в Хакасии, в период с 1939 по 1989 год увеличилась примерно на треть — с 45,8 тыс. до 62,9 тыс. чел. Однако темпы роста хакасского населения значительно отставали от средних значений по региону, в итоге к 1989 году доля хакасов в области сократилась до 11,09% от общего числа жителей.

Хакасы были вовлечены в процессы урбанизации значительно позже проживающих в регионе некоренных народов. В 1989 году хакасский этнос оставался относительно слабоурбанизированным, так как доля хакасов-горожан среди всего хакасского этноса так и не достигла рубежа 50%, остановившись на отметке 35,6%. Несмотря на то что каждый третий хакас проживал в городе, доля хакасов среди горожан региона была весьма скромной — всего 5,5% (табл. 1). Для сравнения: доля алтайцев среди городского населения Алтая составляла 12%, бурятов в Бурятии — 17,4%, тувинцев в Туве — 41,2%. В этих условиях хакасам было сложнее адаптироваться к городской среде, чем представителям других коренных этносов националь-

2 Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики: <http://www.gks.ru>.

ных регионов Сибири, поскольку помимо этнокультурных проблем адаптации к городу они сталкивались с еще одной трудностью — внешним отличием от основной массы горожан европейской внешности.

Таблица 1. Динамика численности и доля городского населения коренных народов в общей численности городского населения национальных республик Сибири, 1989–2010 годы

	1989		2002		2010	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Алтайцы	6,2	12,0	10,2	19,1	12,7	22,3
Буряты	111,1	17,4	132,5	22,6	147,1	25,9
Тувинцы	59,5	41,2	101,6	64,6	116,7	85,6
Хакасы	22,4	5,5	25,1	6,5	24,4	6,8

Источники: Всесоюзная перепись населения 1989 года; Всероссийские переписи населения 2002, 2010 годов, данные Росстата (на 7 апреля 2020 года).

В постсоветский период адаптация хакасов-мигрантов к городским условиям протекала спокойнее, чем в предыдущие годы. Связано это с тем, что сегодня уже достаточно сложно провести четкую границу между городом и селом: «сельская» среда уже не является типично сельской, особенно если речь идет о селах крупных или расположенных близко к городским поселениям. Жители таких сел часто бывают в городе, а зачастую работают там.

Проведенные среди хакасов социологические опросы свидетельствуют о том, что сельское коренное население республики имеет достаточно широкую и объективную информацию о городском образе жизни. Это обусловлено следующими обстоятельствами. Во-первых, многие респонденты имеют опыт проживания в городе в период получения среднего специального или высшего профессионального образования. Во-вторых, значительная часть респондентов работали или сейчас работают в городе. В-третьих, миграция в города привела к тому, что подавляющее большинство респондентов в сельской местности имеют близких родственников в городах — 98,2% опрошенных в селе хакасов [Кривоногов, 2011]. Контакты же с городскими родственниками и друзьями способствуют распространению урбанистических форм культуры в сельской местности.

В связи с этим феномен маргинализации среди хакасов — мигрантов из села — со временем становится менее выраженным. Проблема их полноценной адаптации в городское общество становится менее острой, но все еще не утрачивает свою актуальность.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 года, численность городского населения Хакасии с 1989 года уменьшилась на 25 тыс. чел. и составила 387 тыс., его удельный вес во всем населении республики составлял 70,8%, то есть понизился на 1,5%. Снижение численности городского населения было характерно как для России в целом, так и для Сибирского региона. Однако по темпам падения удельной численности горожан Хакасия входила в число лидеров среди сибирских регионов, более высокие показатели наблюдались лишь в Алтайском крае и Бурятии.

Всероссийская перепись населения 2010 года подтвердила факт прекращения роста городского населения в стране и Сибири. Хакасия также не стала исключением. Здесь за восемь лет межпереписного периода количество горожан уменьшилось почти на 29 тыс. чел. Доля городского населения республики в общей численности населения снизилась до 67,3%. Снижение доли городского населения в эти годы было зафиксировано также еще в двух субъектах Сибирского федерального округа — Бурятии и Кемеровской области.

В последующем с момента Всероссийской переписи населения 2010 года наблюдался незначительный рост числа горожан: за семь лет на 13 тыс. чел. в Хакасии, достигнув в 2017 году 372 тыс. Это общероссийский тренд. В стране численность городского населения увеличилась почти на 4 млн чел., в Сибири — на 253 тыс.

Темпы роста/снижения численности городского населения существенно различались в разные периоды. В начале 1990-х годов численность городского населения Хакасии существенно не менялась. Но с 1993 года она начала стремительно падать. В 1990-е годы темпы снижения численности горожан республики составляли 0,1–1,8% в год, в среднем за период —

0,7%. Вплоть до 2008 года темпы прироста городского населения оставались отрицательными. В 2000–2007 годах этот показатель в среднем составил также 0,7% в год. Незначительный рост численности горожан в 2008 году (366 чел.) вновь сменился ее падением. В 2009–2011 годах темпы снижения численности городского населения в Хакасии резко возросли (1,5%) в связи с территориально-административными преобразованиями. С 2012 года сокращение численности городского населения прервалось. За шесть лет городское население увеличилось на 12,1 тыс. чел., темпы его роста составили в среднем 0,6% в год.

В постсоветский период увеличилось также количество хакасов-горожан. Их доля в общей численности хакасов возросла с 35,6 до 37,2%. Если в 1989 году удельный вес хакасов во всем городском населении Хакасии составлял 5,5%, то в 2010 году — уже 6,8%. К сожалению, точные данные о количестве хакасов, проживающих сегодня в городских поселениях республики, отсутствуют. То есть на фоне снижения численности городского населения в регионе в 1990–2000-е годы количество горожан-хакасов росло, как и их доля в городском населении республики.

Таблица 2. Динамика изменения численности населения городских поселений Хакасии, 1989–2017 годы

Название поселения	Статус поселения	Численность, чел.			
		1989	2002	2010	2017
Абакан	столица	157 000	165 197	165 214	179 163
Черногорск	город	80 000	73 077	72 147	74 268
Саяногорск	город	50 188	50 255	49 887	48 299
Абаза	город	17 630	18 052	17 115	15 802
Сорск	город	15 130	13 313	12 143	11 504
Аскиз	пгт	4572	5050	5208	4713
Бискамба	пгт	1876	1990	1267	1109
Вершина Теи	пгт	5613	4482	3756	3449
Майна	пгт	6319	5365	5062	4933
Пригорск	пгт	1767	3351	2626	2404
Усть-Абакан	пгт	15 831	14 913	14 578	15 553
Черемушки	пгт	11 832	9067	8373	8170

Источник: составлено по данным Росстата.

В целом с 1989 по 2017 год городское население Хакасии сократилось на 9,7%, в то время как в России без учета Крыма — на 2,7%. Численность горожан упала во всех городских поселениях республики, кроме Аскиза и Абакана (табл. 2). Данные таблицы свидетельствуют о том, что для городских поселений региона были характерны разные векторы динамики их населения. Абакан как региональная столица стал центром притяжения не только сельских мигрантов, но и городских жителей. Сюда в 1990-е годы в том числе устремились жители городов-спутников Абакана — Черногорска и Усть-Абакана. Неблагоприятная социально-экономическая обстановка, особенно высокий уровень безработицы и отсутствие рабочих мест в результате сокращения и закрытия шахт и других предприятий, способствовали оттоку населения в столицу республики. Их население стало расти после того, как в 2010-е годы ситуация в этих поселениях стабилизировалась, что отразилось в росте темпов возведения жилья, снижении безработицы и появлении целого ряда новых социальных объектов. Следует отметить, что многие сельские мигранты теперь стали выбирать в качестве нового места жительства не Абакан с его высокими ценами на аренду жилья, а соседние Черногорск и Усть-Абакан, так как их транспортная доступность позволяет добраться до столицы всего за 15 минут. В остальных городских поселениях региона численность населения перманентно снижалась.

В целом до 2012 года городское население республики сокращалось, затем снова стало расти. С чем связано подобное нелинейное развитие динамики численности горожан? Ответить на этот вопрос можно, обратившись к анализу компонентов изменения численности городского населения.

Источники изменения численности городского населения

Источниками изменения численности городского населения являются административно-территориальные преобразования (смена статуса поселения или расширение административных границ города за счет ближайших сельских поселений), естественный прирост/убыль населения и миграции. С момента распада Советского Союза в административно-территориальном устройстве республики произошли следующие изменения. В 1993 году пгт Орджоникидзевский Орджоникидзевского района был преобразован в сельский населенный пункт, в 1995 году селом стал пгт Бельтырский Аскизского района, годом позже — пгт Балыкса и пгт Бирикчуль Аскизского района, в 1997 году эта же участь постигла пгт Сонский Богградского района, в 2001 году — пгт Приисковый Орджоникидзевского района [Итоги..., 2014]. Таким образом, в период с 1989 по 2002 год шесть поселков городского типа Хакасии сменили свой статус на сельский, суммарная численность проживающего в них населения составляла в 1989 году около 20 тыс. чел. То есть в 1990-е годы основным источником сокращения городского населения в республике было преобразование городских населенных пунктов в сельские: 17 тыс. из 25 тыс. чел.

В дальнейшем тренд на смену статуса городских поселений в регионе сохранился. В 2003 году город Абаза Таштыпского района и город Сорск Усть-Абаканского района были отнесены к категории городов республиканского значения, в 2009 году поселки городского типа Шира, Коммунар, Туим Ширинского района были преобразованы в сельские населенные пункты, из части населения пгт Коммунар были выделены сельские населенные пункты — село Мирный и село Малая Сья, в 2010 году пгт Копьево Орджоникидзевского района был преобразован в сельский населенный пункт, из части населения пгт Бискамба Аскизского района были выделены сельские населенные пункты — поселок Ясная Поляна, поселок при станции Тузуксу, поселок при станции Казынет, а также поселок при станции Ала-Тау. За счет административно-территориальных преобразований в период между переписями 2002 и 2010 годов численность городского населения Хакасии сократилась еще примерно на 20 тыс. чел. (при совокупном сокращении численности горожан на 29 тыс.).

В последние годы все городские поселения республики сохраняют свой статус. Таким образом, в период 1990–2000-х годов именно преобразование городских поселений в сельские стало основным источником снижения численности городского населения. Около 38 тыс. (85 %) потерь городского населения были обусловлены этими преобразованиями.

Статистические данные свидетельствуют о том, что существенную роль в изменении численности городского населения Хакасии играли естественный и миграционный приросты. Картина миграционной подвижности населения в пяти городах Хакасии весьма разнообразна, но в целом вписывается в общероссийские тренды развития городов России различных типов. Так, численность населения Абакана стабильно увеличивалась: за 1991–2017 годы более чем на 20 тыс. чел. Столица всегда привлекала внимание мигрантов своими возможностями. Причем она становилась центром притяжения не только для внутренних мигрантов: также здесь наблюдался приток населения из других регионов страны и ближнего зарубежья.

Несмотря на свой юный возраст (город был основан в 1975 году), положительный естественный прирост в последние годы, близость таких промышленных гигантов, как Саянский и Хакасский алюминиевые заводы, а также Саяно-Шушенская ГЭС, Саяногорск так и не стал привлекательным для мигрантов. Во многом это связано с уровнем социально-бытового обслуживания населения здесь.

В 2010-е годы стабилизировалась численность населения Черногорска. В 2017 году она составила чуть более 74 тыс. чел. Во многом это связано с увеличением рождаемости в городе, но также здесь заметен небольшой миграционный прирост (пока речь идет только о нескольких десятках человек). Население небольших по численности Абазы и Сорска, напротив, стремится покинуть свои населенные пункты. Здесь регистрируется отрицательное сальдо миграции.

Миграция — важный показатель развития городов, так как она непосредственно влияет на возрастную структуру населения, рождаемость, отчасти смертность, влияет на экономическое благополучие. Миграция дает одним городам возможность приостановить падение, для других она является полноценным «вторым руслом» [Карачурина, 2013].

Таблица 3. Источники изменения городского населения Хакасии, 1991–2017 годы, тыс. чел.

Годы	Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост	Административно-территориальные преобразования
За весь период	-43,5	-18,5	11,8	-36,8
1991–1995	-4,3	-4,7	9,0	-8,6
1996–2000	-9,6	-8,7	6,8	-7,7
2001–2005	-12,3	-9,2	-2,4	-0,7
2006–2010	-16,8	0	3,0	-19,8
2011–2015	9,4	3,5	5,9	-
2016–2017	1,8	0,8	1,0	-

Источник: составлено по данным Росстата.

Соотношение трех источников роста численности городского населения варьировалось по годам (см. табл. 3). В начале 1990-х годов убыль городского населения была связана в основном с административно-территориальными преобразованиями. Во второй половине 1990-х годов сокращение горожан происходило как за счет естественной убыли населения, так и за счет продолжавшихся административных преобразований, миграционный прирост в городах оставался положительным. В начале XXI века резко упала численность городского населения республики, так как все три компонента изменения его численности имели отрицательные значения. Ситуация изменилась бы в лучшую сторону с середины 2000-х годов, когда сальдо миграционного прироста в городах вновь стало расти и остановился процесс естественной убыли среди горожан, однако перевод сразу нескольких городских населенных пунктов в разряд сельских отрицательно сказался на численности городского населения. После 2010 года установился тренд на рост численности горожан Хакасии за счет естественного и миграционного прироста.

Таблица 4. Группировка городских поселений Хакасии по факторам изменения численности их населения, 2017 год

Городские поселения	Миграционный прирост (убыль), чел.	Естественный прирост (убыль), чел.
Городские поселения, в которых население сократилось в том числе за счет:		
1. Естественной убыли и миграционного оттока		
г. Абаза	-71	-139
г. Саяногорск	-275	-114
пгт Аскиз	-38	-15
пгт Вершина Теи	-167	-27
пгт Усть-Абакан	-76	-25
2. Превышения миграционного оттока над естественным приростом		
пгт Бискамба	-26	0
3. Превышения естественной убыли над миграционным приростом		
г. Сорск	14	-24
Городские поселения, в которых население увеличилось в том числе за счет:		
4. Естественного и миграционного прироста		
г. Абакан	1967	536
г. Черногорск	416	2

Источник: составлено по данным Росстата.

Таким образом, динамика численности городского населения, источников и темпов его сокращения, а затем роста свидетельствуют о том, что Хакасию практически не затронул общероссийский постсоветский процесс урбанизации. Во-первых, население городских поселений

республики сокращалось не за счет миграции горожан в село, а за счет естественной убыли населения (табл. 4). Во-вторых, динамика численности городского населения в этот период не отличалась стабильностью. После длительного 20-летнего периода сокращения населения городов республики небольшой рост в последние годы не смог компенсировать потери предыдущих лет.

Сельско-городская миграция в регионе

Масштабы и направления сельско-городской миграции во многом определялись социально-экономическим развитием региона. Если в советский период индустриальное освоение Хакасии, строительство заводов и фабрик, промышленных гигантов в рамках формирующегося Саянского территориально-производственного комплекса подталкивали экономически активное сельское население переезжать в город, испытывавший кадровый дефицит, то в постсоветский период причины сельско-городской миграции несколько изменились. В условиях экономически тяжелых 1990-х годов сельские жители республики устремились в города в поисках заработка и лучшей доли, так как в разорившихся совхозах сложно было найти хоть какую-то работу.

Основные причины сельско-городской миграции сегодня все также связаны с социально-экономическими трудностями, характерными для сельской местности, — безработицей и уровнем жизни, низким по сравнению с городом. Массовая безработица в сельской местности — следствие кризиса агропромышленного сектора, который привел к сокращению объемов производимой сельскохозяйственной продукции, снижению заработной платы, ликвидации крупных предприятий [Лушникова, 2018].

Всероссийская перепись населения 2010 года зафиксировала в Хакасии заметно более высокий уровень занятости городского населения, чем сельского. В городской местности из 224 950 чел. трудоспособного возраста трудовой деятельностью были заняты 160 970 чел., то есть 71,6%. В сельских поселениях уровень занятости экономической деятельностью среди лиц трудоспособного возраста был ниже на 9,1 пункта и составлял 62,5% (64 815 чел. из 103 747). Сравнительный анализ уровня жизни городского и сельского населения страны также свидетельствует о наличии целого комплекса социально-экономических проблем в современном российском селе [Быстрицкая, 2015].

Несомненно, часть перебравшихся в город мигрантов, в том числе хакасов, находится в поиске больших возможностей для саморазвития и самореализации. Среди приезжих преобладает молодое население, цель переезда которого в город связана с желанием продолжить образование или с семейными обстоятельствами.

Результаты социологического опроса, проведенного летом 2018 года, свидетельствуют о том же³. Один из вопросов, заданных респондентам, позволяет установить мотивы переезда в город сельских жителей республики. Он был сформулирован следующим образом: «Что побудило Вас уехать из села/деревни?». Опрос подтвердил, что большинство мигрантов вынуждены были переехать в город в связи с отсутствием работы в деревне (24,6% опрошенных). Второй по популярности ответ (если не учитывать тех людей, которые переехали жить в город в детском возрасте по решению родителей) — «желание жить лучше», что продиктовано низким уровнем жизни и отсутствием перспектив в деревне (24,1%), третий — «в связи с учебой» (20,8%). В этой части результаты исследования не противоречат данным подобных этносоциальных опросов в регионе, проводимых в предыдущие годы [Кривоногов, 2011].

Отметим, что хакасы чаще, чем русские, связывают причины своего переезда в город с семейными обстоятельствами: вступление в брак (13,2% опрошенных хакасов и 12% русских) или переезд к детям (2,4% и 1,6% соответственно). Между тем хакасы реже русских перебираются в город из-за учебы детей (5,4% хакасов и 7,4% русских). Связано это не с более низкой степенью образованности среди хакасов, а с более тесными контактами между родственниками, нежели у русских. Зачастую хакаские дети, приехавшие из деревень, обучаясь в городе, живут у родственников или находятся под их контролем и опекой.

³ Основано на полевых материалах автора. Опрос жителей Хакасии в августе 2018 года. Опрос проводился в пяти городах (Абакан, Черногорск, Саяногорск, Сорск, Абаза) и трех поселках городского типа (Аскиз, Бискамажа, Вершина Теи). Было опрошено 1000 чел.

Наиболее мобильной частью населения является молодежь, поэтому неудивительно, что люди именно этой возрастной группы составляют основной массив мигрантов. Опрос 2018 года подтвердил, что большинство опрошенных хакасов переехали жить в город в возрасте до 35 лет (69%). Целью их переезда в город является желание продолжить образование или же семейные обстоятельства. Социологическое исследование адаптивного поведения основных этнических групп Хакасии, проведенное в 2006 году, показало, что среди мигрантов-хакасов примерно половину составляют те, кто состоят в браке и имеют одного-двух детей [Анайбан, 2006].

Остальные мотивы переезда среди хакасов и русских относительно одинаково популярны: низкий уровень жизни и тех и других (37%), скучная и однообразная жизнь в деревне (5,6%), перевод или направление на работу (3,3%), выход на пенсию (1,5%), неблагоприятный климат (0,7%), ухудшение экологической обстановки (0,3%) и другие.

Таким образом, большинство хакасов мигрируют сегодня в города из-за вынужденных обстоятельств. Очевидно, что по этой причине им сложнее адаптироваться к новым условиям. Процесс их адаптации в городской среде зачастую бывает затяжным или вовсе заканчивается тем, что они бывают вынуждены вернуться в сельскую местность. Вместе с тем сегодня эти разнонаправленные процессы миграции населения из села в город и обратно — явление обыденное, своеобразный тренд развития современного общества в аспекте его пространственной мобильности [Нефедова, 2015].

К сожалению, архивы не содержат сведений о направлении сельско-городских миграций, поэтому посчитать точное количество мигрантов в городах и определить их социально-демографические характеристики невозможно. Примерные данные о структуре миграционных потоков и их направленности нам могут дать лишь массовые социологические опросы.

Опрос 2018 года включал в себя перечень вопросов, позволяющих составить таблицу сопряженности места выбытия мигранта и места его жительства в момент проведения исследования. Как и следовало ожидать, результаты опроса показали, что большинство опрошенных переехали в городские поселения республики из сельской местности Хакасии (72%). При этом не замечено наличие связи между размером населенного пункта, откуда выехал мигрант, и его нынешним местом жительства. Скорее на это оказывает влияние географический фактор. Так, например, в Сорске наблюдается небольшое количество мигрантов, приехавших из больших сел численностью более 500 чел. Сам город в радиусе 50 км не имеет крупных сельских поселений.

Традиционным центром притяжения переселенцев являются столичные города. Абакан не стал исключением. Из 474 опрошенных абаканцев, которые переехали жить в город после 1991 года, более четверти (26%) приехали в Республику Хакасия из других регионов (22%) и даже стран (4%), как правило, ближнего зарубежья, из среднеазиатских республик, а также из Донецкой и Луганской областей.

Похожая ситуация сложилась в Черногорске как городе, непосредственно связанном с Абаканом ежедневной маятниковой миграцией, Саяногорске как крупном промышленном центре с развитой социальной инфраструктурой, индустриально развитых Абазе и Вершине Теи, динамично развивающемся Аскизе. Во всех этих поселениях квалифицированные специалисты, а также просто рабочие могут найти работу. В связи со сложной социально-экономической ситуацией Сорск остается малопривлекательным городом для мигрантов из других стран. Бискамжу также не выбирают в качестве места жительства иностранные мигранты, в том числе из-за отсутствия многих объектов социальной сферы, например Дома культуры и больницы.

Хакасы-мигранты, проживающие в городах республики, приехали сюда из сельских поселений Хакасии: 52% из небольших деревень численностью менее 500 чел., 34% из больших сел. Процент прибывших хакасов из-за пределов республики невелик — 14%, из них 11% из других регионов страны, 3% из иностранных государств. У русских респондентов ответы были следующими: большинство (35%) переехали из больших сел региона, по 23% из небольших деревень Хакасии и больших сел других регионов (как правило, речь идет о соседних регионах, таких как Красноярский край, Тыва, в меньшей степени Кемеровская область и Алтай), 14% из небольших деревень других регионов и 5% из сельских населенных пунктов других стран.

Среди мигрантов преобладают женщины (58%), что соответствует многолетней истории наблюдений за этим процессом. Наиболее высокие показатели миграционной активности зафиксированы у хакасов со средним специальным (39%) и высшим (30%) образованием. Несмотря на это, в городе многие из них смогли устроиться только в качестве рабочих (38%).

Лишь каждый четвертый хакас, переехавший жить в город, относится к категории служащих среднего звена (сотрудники или специалисты), среди служащих высшего звена их доля составляет всего 2% опрошенных. Трудятся хакасы-мигранты чаще всего в сфере обслуживания (19% респондентов), строительства (12%), образования и науки (11%).

Миграция в регионе была достаточно интенсивной, о чем свидетельствуют результаты переписей населения. В 2010 году третья часть городского населения (36,2%) с рождения проживала в том населенном пункте, в котором застала их перепись. При этом 16,5% городского населения поменяли свое место постоянного жительства в последние 8 лет перед переписью (в 2003–2010 годах), в том числе 17,8% мужчин и 15,3% женщин.

Интенсивная сельско-городская миграция обостряла проблему формирования городского образа жизни, особенно в небольших по численности городских поселениях. Сельские мигранты «заражают город деревней, ее необязательным по городским меркам отношением ко времени, сугубо партикулярным — к пространству» [Панарин, 2005]. Процесс формирования урбанистической культуры в этих условиях тормозится и напрямую зависит от количества прибывающих в город новых вчерашних сельчан.

В конце 1980-х годов сибирскими учеными была разработана классификация социальной дифференциации городского населения, критерием которой выступала длительность проживания людей в городе [Благосостояние..., 1990]. Согласно данной классификации выделялись следующие группы городского населения:

- 1) категория «чистых» горожан, то есть тех, кто всю жизнь или по крайней мере $\frac{3}{4}$ жизни прожил в городе;
- 2) «преимущественно» горожане — лица, которые провели в городе от половины до $\frac{3}{4}$ жизни;
- 3) преимущественно селяне или полусельские жители; эта часть городского населения провела в городе более $\frac{1}{4}$ и менее половины прожитой жизни;
- 4) городские селяне, то есть лица, прошедшие в селе всю или более $\frac{3}{4}$ своей жизни.

К категории «чистых» горожан в 2010 году можно отнести 78,2% городского населения Хакасии, так как 268,4 тыс. чел. указали в качестве места своего постоянного жительства городское поселение, в котором они родились или прожили большую часть своей жизни. К категории городских селян при этом можно отнести около 15,3% городского населения, указавшего факт своего переезда в недавнем прошлом. При этом последняя цифра является приблизительной, так как, к сожалению, в опубликованных итогах переписи нет возможности проследить, откуда прибыл мигрант, то есть вполне возможно, что это было не сельское, а другое городское поселение.

Роль сельско-городской миграции не стоит недооценивать. Она занимает важное место среди источников роста и динамики численности городского населения (и напрямую, и опосредованно, так как прибывающие в город сельские жители, как правило, в большей степени склонны к средне- и многодетности, чем «чистые» горожане) и влияет на формирование городского образа жизни.

Повлияла сельско-городская миграция и на национальный состав городского населения, а также на урбанизацию коренного населения республики. В связи со сравнительно поздним включением хакасов в процессы урбанизации в регионе, они вписались в уже сложившиеся города, где преобладало русское население, не сформировав собственные городские поселения.

Урбанизация хакасского этноса неизбежно приводит к его трансформации. Например, несмотря на то что процесс этнической консолидации хакасов до сих пор не завершен, стирание границ между хакасскими субэтносами в городе происходит значительно быстрее, чем в деревне. В условиях полиэтнической городской среды хакасы вынуждены быстрее интегрироваться, забывая о существующих субэтнических различиях. Ассимиляционные процессы в городе обостряют проблему этнической идентичности хакасов. Город не только оказывает влияние на национальную хакасскую культуру и традиции, но и формирует новые социальные стратегии поведения хакасов, предугадать последствия которых пока невозможно.

Этносоциологический опрос 2018 года также позволил исследовать миграционные настроения городских жителей⁴. В анкете были представлены вопросы, связанные с желанием респон-

4 Основано на полевых материалах автора. См. сноску 3.

дентов сменить место жительства и его причинами. На вопрос о желании переехать из своего городского поселения утвердительно ответили 30% опрошенных.

Среди основных причин, по которым респонденты хотели бы переехать, чаще всего были названы отсутствие собственного жилья (24%), трудности с устройством на работу (16%), выход на пенсию (16%) и низкая заработная плата (15%).

Главным мотивом смены места жительства среди хакасов является отсутствие собственного жилья в городе (30%), остальные мотивы указывались значительно реже. У русских, помимо названного мотива (18%), популярным является ответ «выход на пенсию» (18%). Также русские чаще хакасов говорят об отсутствии перспектив в городе.

Анализ ответов по направлению потенциальной миграции показал, что 40% потенциальных мигрантов планируют переехать в другой город за пределами Хакасии, 27% — в то село, откуда приехали, 12% — в другой город Хакасии, 9% — в другую страну, 8% — в другое село Хакасии и 4% — в другое село за пределами республики.

Интерес представляет градация ответов респондентов на указанные вопросы, исходя из их места жительства. Менее всего склонными к переезду оказались респонденты отдаленных от центра городских поселений. 93% хакасов, жителей Вершины Теи, не планируют менять место своего проживания. Похожая ситуация наблюдается в Бискамже (86%), Сорске (80%) и Абазе (78%). При этом если жители этих населенных пунктов и планируют уезжать, то либо в другой город республики, либо в село, откуда приехали. Напротив, жители Абакана, Черногорска, Саяногорска и Аскиза мечтали бы уехать жить в города за пределами Хакасии.

В целом сельско-городская миграция — один из важнейших источников роста городского населения. Как социальное явление она неизбежна в условиях формирования урбанистического общества и приводит к распространению модернизирующей силы городов на сельскую местность, так как благодаря сельско-городским связям в сельскую местность проникают не только материальные предметы городской культуры, но и представления, занятия. Между тем последствия этого вида миграции могут быть негативными как для города, так и для села. Для городской местности большой миграционный поток может приводить к ее частичной рурализации, когда мигранты начинают воспроизводить в городе привычный для них сельский образ жизни. Также сельско-городская миграция негативно сказывается на развитии сельских поселений республики. Из-за того что основную часть миграционных потоков составляет молодежь, демографическая ситуация в сельской местности ухудшается.

Изменение системы городского расселения Республики Хакасия

На рубеже XX–XXI веков система городского расселения Хакасии развивалась весьма динамично и не отличалась стабильностью. Трансформация городского расселения всегда являлась отражением политики государства в области социально-экономического развития. Распад Советского Союза, либерализация экономики, социально-экономический кризис — все это повлияло на развитие территориально-поселенческой структуры региона.

В 1989 году, в период проведения последней Всесоюзной переписи населения, городская сеть Хакасии состояла из поселений двух уровней: поселков городского типа и городов (табл. 5). К числу первых относились 18 населенных пунктов, которые подразделялись на поселки при промышленных или транспортных предприятиях (17 населенных пунктов) и при лечебных (курортных) учреждениях (1 поселок). Практически все поселки городского типа появились в период массового градообразования в Сибири в послевоенный период. Исключением были лишь Черемушки, Жемчужный и Пригорск, получившие статус городских поселений в 1970–1980-е годы, в период формирования Саянского территориально-производственного комплекса. Количество поселков городского типа к 2017 году сократилось с 18 до 7. Смена статуса населенного пункта с городского на сельский зачастую была связана с экономическими предпочтениями села: при начислении заработной платы статус сельского поселения для жителей населенного пункта более выгоден, чем статус поселка городского типа.

Количество городов осталось прежним — 5. Однако некоторые из них поменяли свой статус. В 2003 году город Абаза Таштыпского района и город Сорск Усть-Абаканского района Хакасии были отнесены к категории городов республиканского значения. Лишь столичный город Абакан относится к категории «больших» городов (свыше 100 тыс. чел.) согласно устоявшейся классификации урбанистов и имеет право именоваться «настоящим» городом [Гольц, 2002].

Черногорск является «средним» городом. Саяногорск, Абаза и Сорск относятся к категории «малых» городов с численностью менее 50 тыс. чел. Это монопрофильные города (с градообразующим предприятием), что влечет за собой определенные риски: закрытие предприятий или кризис на них могут привести к кризису всего поселения. Такая ситуация, например, сложилась в последние годы в Абазе. Однако наличие значительного количества таких городов сказывается в целом на кризисе городского расселения: их жители, лишившиеся работы, зачастую не имеют возможности для переезда в более крупные многопрофильные города, лишая, таким образом, перспектив развития всю систему городов региона [Горин, 2010].

Таблица 5. Группировка городских поселений Хакасии по численности постоянного населения, 1989–2017 годы

	Число городских поселений				Доля городского населения в них, %			
	1989	2002	2010	2017	1989	2002	2010	2017
Все городские поселения	23	18	14	12	100	100	100	100
в том числе с числом жителей, тыс. чел.								
до 5 тыс.	10	8	5	5	6,6	5,9	3,5	4,5
5–10 тыс.	5	4	3	1	7,4	7,5	5,1	2,2
10–20 тыс.	5	3	3	3	17,2	12,0	12,1	11,6
20–50 тыс.	-	-	1	1	-	-	13,8	13,1
50–100 тыс.	2	2	1	1	31,4	31,9	19,9	20,1
100–250 тыс.	1	1	1	1	37,4	42,7	45,6	48,5
Городов всего	5	5	5	5	100	100	100	100
в том числе с числом жителей, тыс. чел.								
до 5 тыс.	-	-	-	-	-	-	-	-
5–10 тыс.	-	-	-	-	-	-	-	-
10–20 тыс.	2	2	2	2	10,4	9,8	9,2	8,3
20–50 тыс.	-	-	1	1	-	-	15,8	14,6
50–100 тыс.	2	2	1	1	40,9	38,6	22,8	22,6
100–250 тыс.	1	1	1	1	48,7	51,6	52,2	54,5
Поселков городского типа всего	18	12	9	7	100	100	100	100
в том числе с числом жителей, тыс. чел.								
до 5 тыс.	10	7	5	5	28,4	34,5	27,9	41,2
5–10 тыс.	5	4	3	1	31,8	43,2	40,5	20,2
10–20 тыс.	3	1	1	1	39,8	22,3	31,6	38,6
20–50 тыс.	-	-	-	-	-	-	-	-
50–100 тыс.	-	-	-	-	-	-	-	-
100–250 тыс.	-	-	-	-	-	-	-	-

Источник: составлено по данным Росстата.

Показательно, что численность населения города Сорска составляет менее 12 тыс. жителей, то есть ниже принятой в стране квалиметрической нормы городского поселения в статусе города. Они сохраняют статус города, так как имели его раньше или благодаря историческим событиям [Коломак, 2015]. В то же время численность поселка городского типа Усть-Абакан уже превышает показатель в 15 тыс. чел. Отсутствие четких критериев отнесения поселений к категории городских или сельских, особенно в отношении малых городов, наводит на мысль о невозможности определения уровня урбанизированности региона только на основе количественных изменений этого показателя.

О степени урбанизированности региона можно судить также по структуре расселения городских жителей. Количество людей, проживающих в «настоящих» городах Хакасии, то есть в городе Абакане, постоянно растет. Если в 1989 году здесь проживало 37,4% всех горожан, то сейчас — 48,5%. Таким образом, сегодня «настоящим горожанином» может назвать себя практически каждый второй городской житель республики. Следует оговориться, что пред-

лагаемая урбанистами классификация городских поселений является условной. Остальные горожане проживают в «средних» (20,1%) городах и «малых» (24,7%) городских населенных пунктах. 6,7% городского населения республики проживает в небольших поселках городского типа численностью до 10 тыс. чел.

В постсоветский период установился тренд на концентрацию горожан в крупных городских населенных пунктах. Население столичного Абакана выросло с 1989 года на 22 тыс. чел. Соотношение городского населения между поселками городского типа и городами выросло в пользу последних. В 1989 году в городах проживало 76,7% городского населения региона, в 2017 году — 89,1%. Количество городских населенных пунктов людностью до 10 тыс. чел. сократилось с 15 до 6.

За последние годы увеличился и уровень урбанизационного развития Хакасии — речь идет о специальном показателе, который позволяет оценить степень реальной урбанизации региона исходя из доли городского населения, проживающего в «настоящих» городах. Если в 1989 году в Хакасии он составлял 34,4%, то в 2017 году — 37,1%. Вместе с тем это очень низкие показатели уровня урбанизационного развития. Для сравнения: в 1991 году этот показатель в среднем по России уже составлял 46%, по Восточной Сибири — 40% [Славина, 2007]. Таким образом, по уровню реальной урбанизации Республику Хакасии можно отнести к слабоурбанизированным регионам.

Сеть городских поселений Хакасии отличается неравномерным распределением по территории республики. Большинство из них находятся на востоке региона, на границе с Красноярским краем. Только в 3 из 8 районов Хакасии имеются городские поселения — это Усть-Абаканский, Аскизский и Таштыпский районы.

Неравномерное распределение городских поселений по территории Хакасии обусловлено как природно-географическими особенностями региона, так и экономическим развитием его районов в советский и постсоветский периоды. Большую роль при генезисе городских поселений всегда играет наличие крупных рек (в Хакасии это Енисей и Абакан, вдоль которых сегодня и расположено большинство городских поселений), полезных ископаемых. Также решающее значение имеет степень развитости транспортной инфраструктуры, системы развития различных отраслей народного хозяйства региона. В связи с тем, что Хакасия на протяжении длительного времени была частью Красноярского края, между ними установились прочные социально-экономические связи. Формировавшийся с 1970-х годов Саянский территориально-производственный комплекс был призван еще сильнее укрепить их. Поэтому неудивительно, что и многие городские поселения республики находятся в непосредственной близости от поселений Красноярского края и до сих пор связаны с ним не только экономически. Достаточно вспомнить, что, по оценкам исследователей, ежедневный поток маятниковой миграции между Абаканом и Минусинском сегодня составляет около 1000 чел.

Для Хакасии характерна высокая степень использования агломерационного потенциала. Еще в советские годы при планировании развития городов Абакана и Черногорска речь шла о создании единой Абакано-Черногорской агломерации. По существу, с точки зрения ежедневного маятникового передвижения населения эта агломерация уже сложилась, и здесь сосредоточена большая часть городского населения республики — 73,8%. Черногорск как город-спутник столичного Абакана в советский период развивался достаточно динамично. В те годы было принято строить жилые зоны в непосредственной близости от рабочих мест, поэтому и не было необходимости в масштабных маятниковых миграциях. Кризис 1990-х годов сильно ударил по благополучию Черногорска. Закрытие предприятий, безработица, скромный бюджет муниципалитета и другие социально-экономические проблемы способствовали тому, что обороты ежедневной маятниковой трудовой миграции между городом-центром Абаканом и городом-спутником Черногорском постоянно росли.

Концентрация населения в зоне агломерации приносит неоднозначные последствия: с одной стороны, территория агломерации за счет численности населения имеет стимул и ресурс социально-культурного и торгового развития; с другой стороны, стягивание населения (как правило, трудоспособного возраста) в одной географической точке ведет к росту дисбаланса в размещении многих отраслей экономики, сфер бизнеса, социальных объектов.

Неудивительно, что именно столичный Абакан постепенно стал многофункциональным центром, выполняя помимо административно-хозяйственных функций индустриально-транспортные и торговые, что повлекло за собой рост мобильности капитала, превращение

города в финансовый, культурный, научный центр Хакасии и, следовательно, увеличение миграционного потока населения.

Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН было проведено исследование особенностей урбанистической системы Сибири и Дальнего Востока, которое показало, что на востоке России крупный город является «административным центром, близко расположенным к железной дороге, с относительно высокой заработной платой. В отличие от России в целом дефицит жилого фонда и обеспеченность инфраструктурой не являются значимыми характеристиками большого города на востоке страны. При этом административный ресурс в Сибири и на Дальнем Востоке оказывается более важным, чем для страны в целом» [Коломак, 2015]. Эти характеристики большого города соответствуют столице Хакасии.

Уже сегодня Абакан обрастает поселениями-спутниками, что неизбежно ведет к росту пригородных зон. Например, за счет миграции растет население таких сельских населенных пунктов в черте Абакано-Черногорской агломерации, как Опытное, Подсинее, Калинино, Сапогово, Чапаево и т. д. Ответить на вопрос, откуда и по каким причинам прибывают эти мигранты, без специального исследования невозможно. Известны практики переезда в пригород жителей Абакана, желающих жить на земле и иметь свой собственный частный дом (в черте города стоимость такого жилья слишком высока), и, напротив, переезд в пригороды сельских жителей, которые опять же во многом по причине дороговизны жилья в столице предпочитают селиться в ее окрестностях. Насколько сильны два эти потока, определить пока невозможно.

Абакан в настоящее время является крупным городом, для которого характерна многопрофильная специализация экономики. Остальные города Хакасии включены в перечень монопрофильных населенных пунктов, специализирующихся на добыче полезных ископаемых. Причины, по которым пять городских населенных пунктов Хакасии (города Абаза, Саяногорск, Сорск и Черногорск, рабочий поселок Вершина Теи) наряду с 336 другими поселениями России включены в список моногородов страны, коренятся в политике советской власти, проводимой в послевоенный период и направленной на рассредоточение производства из крупных городов, а также на привлечение рабочей силы из местного и сельского населения. Сегодня численность хакасских моногородов составляет около 158 тыс. чел., включая население села Туим, вошедшего в федеральный список моногородов. Это 29% всего населения Хакасии или 43% городского населения республики.

Таким образом, 80% городов Хакасии — это небольшие города с населением до 100 тыс. чел., при этом все они относятся к монопрофильным — их производственные структуры жестко привязаны к предприятиям одной отрасли. Это весьма неблагоприятная структура городского расселения, в основе которой уже заложены причины и механизмы возможных кризисных явлений в будущем.

Заключение

Урбанизация в Хакасии отличается территориальной неравномерностью. Для разных городских населенных пунктов характерны различные векторы урбанизационных процессов. Их вариативность зависит от структурно-функционального типа поселения, его удаленности от столицы, социально-экономического благополучия. Данное явление во многом является специфической чертой постсоветской модели урбанизации, так как сегодня городские поселения региона в условиях рынка, отсутствия прямого контроля со стороны центральных органов управления, деиндустриализации фактически «отправлены в свободное плавание» и имея за собой различный набор ресурсов, находятся в поисках собственного пути развития. Очевидно, что в таких условиях разнонаправленность урбанизационных процессов неизбежна.

Субурбанизация — один из нескольких векторов городского развития региона. Пригородные зоны Абакано-Черногорской агломерации сегодня представляют собой уникальное для Хакасии явление. С одной стороны, они являются местом притяжения для абаканцев. При этом говорить о том, что в этом случае здесь формируется субурбанизация западного типа, пока рано. С другой — в пригородные зоны переезжают сельские мигранты, что является проявлением традиционной урбанизации. Таким образом, данные процессы свидетельствуют о формировании новых трендов в урбанизации региона, что позволяет выделить постсоветский период в отдельный этап городского развития Хакасии.

Источники

- Анайбан З.В. (2006) Степень адаптации и факторы адаптационного поведения основных этнических групп Республики Хакасия к новым условиям жизни (по материалам этносоциологического исследования): информационно-аналитический бюллетень №3. М.: Институт востоковедения РАН.
- Баранцева Н.А. (2011) Этносоциальные и этнодемографические процессы на юге Средней Сибири в конце XIX – начале XX вв. Абакан: Издательство ХГУ им. Н.Ф. Катанова.
- Благосостояние городского населения Сибири: проблемы дифференциации (опыт социологического изучения) (1990) Новосибирск: Наука. Сибирское отделение.
- Быстрицкая А.Ю., Шатохин М.В. (2015) Сравнительная характеристика уровня жизни городского и сельского населения//Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. № 2. С. 20–21.
- Гольц Г.А. (2002) Культура и экономика России за три века. XVIII–XX вв. Т. 1. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Горин Н., Нещадин А. (2010) Тенденции трансформации системы городского расселения в России//Общество и экономика. № 12. С. 140–149.
- Итоги Всероссийской переписи населения: в 14 т. Т. 1. М.: Статистика России, 2004.
- Карачурина Л. (2013) Демографические трансформации городов постсоветской России//Региональные исследования народонаселения. № 3. С. 23–36.
- Кискидосова Т.А. (2012) Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Абакан: Журналист.
- Коломак Е.А. (2015) Урбанистическая система Сибири и Дальнего Востока: эволюция, особенности, детерминанты//Интерэкспо ГЕО-Сибирь. Т. 3. № 1. С. 106–115.
- Кривоногов В.П. (2011) Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. Абакан: Хакасское книжное издательство.
- Кышпанакоев В.А. (1995) Население Хакасии: 1917–1990-е гг. Абакан: Издательство ХГУ им. Н.Ф. Катанова.
- Лушников О.Л. (2018) Социальная адаптация сельских мигрантов: теоретические и эмпирические аспекты исследования//Дискуссия. № 6. С. 48–59.
- Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. (2015) Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности//Социологические исследования. № 12. С. 60–69.
- Панарин С.А. (2005) Казахстан: города и урбанизация в межпереписной период (1989–1999)//Вестник Евразии. № 3. С. 48–70.
- Славина Л.Н. (2007) Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева.

ELENA TINIKOVA

THE MAIN DIRECTIONS OF URBANIZATION IN KHAKASSIA IN THE POST-SOVIET PERIOD

Elena E. Tinikova, PhD in History, Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History; 23 Shchetinkina street, Abakan, 655017, Russian Federation, tel.: +7 929 319 11 84

E-mail: lena.tinikova@mail.ru

Abstract

This article studies the development of urbanization in the Republic of Khakassia from 1991 to 2017. The author analyzes the quantitative indicators of urbanization and considers the factors that influenced the size of urban population in the region. Using official statistical data, the features of the development of the urbanization process are identified. From 1989 to 2017, the urban population of Khakassia decreased by 9.7% compared to the average Russian decrease of 2.7%. However, Khakassia was not affected by the nationwide post-Soviet process of ruralization. The main factor in the decline in the urban population during this period was the transformation of urban settlements into rural ones, which was responsible for 80% of the losses of the urban population. Another significant factor was the natural decline in the population. Special attention is paid to the issue of urbanization of Khakass and the problems of their adaptation to the city. During this period, the share of Khakass in the urban population grew, while migration from villages was due to unemployment and low living standards. Urban life for the Khakass erases the boundaries between Khakass sub-ethnic groups is much faster than in villages. The main features and trends of the evolution of the urban settlement system in the republic are also discussed.

Keywords: urbanization; Khakassia; urban population; rural-urban migration; urban settlement system; company town

Citation: Tinikova E. (2020) The Main Directions of Urbanization in Khakassia in the Post-Soviet Period. *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 4, pp. 87–102. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp54202087-102>

References

- Anajban Z.V. (2006) Stepen' adaptacii i faktory adaptacionnogo povedeniya osnovnyh etnicheskikh grupp Respubliki Hakasiya k novym usloviyam zhizni (po materialam etnosociologicheskogo issledovaniya): informacionno-analiticheskij byulleten' № 3 [The Degree of Adaptation and Factors of Adaptation Behavior of the Main Ethnic Groups of the Republic of Khakassia to New Living Conditions (Based on the Materials of Ethnosociological Research): Information and Analytical Bulletin No. 3.]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN [Institute of Oriental studies RAS]. (in Russian)
- Barantseva N.A. (2011) Etnosotsialnyye i etnodemograficheskiye protsessy na yuge Sredney Sibiri v kontse XIX – kontse XX vv. [Ethnosocial and Ethnodemographic Processes in the South of Central Siberia in the Late XIX–Late XX Centuries]. Abakan: Izdatelstvo KhGU im. N.F. Katanova [Publishing House of the KHSU Named after N. F. Katanov]. (in Russian)
- Blagosostoyanie gorodskogo naseleniya Sibiri: problemy differenciacii (opyt sociologicheskogo izucheniya) (1990) [Welfare of the Urban Population of Siberia: Problems of Differentiation (Experience of Sociological Study)]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie [Science. Siberian Branch]. (in Russian)
- Bystrickaya A.YU., Shatohin M.V. (2015) Sravnitel'naya karakteristika urovnya zhizni gorodskogo i sel'skogo naseleniya [Comparative Characteristic of Living Standards of Urban and Rural Population]. *Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj sel'skohozyajstvennoj akademii* [Vestnik of Kursk State Agricultural Academy], no 2, pp. 20–21. (in Russian)
- Gol'c G.A. (2002) Kul'tura i ekonomika Rossii za tri veka. XVIII – XX vv. T.1 [Culture and economy of Russia for three centuries. XVIII-XX centuries. Vol. 1.]. Novosibirsk: Sibirskij hronograf [Siberian chronograph]. (in Russian)
- Gorin N., Neshchadin A. (2010) Tendencii transformacii sistemy gorodskogo rasseleniya v Rossii [Tendencies of Transformation of the System of Urban Settlements in Russia]. (in Russian)

- ment in Russia]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economy], no 12, pp. 140–149. (in Russian)
- Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya: v 14 t. T. 1 (2004) [Results of the All-Russian Population Census: In 14. Vol. 1.]. Moscow: Statistika Rossii [Statistics of Russia]. (in Russian)
- Karachurina L. (2013) Demograficheskie transformacii gorodov postsovetskoj Rossii [Demographic Transformations of Cities of Post-Soviet Russia]. *Regional'nye issledovaniya narodonaseleniya* [Regional Studies of Population], no 3, pp. 23–36. (in Russian)
- Kiskidosova T.A. (2012) Povsednevnyaya zhizn gorozhan Eniseyskoj gubernii vo vtoroy polovine KhKh – nachale KhKh veka [Everyday Life of Citizens of the Yenisei Province in the Second Half of the XIX – early XX Century]. Abakan: Zhurnal'ist [Journalist]. (in Russian)
- Kolomak E.A. (2015) Urbanisticheskaya sistema Sibiri i Dal'nego Vostoka: evolyuciya, osobennosti, determinanty [Urbanistic System of Siberia and the Far East: Evolution, Features, Determinants]. *Interexpo GEO-Sibir'* [Interexpo GEO-Siberia], vol. 3, no 1, pp. 106–115. (in Russian)
- Krivosnogov V.P. (2011) Hakasy v nachale XXI veka: sovremennye etnicheskie process [Khakasy at the Beginning of the XXI Century: Modern Ethnic Processes]. Abakan: Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo [Khakass Book Publishing House]. (in Russian)
- Kyshpanakov V.A. (1995) Naseleniye Khakasii: 1917–1990-e gg. [Population of Khakassia: 1917–1990-e.]. Abakan: Izdatel'stvo KhGU im. N.F. Katanova [Publishing House of the KHSU Named after N.F. Katanov]. (in Russian)
- Lushnikova O.L. (2018). Social'naya adaptaciya sel'skih migrantov: teoreticheskie i empiricheskie aspekty issledovaniya [Social adaptation of rural migrants: theoretical and empirical aspects of the study]. *Diskussiya* [Discussion], no 6. pp. 48–59. (in Russian)
- Nefedova T.G., Pokrovskij N.E., Trejvish A.I. (2015) Urbanizaciya, dezurbanizaciya i sel'sko-gorodskie soobshchestva v usloviyah rosta gorizonta'noj mobil'nosti [Urbanization, Deurbanization and Rural-Urban Communities in the Conditions of Horizontal Mobility growth]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Researches], no 12, pp. 60–69. (in Russian)
- Panarin S.A. (2005) Kazahstan: goroda i urbanizaciya v mezhperepisnoj period (1989–1999) [Kazakhstan: cities and urbanization in the inter-census period (1989–1999)]. *Vestnik Evrazii* [News of Eurasia], no 3, pp. 48–70. (in Russian)
- Slavina L.N. (2007) Sel'skoe naselenie Vostochnoj Sibiri (1960–1980-e gg.) [Rural Population of Eastern Siberia (1960–1980s)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskij gos. ped. un-t im. V. P. Astafeva [Krasnoyarsk State Pedagogical University. UN-t im. V.P. Astafyeva]. (in Russian)

ЭТИБАР БАДАЛОВ

АГЛОМЕРАЦИИ АЗЕРБАЙДЖАНА:

ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Бадалов Этибар Санан оглы, PhD по географии, доцент, Институт Географии НАН Азербайджана; Азербайджан, AZ 1143, г. Баку, пр. Г. Джавида, 115.

E-mail: badalov.1958@mail.ru

В статье анализируется историческое развитие и формирование процесса субурбанизации и его влияние на городское расселение Азербайджана. Анализируется динамика роста населения и особенности демографических процессов, а также проблемы социально-экономического развития в городских агломерациях. Так, в постсоветский период произошло увеличение территорий агломераций за счет сельских поселений, получивших статус городского поселка. Происходят функциональные изменения периферии Бакинской и Гянджинской агломераций, где формируются новые промышленные парки, зоны размещения научно-исследовательских организаций и предприятий высоких технологий, а также агропарки и сосредоточения объектов сферы услуг. Автор выявляет трансформации территориальной организации больших и крупных городских агломераций.

Проведен анализ воздействия урбанизации на демографические процессы, в том числе на изменение естественного и миграционного движения населения, половозрастной структуры и брачно-семейного состава населения.

В агломерациях сосредоточено 72,5% всего городского населения республики, и его численность быстро растет. Основным компонентом такого роста является естественный прирост (более 70%), тогда как миграция обеспечивает чуть более 10% прироста. За последние годы произошло неуклонное снижение показателей коэффициентов рождаемости и естественного прироста, снижаются показатели заключения браков и увеличивается количество разводов.

Ключевые слова: субурбанизация; агломерация; город-спутник; пригород; демографические процессы

Цитирование: Бадалов Э.С. (2020) Агломерации Азербайджана: тенденции демографического и социально-экономического развития // Городские исследования и практики. Т. 5. № 4. С. 103–111. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp542020103-111>

Постановка проблемы

В постсоветский период в условиях рыночных отношений в Азербайджане происходят изменения в формировании агломераций, развивается субурбанизация. В зонах притяжения крупных городов возникают тесные связи между ними и пригородами, в том числе сельскими поселениями. Этот процесс не вписывается в рамки существующего административно-территориального деления страны. Развитие Бакинской и других агломераций происходило стихийно, однако в последние годы разрабатываются стратегии развития городов. В случае Баку такая стратегия разрабатывается сразу для агломерации.

Ключевую роль в индустриализации всего Абшеронского экономического района, в состав которого входит Баку, играет нефтегазовая промышленность, определяющая темпы экономического и социального развития Азербайджана. Абшеронский нефтяной район и город Баку с самого начала промышленной нефтедобычи развивались не как две различные подсистемы, а как единое целое. Наличие нефти в Абшероне придало резкое ускорение развитию Баку и способствовало формированию нефтедобывающего района [Эфендиев, 2005, с.321]. Бакинская агломерация как в советские, так и в постсоветские времена играет важную роль в структуре народного хозяйства и является «локомотивом» урбанизации в республике.

Городские агломерации Азербайджана находятся на разных этапах развития: Бакинская — полностью сформировавшаяся, Гянджинская — на среднем этапе формирования, остальные, в том числе Мингечевир, Ширван, Нахичевань и Ленкорань, новообразованные. Баку как столица Азербайджанской Республики возглавляет рейтинг (иерархию) городов благодаря не только численности населения, но и многообразию и масштабам своих функций. Ступенью

ниже находится Гянджа, которая представляет собой второй центр республики, Сумгайыт — город-спутник Баку, Мингечевир — город республиканского значения, а также большие города, являющиеся центрами регионов. К последним относятся Ширван, Нахичевань и Ленкорань, в которых уровень развития агломерации заметно ниже.

На современном этапе крупные городские агломерации являются ключевым звеном расселения, для них характерно интенсивное развитие градостроительства. Важным аспектом изучения агломерации является исследование формирования их внешних зон, главная проблема которых — создание оптимальных условий для жизни городского населения и развития городской инфраструктуры. Создание новых промышленных парков вокруг крупных городов усиливает производственные, культурные, бытовые, трудовые и другие связи между центром и пригородами.

При анализе демографических процессов в постсоветский период можно выделить два этапа: 1) 1991–2004 годы, когда процессы развивались медленными темпами, и 2) 2005–2015 годы, когда рост численности населения в агломерациях шел ускоренными темпами. На втором этапе в городских агломерациях численность населения увеличилась под влиянием высокого уровня естественного прироста, а доля миграции в общем приросте уменьшилась. Лишь в Бакинской агломерации сальдо миграции всегда было положительно и затрагивало в основном пригородную зону. Для остальных агломераций до недавнего времени было характерно отрицательное сальдо миграции.

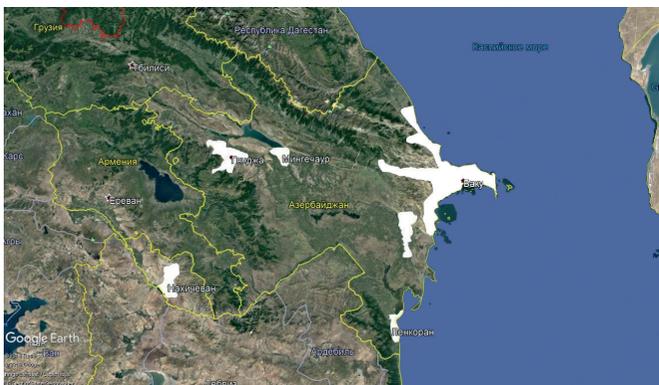
Состояние проблемы

Вопросы городского расселения непосредственно связаны с социально-экономическими факторами и поэтому значительный вклад в развитие проблематики городов среди ученых внесли исследователи-географы, среди которых городским расселением активно занимались советские ученые В. Давидович [Давидович, 1964], С. Ковалев [Ковалев, 1980], И. Маергойз [Маергойз, 1987], Г. Лаппо [Лаппо, 1997], Е. Перцик [Перцик, 1999], Ю. Пивоваров [Пивоваров, 1999], из зарубежных авторов — Ж. Боже-Гарнье, Ж. Шабо [Боже-Гарнье, Шабо, 1967], П. Холл [Холл, 2012], Н. Блюменфелд [Blumenfeld, 1968], С. Сассен [Sassen, 1994], Й. Нинг [Ning, 2011] и др. В советской науке первая попытка характеристики городских агломераций была сделана В. Давидовичем. В Азербайджане этой проблеме посвящены работы А. Гаджизаде [Гаджизаде, 1965], В. Эфендиева [Эфендиев, 2005], З. Эминова [Эминов, 2005] и других ученых.

Развитие субурбанизации в Азербайджане

Первые агломерации, или групповые формы городского расселения, стали складываться в США в начале XX века [Шувалов, 1977]. В Азербайджане формирование пригородного расселения также началось довольно рано. В связи с развитием нефтяной промышленности в конце XIX века на Абшероне вспыхнула быстрая урбанизация. За короткое время Баку превратился в крупнейший промышленный город Азербайджана и Кавказа. Первый этап формирования Бакинской агломерации приходится на 1903–1913 годы: в 1903 году на окраинах города был создан промыслово-заводской район. В его состав входило 12 сел и более 10 рабочих поселков, а численность населения составляла 51 тыс. чел. К 1913 году число жителей выросло до 119 тыс. Второй этап охватывает 1930–1970-е годы, когда в республике стала проводиться политика индустриализации. В 1933–1940-е годы результатом этой политики стало создание на базе сел 26 поселков городского типа, а также строительство 12 новых поселков. В послевоенные 1945–1970-е годы в пригородной зоне Баку было основано 17 поселков городского типа, 6 из которых возникли на базе сел, а 11 были вновь построены. В это же время началось строительство Сумгайыта как города-спутника. В 1959 году по числу поселений-спутников Бакинская агломерация занимала второе место в СССР [Давидович, Хорев, 1961]. В состав Бакинской городской агломерации (БГА) входили город-спутник Сумгайыт, 47 городских поселений и 9 сел.

В советское время, несмотря на политику сдерживания роста населения, число жителей Баку стремительно росло. В 1926–1959 годах население Баку увеличивается на 41,7%, а пригородов — на 93,3%, в 1959 и 1970 годах — соответственно на 32,5 и 51,7%, в 1970 и 1989 годах — на 28,0 и 60,0% [Бадалов, 2014]. В середине XX века Баку был моноцентрической агломерацией, для нее было характерно густое скопление спутников средней и малой величины. В 1959 году по числу поселений-спутников Бакинская агломерация занимала второе место в СССР [Давидович, Хорев, 1961].

Картографические данные © Google, 2018

Рис. 1. Агломерации Азербайджана (в том числе Бакинская агломерация в перспективе)

Источник: составлено автором.

рационально регулировался рост городов. В 1960-е годы на базе использования местных природных ресурсов формируются новые промышленно-производственные комплексы, такие как Гянджа-Дашкесан, Мингачевир-Евлахский и Ширван-Сальянский. Новые города — Мингачевир, Ширван (Али-Байрамлы), Сумгайыт — становятся центрами новых промышленных узлов. На основе этих комплексов формируются новые агломерации. Они имели благоприятные транспортные условия, в них концентрировались промышленность и трудовые ресурсы. В процессе эволюции этих городов усложнялись их экономические функции, увеличивались их территории и численность населения, изменялся социально-демографический состав.

Таблица 1. Городские агломерации Азербайджана

Агломерация	Состав		Численность населения тыс. чел.	Площадь территории тыс. км ²	Средняя плотность чел./км ²
	города	районы			
Бакинская	Баку, Сумгайыт, Хырдалан, Хызы	Бакинские (12-городские), Абшерон, Хызы	2850,0	4860	586
Гянджинская	Гянджа, Самух, Гейгель, Шамкир, Дашкесан, Далимамедли	Самух, Гейгель, Шамкир, Дашкесан, Геранбой	478,5	1840	260
Мингачевирская	Мингачаур, Евлах	Евлах	174,8	680	257
Ширванская	Ширван, Сальяны, Гаджикабул	Сальяны, Гаджикабул	168,2	790	210
Нахиванская	Нахичевань, Джульфа, Бабек	Бабек, Джульфа Кенгерли	119,0	970	123
Ленкоранская	Ленкоран, Лиман	Ленкоран	88,6	560	158

Источник: [Демографические..., 2019].

В период независимости страны Бакинская и Гянджинская агломерации развивались более быстрыми темпами и увеличили свои территории почти в два раза, также увеличилось число их спутников — городов и поселков (табл. 1, 2). В начале 1990-х годов в БГА сформировалось

Баку является основным центром урбанизации и индустриальным ядром страны, для него характерна территориальная сосредоточенность промышленного производства. За этот период в Баку были проведены крупные работы по жилищному и культурно-бытовому строительству, благоустройству и озеленению, развитию инженерных и транспортных систем. Бурное жилищное строительство и развитие промышленности в пригородной зоне, а также город-спутнике Сумгайыте, который стал промышленным центром нефтехимии и металлургии, ускорили процесс субурбанизации в Бакинской агломерации.

В республике в условиях социалистической системы хозяйствования

11 поселков: из них 9 новопостроенные и 2 возникли на базе сел. Поселки Хырдалан и Хызы стали городами (2008). В 1990-е годы вокруг Баку в силу разных причин началась хаотичная индивидуальная застройка. За короткое время на территории пригородной и агропромышленной зон были построены десятки поселений. По неофициальным данным, численность наличного населения агломерации составляет более 5 млн чел., в том числе более 0,5 млн беженцев, для которых государство построило десятки новых поселений. Регулирование развития Бакинской агломерации требует решения главной проблемы, заключающейся в том, что более 500 тыс. индивидуальных домов не имеют регистрации, в них проживают более 2 млн чел., не имеющих прописки и не относящихся к постоянному населению, и также временно проживают более 500 тыс. беженцев. На расстоянии 10–20 км от ядра находятся семь сел, численность населения которых составляет 46,4 тыс. чел. Однако без прописки здесь проживают более 200 тыс. чел. На месте села Масазыр сформировался новый современный город с населением более 100 тыс. чел. (но официально это поселение числится селом). В последние десятилетия вокруг городского ядра и в Сумгайыте формируются современные промышленные парки, а на побережье Абшеронского полуострова — курортные зоны.

Таблица 2. Городские агломерации Азербайджана в период независимости

Агломерация	Спутники в составе агломераций				Численность населения		Темпы прироста, 1991–2019 годы, %
	города		поселки		тыс. чел.		
	1991	2019	1991	2019	1991	2019	
Бакинская	1	3	57	72	2069,8	2803,6	35,5
Гянджинская	2	5	15	30	331,4	478,5	44,4
Мингачевирская	1	1	1	4	143,3	174,8	22,0
Ширванская	2	2	4	8	124,6	168,2	35,0
Нахичеванская	1	1	3	4	72,2	109,0	51,0
Ленкоранская	1	1	6	8	74,6	88,6	18,8

Источники: [Население..., 1991], [Демографические..., 2019], [Административные..., 2013].

В постсоветском периоде гянджинская агломерация увеличила свои границы в западном направлении, и в состав ее спутников вошли город Шамкир и семь поселков этого района, а также в северном и восточном направлении ее спутниками стали города Самух и Далимамедлы. Продолжалось формирование Мингачевирской и Ширванской агломераций, началось формирование таких новых агломераций, как Нахичеванская и Ленкоранская. Нахичеванская агломерация имеет большие перспективы, за короткое время пригород превратился в современный промышленный район. Нахичеванская агломерация увеличила свои границы в восточном направлении, и в качестве спутников в ее состав вошли города Джульфа и Бабек. В Нахичеванском городском округе имеется 1 поселок и 5 сел, численность населения этих сел составляет более 10 тыс. чел. Кроме того, с городом с восточной стороны сливаются семь сел, с населением более 22 тыс. чел. В Ленкоранской агломерации с городскими границами сливаются 8 сел с населением до 24 тыс. чел. и 2 поселка с населением до 7,7 тыс. чел. В перспективе возможно увеличение территории ядер агломерации, так как происходит создание городской инфраструктуры вблизи сел.

Развитие демографических процессов

Демографические процессы, происходящие в городах Азербайджана в последние десятилетия, не только отражают современное положение, но и влияют на будущее состояние урбанизированных территорий [Хуснитдинова, 2016]. В постсоветский период (1991–2019) демографический рост городов происходит более медленными темпами. Рост численности городского населения составил 36,7% — с 3858,3 тыс. до 5273,9 тыс. чел. Доля городского населения в республике уменьшилась до 52,8%. Численность городского населения в агломера-

циях, напротив, увеличилась на 35,8% — с 2815,9 тыс. до 3823,1 тыс. чел. (табл. 2). Динамика численности городского населения такова, что между 1991 и 2004 годами процессы субурбанизации развивались медленными темпами, но после 2005 года эти процессы ускорились. Общий прирост населения агломераций республики в 2005–2018 годах составил 1061,8 тыс. чел., в том числе за счет естественного прироста — 666,3 тыс. (62,8%). Около 20% прироста пришлось на миграционный прирост и около 17% — на вновь формирующиеся городские поселения.

Бакинская агломерация — один из самых развитых урбанизированных районов Азербайджана. На его долю приходится 7% территории, 53% городского населения страны, и только здесь миграционный прирост имел высокий показатель. За последние десятилетия из-за высокого роста социально-экономического развития произошло ускорение трансформации в транспортной инфраструктуре и градостроительстве. Эти процессы повлияли на трудовые миграции и интенсивность транспортного сообщения, а также увеличились границы агломерации в пределах полуторачасовой транспортной доступности. В этих границах число городов-спутников увеличилось до семи, а численность населения — до 3 млн чел.

Таблица 3. Демографические процессы в городских агломерациях Азербайджана (на 1000 чел.)

Агломерация	Естественный прирост			Рождаемость			Смертность		
	2000	2010	2018	2000	2010	2018	2000	2010	2018
Бакинская	6,2	10,9	7,2	11,8	16,5	12,9	5,6	5,6	5,7
Гянджинская	4,7	8,1	4,7	10,4	14,4	11,3	5,7	6,3	6,6
Мингачевирская	5,8	10,0	8,2	10,6	15,3	14,6	4,8	5,3	6,4
Ширванская	7,9	10,5	7,0	13,4	16,5	13,2	5,5	6,0	6,2
Нахичеванская	8,2	18,0	5,9	13,3	21,8	10,8	5,1	3,8	4,9
Ленкоранская	5,2	9,1	5,0	13,3	16,7	12,4	8,1	7,6	7,4

Источник: [Демографические..., 2019].

В современной демографической ситуации главным фактором, определяющим тенденции процессов рождаемости и смертности, является благоприятная половозрастная структура, которая положительно сказывается на формировании брачного и семейного состава городского населения страны.

Вместе с тем в последние десятилетия быстрыми темпами уменьшается численность и удельный вес детей и молодежи. Так, за 2001–2019 годы удельный вес детей и молодежи уменьшился с 56 до 43%, в том числе детей — с 30 до 21%, молодежи — с 26 до 22%. В половозрастной структуре городского населения во всех возрастных группах существенно увеличилась доля мужчин.

В динамике естественного прироста и рождаемости положительные тенденции наметились в агломерациях в 2005–2015 годах, но начиная с 2016 года показатели уменьшились. Самыми быстрыми темпами они снижаются в Нахичеванской, Гянджинской и Ленкоранской агломерациях. Уровень смертности, напротив, растет.

Таблица 4. Динамика роста коэффициентов брачности и разводов в агломерациях (на 1000 чел.)

Агломерация	Браки			Разводы		
	2000	2010	2018	2000	2010	2018
Бакинская	5,2	9,0	6,4	1,3	1,6	2,0
Гянджинская	3,5	7,2	5,4	1,0	1,1	1,8
Мингачевирская	4,8	8,7	6,4	0,9	1,2	2,5
Ширванская	4,9	9,2	6,8	0,6	0,9	1,5
Нахичеванская	5,2	6,9	6,1	0,9	1,2	1,7
Ленкоранская	4,6	8,5	5,3	0,5	0,7	1,7

Источники: [Демографические..., 2019], [Население..., 2019].

Важную роль в демографических процессах играют браки и разводы. Во всех агломерациях динамика браков до 2010 года была положительной, но с 2016 года коэффициент заключения браков среди горожан уменьшился. В 2000–2018 годах происходит увеличение коэффициента разводов среди горожан, наиболее выраженное в малых городах. Более половины разводов приходится на бездетные семьи. Отток молодежи из малых городов для учебы и работы ухудшает брачно-семейные отношения в них. Интенсивность темпов роста численности семей находится в прямой зависимости от формирования браков. А браки сильнее зависят от социально-экономического состояния населения.

Экономический кризис 2015 года обострил демографическую ситуацию в республике. В последние годы ухудшается половозрастная структура населения, что отрицательно сказывается на изменениях брачного и семейного состава населения, стимулирует переход к малодетным семьям: в 2019 году семьи с 1–2 детьми составили 74% от всех семей городского населения республики. Происходит заметный рост численности и доли населения старше трудоспособного возраста.

Заключение

Субурбанизация оказывает существенное влияние на изменение характера пригородного производства и транспорта, а также на демографические процессы. Происходит изменение функций центров и пригородной зоны, пространственное развитие которых связано с глубокими социально-экономическими преобразованиями. Анализ этих процессов в агломерациях позволяет отметить следующее:

- В постсоветский период произошло увеличение территорий агломераций за счет сельских поселений, получивших статус городского поселка. Происходят функциональные изменения периферии Бакинской и Гянджинской агломераций, где формируются новые промышленные парки, зоны размещения научно-исследовательских организаций и предприятий высоких технологий, а также агропарки и сгустки объектов сферы услуг.
- В формировании агломераций важную роль играет специфика демографических процессов. В агломерациях сосредоточено 72,5% всего городского населения республики и численность населения агломераций быстро растет. Основным компонентом такого роста является естественный прирост (более 70%), тогда как миграция обеспечивает чуть более 10% прироста. За последние годы произошло неуклонное снижение показателей коэффициентов рождаемости и естественного прироста, снижаются показатели заключения браков и увеличивается количество разводов.

Современный устойчивый рост социально-экономического потенциала страны положительно влияет на демографическое развитие агломерации.

Источники

- Административные деления Республики Азербайджан (2013) Баку (на азерб. языке).
- Бадалов Э.С. (2014) Роль планировки в регулировании расселения Бакинской агломерации // Материалы научно-практической конференции «Прикладные направления применения современной географической науки». Баку: БГУ. С. 360–365. (на азерб. языке)
- Бадалов Э.С. (2016) Основные направления развития Бакинской городской агломерации // География и природные ресурсы. Т. 2. С. 201–208. Иркутск.
- Боже-Гарнье Ж., Шабо Ж. (1967) Очерки по географии городов. Москва: Прогресс.
- Воробьев Н.В., Емельянова Н.В. (2014) Иркутская городская агломерация: особенности формирования и обособление границ. Издательство Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН. Иркутск.
- Гаджизаде А.М. (1965) Население Азербайджанской ССР и его расселение. Баку: Азернешр. (на азерб. языке)
- Давидович В.Г. (1964) Планировка городов и районов. Москва: Стройиздат.
- Давидович В.Г., Хорев Б.С. (1961) Города-спутники: сборник статей. Москва: Географгиз.
- Демографические показатели Азербайджана (2019) Баку, ГСК.
- Ковалев С.А., Ковальская Н.Я. (1980) География населения СССР. Москва: Изд-во МГУ.
- Лаппо Г.М. (1997) География городов. Москва: ВЛАДОС.
- Маергойз И.М. (1987) Географическое учение о городах. Москва: Наука.
- Население Азербайджана (2014) Баку: ГСК. (на азерб. языке)

- Перепись населения Азербайджанской Республики 1999 года (2000). Баку: ГСК. Ч. I. (на азерб. языке)
- Перепись населения Азербайджанской Республики 2009 года (2010). Баку: ГСК. Т. I. (на азерб. языке)
- Перцик Е.Н. (1999) Города мира. Москва: Международные отношения.
- Пивоваров Ю.Л. (1999) Основы геоурбанистики: учеб. пособие для студ. Москва: ВЛАДОС.
- Хуснутдинова С.Р. (2016) Урбанизированные территории Республики Татарстан. Казань: Изд-во Казанского ун-та.
- Холл П. (2012) Мировые города и глобальные города//Агломерации сегодня/под ред. Б. Голдхоорна, Э. Мавлютова и др. М.: НИИПИ Генплана Москвы. С. 11–31.
- Шувалов Е.Л. (1977) География населения. Москва: Просвещение.
- Эминов З.Н. (2005) Население Азербайджана. Баку (на азерб. языке)
- Эфендиев В.А., Нагиев С.К. (2005) География населения. Баку: БГУ.
- Эфендиев В.А. (2009) Пути регулирования города Баку в единой системе производства и расселения Азербайджана//Труды Географического общества Азербайджана. Т. XIV. Баку. С. 128–132.
- Blumenfeld H. (1968) The Modern Metropolis: Its Origins, Growth, Characteristics and Planning. Cambridge, Mass: MIT Press.
- Ning Y.-M. (2011) Definition of Chinese Metropolitan Areas and Large Urban Agglomerations: Role of Large Urban Agglomerations in Regional Development//Scientia Geographica Sinica. Vol. 31 (3). P. 257–263.
- Sassen S. (1994) Cities in a World Economy. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

ETIBAR BADALOV

THE DEMOGRAPHIC AND SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF AGGLOMERATION IN AZERBAIJAN

Etibar Sanan oğlu Badalov, PhD in Geography, Associate Professor, Institute of Geography of the Azerbaijan National Academy of Sciences; 115 Huseyn Javid Avenue, Baku, Azerbaijan

E-mail: badalov.1958@mail.ru

Abstract

This article analyzes the historical development and formation of suburbanization and its impact on the urban settlements of Azerbaijan. The population growth, demographic processes and the problems of socio-economic development in urban agglomerations are analyzed. In the post-Soviet period, there was an increase in agglomerations at the expense of rural settlements that received the status of an urban settlement. Functional changes are taking place in the periphery of the Baku and Ganja agglomerations, where new industrial parks, zones for research organizations and high-tech enterprises, agricultural parks and concentrations of service facilities are being formed. The author reveals the transformations of the territorial organization of large urban agglomerations.

An analysis of the impact of urbanization on demographic processes, including changes in the migration and natural growth of the population, the gender, age structure and marital and family composition of the population is carried out. 72.5% of the total urban population of the republic is concentrated in agglomerations, and the number is growing rapidly. The main component is natural growth (more than 70%), while migration provides a little more than 10% of the increase. In recent years, there has been a steady decline in the birth rates and natural growth, marriage rates are decreasing, and the number of divorces is increasing.

Keywords: suburbanization; agglomeration; satellite city; suburb; demographic process

Citation: Badalov E. (2020) The Demographic and Socio-Economic Development of Agglomeration in Azerbaijan. *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 1, pp. 103–111. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp542020103-111>

References

- Administrativnyye deleniya Respubliki Azerbaydzhan (2013) [Administrative Structure of Republic of Azerbaijan]. Baku. (in Russian)
- Badalov E.S. (2014) Rol' planirovki v regulirovani i rasseleniya Bakinskoy aglomeratsii [The Role of Plan and Regulation of Resettlement of Baku Agglomeration]. *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Prikladnyye napravleniya primeneniya sovremennoy geograficheskoy nauki»* [Materials of Scientific and Practical Conference "Applied directions of application of modern geographical science"]. Baku: BGU, pp. 360–365. (in Azerbaijanian)
- Badalov E.S. (2016) Osnovnyye napravleniya razvitiya Bakinskoy gorodskoy aglomeratsii [Fundamental Directions of Development of Baku Urban Agglomeration]. *Geografiya i prirodnyye resursy* [Geography and Nature Resources]. Irkutsk, vol. 2, pp. 201–208. (in Russian)
- Bozhe-Garn'ye ZH., Shabo ZH. (1967) Ocherki po geografii gorodov [Essays on the Geography of Cities]. Moscow: Progress.
- Blumenfeld H. (1968) The Modern Metropolis: Its Origins, Growth, Characteristics and Planning. Cambridge, Mass: MIT Press.
- Gadzhizade A.M. (1965) Naseleniye Azerbaydzhanskoy SSR i yego rasseleniye [Population of Azerbaijanian SSR and Its Resettlement]. Baku: Azerneshr. (in Azerbaijanian)
- Davidovich V.G. (1964) Planirovkagorodovirayonov [Planning of Cities and Districts]. Moskva: Stroyizdat [Moscow: Stroyizdat]. (in Russian)
- Davidovich V.G., Khorev B.S. (1961) Goroda-Sputniki. Sbornik statei [Satellite Cities. Collection of Articles]. Moscow: Geografiz. (in Russian)

- Demograficheskiye pokazateli Azerbaydzhana (2019) [Demographical Indicators of Azerbaijan]. Baku: GSK. (in Russian)
- Eminov Z.N. (2005) Naseleniye Azerbaydzhana [The Population of Azerbaijan]. Baku. (in Azerbaijanian)
- Efendiyev V.A., Nagiyev S.K. (2005) Geografiya naseleniya [Geography of the Population]. Baku: BGU. (in Russian)
- Efendiyev V.A. (2009) Puti regulirovaniya goroda Baku v yedinoy sisteme proizvodstva i rasseleniya Azerbaydzhana [Ways of Regulation the City of Baku in the Unified System of Production and Settlement of Azerbaijan]. *Trudy Geograficheskogo Obshchestva Azerbaydzhana. T. XIV*. [Writings of Geographical Society of Azerbaijan. Vol. XIV]. Baku, pp. 128–132. (in Russian)
- Kholl P. (2012) Mirovyye gorodaiglobal'nyye goroda [The World Cities and the Global Cities]. *Agglomeratsii segodnya* [Agglomerations Today]. NiiPI Genplana Moskvyy [Genplan Institute of Moscow], pp. 11–31. (in Russian)
- Khusnutdinova S.R. (2016) Urbanizirovannyye territorii Respubliki Tatarstan [Urbanized Territories of Republic of Tatarstan]. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta [Kazan: KGU Publishing House]. (in Russian)
- Kovalev S.A., Koval'skaya N.YA. (1980) Geografiyanaseleniya SSSR [Geography of the Population of the USSR]. Moskva: Izd. MGU [Moscow: MSU Publishing House]. (in Russian)
- Lappo G.M. (1997) Geografiyagorodov [Geography of Cities]. Moskva: Izd-vo VLADOS [Moscow: VLADOS Publishing House]. (in Russian)
- Mayergoyz I.M. (1987) Geograficheskoye ucheniye o gorodakh [Geographical Study on Cities]. Moskva: Nauka [Moscow: Nauka Publishing House]. (in Russian)
- Naseleniye Azerbaydzhana (2014) [Population of Azerbaijan]. Baku: GSK. (in Russian)
- Ning Y.-M. (2011) Definition of Chinese Metropolitan Areas and Large Urban Agglomerations: Role of Large Urban Agglomerations in Regional Development. *Scientia Geographica Sinica*, vol. 31 (3), pp. 257–263.
- Perepis' Azerbaiddzhanskoi Respubliki 1999 goda (2000) [1999 Azerbaijan Republic Census], Baku: GSK, Part I. (in Russian)
- Perepis' Azerbaiddzhanskoi Respubliki 2009 goda (2010) [2009 Azerbaijan Republic Census]. Baku: GSK, vol. 1. (in Russian)
- Pertsik E.N. (1999) Goroda mira [The Cities of the World]. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniye [Moscow: Foreign Relations]. (in Russian)
- Pivovarov YU.L. (1999) Osnovy geourbanistiki (ucheb.posobiye dlya stud.) [Fundamentals of Geo-Urban studies]. Moscow: VLADOS.
- Shuvalov Y.L. (1977) Geografiyanaseleniya [Geography of the Population]. Moskva: Prosveshcheniye [Moscow: Prosveshcheniye Publishing House]. (in Russian)
- SassenS. (1994) Cities in a World Economy. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Vorob'yev N.V., Yemel'yanova N.V. (2014) Irkutskaya gorodskaya agglomeratsiya: osobennosti formirovaniya i obosnovaniye granits [Irkutsk Urban Agglomeration: Features of the Formation and Justification of Borders]. Irkutsk: Izdatelestvo Instituta geografii im. V.B. Sochavy SO RAN [Irkutsk: Publishing House of Institute of Geography SB RAS]. (in Russian)

ADRIENNE CSIZMADY, GÁBOR CSANÁDI

TRANSITIONS IN BUDAPEST'S AGGLOMERATION 1990–2005

Adrienne Csizmady, Research Professor of Sociology, Institute for Sociology, Centre for Social Sciences, Hungarian Academy of Sciences Centre of Excellence, 4 Tóth Kálmán utca H-1097 Budapest, Associate Professor, Department of Sociology, Faculty of Humanities and Social Sciences, University of Szeged, Hungary; 30-34 Petőfi Sándor sq., H-6722, Szeged, Hungary.

E-mail: csizmady.adrienne@tk.hu

Gábor Csanádi, Emeritus Professor of Sociology, Department of Research Methodology, Faculty of Social Sciences, Eötvös Loránd University, Budapest; 1/a Pázmány Péter sétány, H-1113, Budapest, Hungary.

E-mail: csanadi.gabor@tatk.elte.hu

Abstract

Since the collapse of socialism in Hungary in 1989, political and economic factors increased residential mobility between Budapest and its agglomeration area. Social disparities have become more pronounced not only among the settlements of the agglomeration, but also within them. This paper identifies the different status-dependent paths within the general process of suburbanization using official statistical data, survey and interview analysis. The empirical research was made in 1992 and was repeated in 2002.

We argue that higher status groups used the new opportunities to strengthen their status by choosing to move while the poor were forced to move to less advantageous sectors of the agglomeration. These phenomena are the consequences partly of spontaneous factors and partly of state and local government policies. The effects of market forces can be taken as spontaneous factors and they increased western type suburbanization. Several measures taken by states and local governments increased the impact of these factors, helping higher-status groups to move to favorable areas within and around the cities. The same urban and housing policy measures increased the risk of concentrating poverty in certain areas of cities and they resulted in the not-well-known outmigration of lower-status groups. These groups had to move out of the city because it became too expensive for them to live there. Poverty meant that they were unable to find places in high or middle-status suburban areas around the cities and they had to move to more distant, poorer areas of the country.

Keywords: suburbanization; Budapest; Hungary; spatial-residential mobility; socio-spatial differences

Citation: Csizmady A., Csanádi G. (2020) Spatial Mobility in Budapest's Agglomeration after the Collapse of Socialism. *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 4, pp. 112–125. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp542020112-125>

1. Introduction

Migration from a capital to its agglomeration area has become one of the defining processes of spatial and social transformation in both cities and the countryside in the 20th century. This topic has been investigated since the mid-nineties in Central and Eastern Europe (CEE). [Kubes, 2013] indicates how numerous studies have shown that post-socialist urban development has a unique character. In the former socialist CEE countries, the change of regime created an interesting — almost experimental — situation. In the 1990s, it became possible to examine whether and how changes in power could alter socio-spatial processes. The socialist heritage, different models of transformation, economies of different strengths, and the characteristic pathways of development influence urban development to such an extent that new, non-Western models have been developed (e.g. [Andrusz, Harloe, Szelenyi, 1996; Tsenkova, Nedović, Budić, 2006]). Several studies have connected post-socialist urban transition and suburbanization. The most recent publications according to [Kovács et al., 2019] are [Lisowski, Mantey, Wilk, 2014] on Warsaw; [Stanilov, Hirt, 2014] on Sofia; [Leetmaa et al., 2014] on Tallinn; [Stanilov, Sýkora, 2014] on Prague; [Pichler, Milanović, 2014] on Ljubljana; [Slaev et al., 2018] on Belgrade and Sofia; [Šveda et al., 2016] on Bratislava. There are also many studies on Budapest, e.g. on the socio-spatial changes (e.g. [Kok, Kovács, 1999; Szirmai et al., 2011; Kovács, Tosics, 2014]) on the economic situation of settlements [Koós, 2007; Lux, 2012], population growth and the motivations of

those moving [Dövényi, Kovács, 1999; Kovács, 1999; Csanádi, Csizmady, 2002; Szirmai, 2011]. Research has emerged on conflict [Váradi, 1999; Szirmai, 2011] and on the socio-economic and environmental consequences, and the spatio-temporal changes in land cover [Kovács et al., 2019].

These changes happened in almost every post-socialist country. For example, in Budapest, the slumming of inner-city neighborhoods and suburbanization flourished after the fall of socialism. However, this was not Western-type suburbanization. Two important differences were visible: First, not only the middle class, but also lower-status inhabitants moved out of the central areas of the cities, and second, the latter groups moved to different areas.

To understand the personal and institutional motives behind suburbanization, it is rational to start with the investigation of the first years of the post-socialist period as we assume that the roots of the current situation must be sought in the years following the change of regime.

After reviewing the change of the population of the agglomeration area, we summarize the main spatial mobility directions from Budapest in the 1990s: three different trajectories within the agglomerations area and one to other parts of the country. Then we describe the main features of settlements belonging to different status zones. Finally, we describe the internal parts of a typical suburban settlement and demonstrate how they are reflected on the mental map of the inhabitants.

Our research indicates that the 1990s fundamentally determined the post-millennium situation. There was no significant change in the status differences within and among the settlements. Therefore, the paper focuses on the social-spatial changes of the 1990s.

2. Data and methods

The focus of the empirical research made in the late 1990s and early 2000s was to understand how the process of suburbanization changed the spatial-social structure of the area and the local communities in question. In the present study, we mainly rely on the same data and the conclusions from our previous studies. This paper is a revised version of Csanádi, Csizmady, 2002.

The statistical yearbooks of the Hungarian Central Statistical Office (HCSO) and census data were used to identify the social-spatial changes. Spatial analysis distinguished the statuses within the agglomeration area of Budapest. According to the social status of the residents, the suburban-metropolitan area was divided into three major parts.

In 1996–97, a survey was conducted in four waves on a county representative sample. A weighted national representative sample was prepared from the samples. The large sample (25,000) provided an opportunity to obtain a sub-sample (2,500) of analyzable size from those who moved to their current place of residence in Budapest and agglomeration after 1990.

The aim of the qualitative research was to explore the points of view of the local people in the settlements which experienced waves of immigration. 32 structured interviews were conducted with households, and 32 mental maps were drawn in 12 settlements of the agglomeration area in 1992 and in 2002. The interviewees were key long-term residents who worked locally and had jobs that meant they were well-acquainted with the structure, population, and day-to-day life of the settlement.

The investigation was built around several questions. How did the internal restructuring of the community take place? What was the social and spatial structure of the settlement area (e.g., closed, segregated poor and/or rich neighborhoods) before the change of regime? How did the spatial and social structure of the settlement change as a result of the immigration of new social groups? The view of those who live there was emphasized. The answers to the questions are structured and analyzed in several large subject groups.

3. Key points in the population development of Budapest and its agglomeration

Budapest's agglomeration (without the capital) (Fig. 1) has grown steadily over the past 30 years: 78 settlements with 567,000 inhabitants in 1990 and 81 independent settlements with more than 850,000 inhabitants in 2020. Approximately 60% of the population living in the agglomeration work in Budapest. The Budapest Metropolitan Region (BMR) (the capital city and its agglomeration together) has more than 2,5 million inhabitants – a quarter of Hungary's population. (HCSO, 2021)

During the first years after the collapse of socialism –, the agglomeration was characterized by a general population decline with significantly different demographic processes for each settlement [Dövényi, Kovács, 1999]. From 1993, the population of Budapest continued to decline, but the agglomeration's started to grow (Table 1).

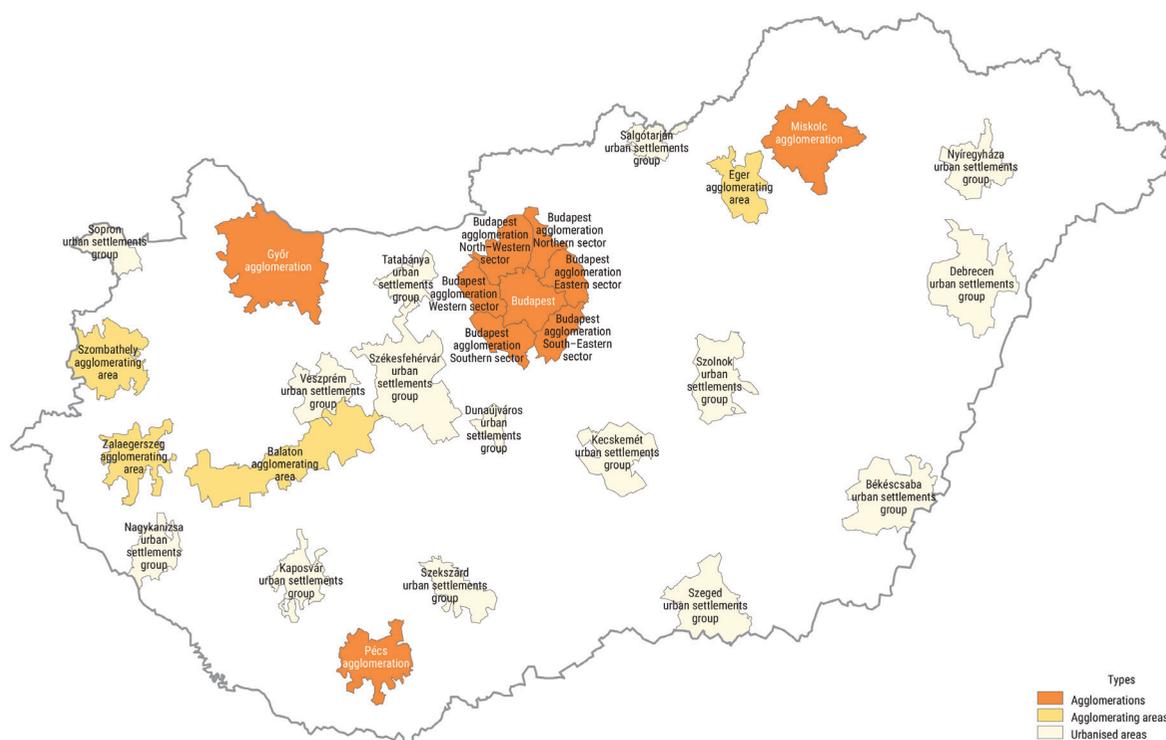

Fig. 1. Agglomerations, agglomerating areas, and urbanised areas in Hungary, 2019

Source: HCSO, 2019: <https://www.ksh.hu/docs/teruletiatlasz/aggglomerations.pdf>

Table 1. Population

	1990	2000	2005	2011	2018
Budapest	2 016 774	1 811 552	1 697 343	1 729 040	1 749 734
Agglomeration	566 861	640 509	724 488	782 018	850 078
Total Budapest Metropolitan Region	2 583 635	2 452 061	2 421 831	2 551 058	2 599 812

Source: HCSO, 2006; 2021

The inward migration became significant in 1994, which resulted in an overall population increase of 28% (by the mid-1990s to 618,000 inhabitants). After the turn of the millennium, the outflow of population from Budapest to the agglomeration area gradually accelerated. According to the data of the Hungarian Central Statistical Office (2006, 2021), the number of inhabitants of the agglomeration area had risen to 724,000 by 2005 (and rose even further to 879,933 by 2020). The population of the Eastern sector increased the most (60%) and the Northern and South-Eastern the least (17–18%) between 1990 and 2005 (fig. 2, Table 2).

The inflow of residents moved out from Budapest was uneven for different sectors of the agglomeration: around 27% moved to the Southern, 16–19% moved to the North and Western sectors, and 12–13% moved to the other sectors (Table 2).

The status of the out-migrating groups was similar to the status of the settlements they chose for their future homes. Therefore, the outmigration did not change the relative differences among the sectors of the agglomeration (Table 3). The highest status sectors were the West and North-Western and the lowest status the South-Eastern in 1990. (fig. 2) The order of the differences between the sectors remained the same until 2011, but the differences became larger.

Although further changes are not the subject of this study, we also feel it is necessary to give a brief outline of the whole picture. Between 2001 and 2011, 137,000 people moved from Budapest to the agglomer-

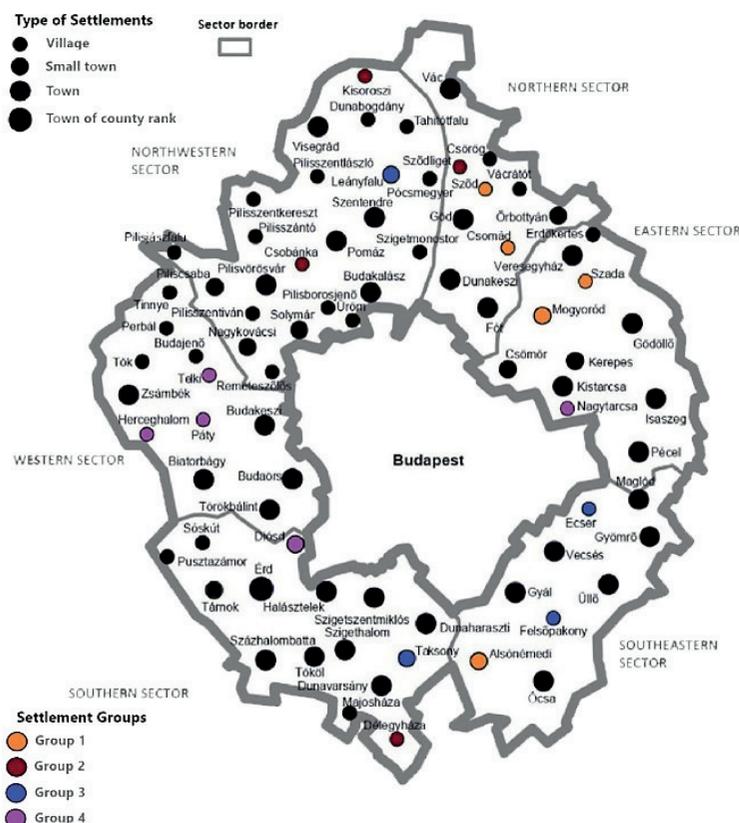

Fig. 2. The sectors and settlements of agglomeration

Source: HCSO, 2011.

ation and 47,000 from the agglomeration to Budapest. The tendency was interrupted by the 2008 economic crisis. The population flow from Budapest to the agglomeration decreased, and the number of households moving back to Budapest started to increase, although the migration surplus from Budapest to the agglomeration area was permanently maintained. The introduction of state housing subsidies and the revival of economic processes brought another change after the crisis [HCSO, 2014]. After 2014, the inflow to the agglomeration area started to intensify again. The number of people moving from Budapest to the agglomeration was still by 2–6,000 persons higher than those moving to Budapest. This indicates that suburbanization has once again intensified in recent years. The gap between the sectors with the highest status has narrowed. The difference between the sectors also seems to have begun to rearrange. The Northern sector has caught up with the North-Western [HCSO, 2019].

Table 2. Distribution of out-migrants from Budapest to the different sectors of agglomeration, and the total increase of population 1990–2005, %

Sectors	1990-1994	1995-1999	2000-2005	1990=100%
out-migrants from Budapest to				total population
Northern	14,5 %	12,6 %	12,1 %	116,8 %
Eastern	13,0 %	15,6 %	16,5 %	161,7 %
South-Eastern	13,4 %	13,0 %	12,5 %	118,2 %
South	27,1 %	26,2 %	27,1 %	133,1 %
Western	13,6 %	12,9 %	12,5 %	131,0 %
North-Western	18,5 %	19,6 %	19,1 %	133,2 %
Total	100,0 % N=85730	100,0 % N=118003	100,0 % N=123390	129,0 % N=724488

Source: HCSO, 2016

4. The stabilization of sectors of different status in the 1990s

To understand the differences in the socio-spatial structure that exist even today, we need to look for the main trends of the transformation in the 1990s. The population of the settlements has been changing at an ever-increasing rate since the change of regime. These changes took place without any significant change in the relative status of the settlements [Csanádi et al., 2010]. Higher-status locations attract higher-status populations, which further increases real estate market prices, boosting the move of higher-status populations. Lower status settlements attracted the less well-off with their low prices. However, a few years later, the rise in demand and the relative saturation

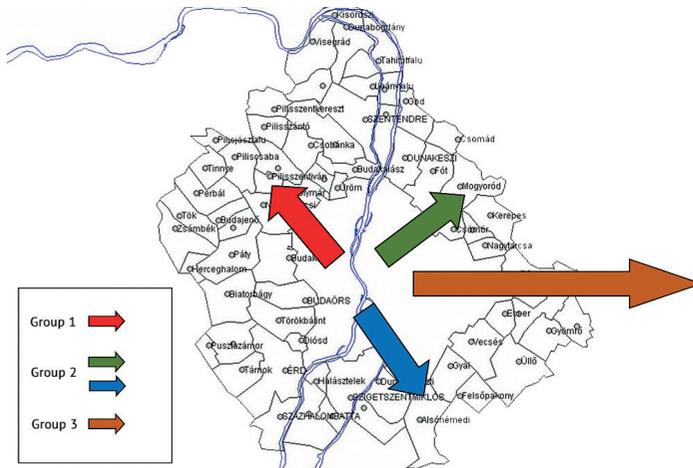

Fig. 3. Spatial orientation of different social groups moving out of the capital

Source: authors' compilation based on HCSO, 2011.

different social groups inside settlements [Csanádi et al., 2010]. This pattern has not changed much in the past 30 years.

Table 3. Personal income tax per capita as a percentage of the highest status sector's value in the sectors of agglomeration, 1992, 2001, 2011, 2018, %

Sectors	1992	2001	2011	2018
Northern	88.0	74.5	77.1	90.0
Eastern	86.4	74.8	75.6	88.6
South-Eastern	73.4	56.3	55.0	78.4
South	87.6	72.5	70.5	84.8
Western	100.0	100.0	100.0	100.0
North-Western	92.9	85.6	82.1	90.6

Source: HCSO, 1991, 2001a, 2012, 2019a.

The first wave of suburbanization after the change of regime was triggered by the privatization of state-owned rental housing, with different impacts on different social groups [Hegedüs, Tosics, 1990]. It also increased the chances and constraints of moving [Hegedüs, 2004]. Model-wise, as a result of housing privatization, those who (Group 1 in fig. 3) got an apartment in a favorable location during the privatization and had sufficient equity and family capital, moved to the high-status sector of the Budapest agglomeration (the North-Western sector) [Csanádi, Csizmady, 2002].

Those (Group 2 in fig. 3) whose rented homes were in a less prestigious location only made moderate profits from privatization. Therefore, they moved to the low-status sector (South-Eastern sector) or to other low-status settlements a little further from the capital but still within the agglomeration. There was one group (Group 3 in fig. 3) that moved out of the capital not because they had the opportunity and wanted to improve their status, but because they were forced to. They got into a worse financial situation as a result of the regime change, e.g., they lost their jobs, could not pay rising rents, or were behind with paying utility bills. The move was not so much to improve housing or the symbolic social situation but to escape rent arrears and debt. In their case, family ties played a significant role in the choice of settlement. They usually moved back from where they (or their family) arrived in the 1950s and 1960s. (During the forced industrialization, when the former farmers settled in the city and became mainly unskilled industrial workers.) A significant number of these families had moved to the capital, but a branch of the family retained their rural residence, especially in eastern Hungary.

of the agglomeration drove up prices in these settlements. For this reason, the less affluent chose more remote settlements as their new place of residence. This was the mechanism of how the elite and medium-sized settlements emerged.

The various strata moved in different directions when leaving the capital. However, there seems to be a correlation between the status of the population moving from Budapest and the settlements they prefer. The main pattern was to move to settlements with a status similar to their own. This increased the differences between the sectors of agglomeration. There was also an increase in segregation among the

1 The personal income tax was introduced in 1988. The first statistical data was published by HCSO in 1992.

Those who had no other opportunities moved to these far-away fringes of the country and used the family ties to relocate. They often still had some real estate, even partially vacant houses or apartments, which could be renovated relatively cheaply. Although this solution was risky, and success depended on the one hand on employment opportunities and on the other hand on the strongness and effectiveness of the family support network. [*Ladányi, 2010*]. In several cases, the adaptation was not successful in these situations, and the family (or part of it) had to return to the capital in an even worse situation, often as homeless [*Csanádi, Csizmady, 2002*].

4.1. From high-status areas of Budapest to high-status settlements of the agglomeration.

The development of the Budapest metropolitan area followed a similar path as in western societies. At the same time, it was an important consequence of the transition to a market economy, [*Andrusz et al., 1996; Ladányi, Szelényi, 1997*], similarly to other CEE metropolitan regions, e.g. [*Kährlik, Tammaru, 2008; Krisjane, Berzins, 2012; Ouredníček, 2007*]. The people who moved to high-status settlements used not only their advantageous real estate market position but also their status in the pre-1990 social structure to occupy the most favorable positions. The reasons they gave for moving were connected mainly to environmental factors. However, the expressed need for “the clean and nearly untouched natural environment” merely legitimized the desire (and ability) to move to a settlement of the desired social status [*Csanádi, Csizmady, 2002*]. In groups who are relatively free to choose the directions and modalities of spatial mobility, status plays a more important role in determining the directions of moving than the rationalized aspects. In most cases, they define the reason for the move as a consequence of some form of external compulsion. In such cases, the social function of this reasoning is to transform the need for status into an acceptable and/or legitimate rationale. The most obvious example is the need for nature. Out-migrants can only enjoy environmental values to a limited extent. The direct costs of increased traveling time and the cost of shortening free time make the situation even worse

A closer analysis of survey data from 1997 revealed that - for example - references to the desire for a healthier environment merely obscure and legitimize the need for this upper-middle-class group to emphasize their social status [*Csanádi, Csizmady, 2002*]. The spatial location of the new place of residence supports the social-status expectations of the movers. This entailed significant effort by the new groups to develop the physical environment of these settlements. When these high-status suburban areas were formed with relatively low levels of infrastructure, residents would use their—not insignificant—influence to eliminate these relative disadvantages and, if possible, convert them into benefits [*Hegedűs, 2008*]. This meant to express pressure on local decision-makers, in particular local development, town planning, and regulatory authorities, to pursue their ‘legitimate’ local interests, which is also the case in Western European countries (e.g. [*Scicchitano, Johnson, 2012; Ross, 2014*]). Precisely because of their status, they could not only influence the decisions of a small settlement but a whole sector. There were several signs that they were trying to get central means to build a good public road from the place they lived to the capital. Similarly, they tried to ensure that decisions at the regional level — beyond the responsibility of the municipal authorities — were made to allocate more social resources to ensure their local interests. These attempts were often successful, as indicated by our subsequent research [*Csizmady, Bagyura, 2021*].

The methods for this varied from formal expert suggestions to informal networking. In this respect, the municipal elections held since 2002 were interesting. The 2002 election was the first election in which this social group started to occupy local government positions in their settlements. The candidates from this group were elected to municipal boards or were candidates for mayor in an attempt to assert their interests through electoral procedures. Since then, this process has become increasingly intense. With every municipal council election between 1990 to 2014, the number of settlements where the newcomers gained dominance increased [*Bagyura, 2020*].

There were concerns about this type of spatial mobility from Budapest. Among others, the fears that the moving away of high-status residents may lead to arising new slums in certain areas of the capital [*Kovács, Tosics, 2014*]. Our research indicated that high-status relocations do not significantly affect these processes, as they do not move from degraded areas to high-status locations in the agglomeration [*Csanádi et al., 2010*]. Rather, it seemed that the risk of physical deterioration increased as the result of middle and lower status groups moving. All of which shows that the causes and directions of these moves and the possible consequences are not as simple as they seemed at first glance [*Kovács, Szabó, 2016*].

4.2 From a mid-level ecological position of Budapest to a middle-status settlement

The second type of spatial mobility is that of the middle class and lower-middle-class groups. In their case, the mass moving out took place somewhat later than that of the high-status group. Their primary target area was mainly the North-Eastern and North-Western sectors, which were still affordable for them. Their former home's ecological situation in Budapest was relatively unfavorable. Three major subgroups can be distinguished according to a type of residency: 1) the lower-status detached zones of the outer districts in the eastern part of the city; 2) certain groups of the large housing estates; and 3) the old tenement houses built at the turn of 19th century and located on the border of areas with the deteriorating physical environment in the inner districts. The most important motive for moving out in all three cases is the recognition that, for various reasons, the area may become a slum in the near future. The visible signs of this process were in the detached-housing neighborhoods with poor infrastructure on the fringes of Budapest. The same happened where high maintenance costs appeared with a significant amount of arrears of rents and other costs, and signs of physical deterioration also appeared in some housing estates and in some neighborhoods in the inner city. The proximity of slums also could have a significant effect [Cszimady, Csanádi, 2009]. In this group, social status was higher than ecological status, and moving to the agglomeration was caused by this inconsistency [Csanádi et al., 2010]. They could target only settlements with a slightly lower status than the high-status group since their financial and social capital was weaker. However, the direct improvement in their housing situation seemed to be more pronounced since Budapest's high-status groups were already in high-status areas, so their (the highest status group's) improvement in housing was not visible in a relative sense.

In other words, for the middle-class group, however, poor or relatively poor housing acted as a strong “push” factor, so a rational decision is more obvious in the sense that there are significant positive changes in a number of housing parameters as a result of moving [Hegedüs, Teller, 2006].

As mentioned, the resettlement process in this group was facilitated not least by the privatization of housing (in some cases, the purchase of a former rental home was a relatively substantial capital injection). However, the price received for the old apartment had to be supplemented with a relatively significant amount of family capital (e.g. selling the cottage or house and several family members moving in together) to become a buyer (or builder) in the medium-status settlement of the agglomeration. Moving often meant the depletion of the family's financial resources, so in a sense, the step is even more significant than in the high-status group. The search for a better home played a greater role in the decision.

The impact of these newcomers on the host settlements community was closely linked to their position in the new place of residence. The conflicts between settlers and locals depended to a large extent on the nature of the settlement. It is likely that the ability to coordinate the interests of the settlement's original population and the opportunities for newcomers were more balanced than in the first case. Conflicts were smaller and more varied.

Changes in the area they left are likely to be most important in terms of the consequences of moving. The high-status areas of Budapest abandoned by the first group still represented the most sought-after areas of the city. However, the moving out of the second group significantly increased the risk of the areas they left becoming slums, precisely because the area was originally not much better than the lower-status areas of Budapest. Thus, contrary to public belief, the risk of slumming in certain inner districts was not related to the outflow of high-status people from the city. Rather, the real danger is that middle-status or lower-middle-status residents move out of certain neighborhoods, and these areas become slums. This is important because when it comes to addressing the threat of slums, a whole different set of interventions is needed, depending on the groups that should be discouraged from moving.

4.3 From Budapest's low-status neighborhoods to the fringes

Finally, there is the relatively significant type of spatial mobility that is often referred to as poverty suburbanization. People in this category were forced to move from their urban place of residence because of the increased (or constantly increasing) costs [Sailer, Fliege, 1999; Stanilov, Sýkora, 2014]. In their case, poor housing in low-status areas was often accompanied by rent and other housing cost arrears. This was frequent in some housing estates, slum areas in the inner districts, and lower quality exterior

district areas. For this group, the privatization of the 1990s was decisive. At first, came the increasing costs of housing. Ownership had a minimal positive effect, as the market values of the properties were low and the additional capital this group could mobilize was so modest that their room to maneuver was severely reduced [Hegedüs-Teller, 2007]. This was compounded by the general problem that several generations of “learning” are needed for a disadvantaged social group to operate for its own benefit. That is true even if—at least in principle—the opportunities are provided by the social environment.

Typically, two types of groups moved into their former apartments in Budapest: 1) families of similar status replaced them, and the deterioration spiral continued to intensify; 2) young, first-time buyers, who often came from the countryside, catalyzed spontaneous gentrification, especially in residential areas on the edges of slums. They bought cheap flats, typically courtyard flats in a round-corridor apartment building. This was particularly the case where city policy had already encouraged investors to build modern housing after the demolition of old municipally-owned houses in poor condition. As a result, the process might be accelerated in the surrounding buildings. The situation was somewhat complicated in the case of low-status housing estates, often serving as first places of residence for those moving from the countryside, but the changes were less visible due to the inflexibility of the physical environment.

According to our 2002 interviews, the success of moving to a new place of residence in the 1990s depended on whether or not a given region of the country was able to recover from economic depression. A significant proportion of the target settlements were located in the poorest areas of the country. Although the housing situation has been temporarily resolved, the complex danger for these families has not diminished and often even increased. Several years later, these kinds of families reappeared in large cities in search of job opportunities and in worse conditions, such as being homeless [Ladányi, Szélényi, 2005].

5. Mental maps: residents' perceptions of the socio-spatial structure of suburban settlements

In the second part of the paper, we investigate how the socio-spatial structure of the settlement was reflected on the mental maps of the inhabitants 15 years after the end of socialism. The population structure of the settlements surrounding Budapest changed significantly, as the statistical data show. With the influx of newcomers, the spatial-social structure of the settlements began to change too, first between 1990 and 2005.

In describing the structure of their settlement, the inhabitants always started by saying that it was mixed. Even if they recognized the social differences between the locals and the newcomers, they saw no sign of segregation.

“I think the village is a bit like America. It is populated by so many people from the capital—they moved in a significantly different financial situation from the people living there.” (major)

Whereas the new diversity of the population eliminated the former traditional lifestyle. Not only the locals but also the newcomers felt frustrated observing this process. The large group of new arrivals looking for a rural lifestyle experienced its disappearance at an accelerated pace.

“It was like in a fairy tale. This meant that geese were running down the street, sheep grazing, the peasant riding his bike with his scythe on his back, horses [...] this has changed radically.” (plant manager)

They remember the “good old days” with nostalgia [Csurgó, 2013] and miss the visible signs of the idyll past.

“There's fewer and fewer of the multi-skirted peasant women who come out to the market and unload their little tomatoes, peppers and sell them.” (police officer)

On the mental map of the interviewees, each of the settlements was divided into four large schematic sections: 1) the old village or the old town; 2) the transformed recreation area; 3) the new plots; and 4) the poor neighborhoods. In the residents' minds, the parts were delimited not so much by streets but rather by natural boundaries (e.g. railways, small forests).

5.1. *The Old Village*

In general, it seemed that the core of the settlements was mainly inhabited by local people who mixed only with a small number of newcomers. The social status of the population—according to the geographical location of the settlement—was middle or lower middle class and relatively homogeneous. This population still preserved the characteristics of rural society, both in terms of occupational structure and habits. Usually, the age structure is typical. While the families living there, on the whole, were not mobile, the younger generations were already looking for homes in other areas.

With the exception of a few intellectuals, the old village was not very popular for newcomers in the 1990s because it was not compatible with the modern lifestyle that was important for them.

“Whoever comes out from Budapest doesn’t want to buy these old porch houses, but then they have their own American kitchen, a swimming pool, and such. Instead, they buy a beautiful panoramic site on the hillside and build what they envisioned.” (police officer)

As a result of the low mobility, there was no significant segregation within these types of areas. Neither the poor nor the super-rich were typical for these areas. Maintaining this state was also facilitated by the fact that there were no vacant plots forming a contiguous area (e.g. for a new high-status gated community) at that time. As a result, in these traditional central parts, people with very different statuses bought houses side by side and became neighbors. In a well-populated area, a house or shared larger plot rarely entered the property market.

“It is typical of the village that there are a lot of old houses, old residents, usually their children do not live with them, they build elsewhere. When the old people die, strangers usually come in, tear down the house and build a new one. Inside, rather, when someone moves in, there is less exchange of people.” (headmaster)

5.2. *Transforming recreation/resort areas*

Almost every settlement had a resort area dating back to the 1930s. The status of the population visiting here on weekends followed the triple division we outlined in the previous section. For example, in the North-Western sector, intellectuals and industrialists, and in the North-Eastern sector, among others, lower-level managers and officials. The importance of this resort function declined after the war, and then it resumed with the revival of cottages in the 1960s. By the 1990s, the conversion of “weekend” cottages into permanent housing had become popular. In the first wave, former owners (mainly retired) usually moved out. In the second wave, these owners, who were old by the early 1990s, sold the land. As a result, the number of new buyers who were previously unrelated to the settlement increased rapidly. As a result of this influx, inhabitants of resort areas were simply integrated into the settlement as locals - and the builders on the newly developed plots were labeled as newcomers.

“In 1987, [it] seemed so far away so if you didn’t move unfortunately, you are now fully built-in.” (homeowner)

This area was very heterogeneous in terms of social composition. The proportion of retirees was high, but families with small children increasingly appeared. Their status was often higher than that of the former residents due to the significant rise in property prices in the late 1990s. As a result, the overall status of the population living there began to rise.

5.3. *Newly developed areas*

From the late 1980s, the commercialization of agricultural land on the outskirts of the settlement for residential purposes began, and it accelerated in the 1990s. The new settlers had a slightly higher status than the locals. They usually came from the capital but kept their jobs and social contacts in Budapest. They gave the rural surroundings a faster pace of life and a new lifestyle that is very closely connected to the capital.

Some communities tried to control population change to some extent while maintaining all the possible benefits. They wanted to keep the people and their grown children who lived there in the settlement. They offered, e.g. new plots to build houses in the early 1990s. But it did not live up to their hopes in the long run.

“Yes, there were significant parcels of land in the early 1990s. In the beginning, the principle was to buy land, if possible, for their descendants. This is how the municipality offered land at affordable prices. Prices were different for locals and non-locals, but the local government could not really influence this process. Very often, the subject of meetings was that someone sold the land that had been acquired for a bargain at a much higher price, which was then taken over by a new owner. Of course, he had to pay back the difference between the discounted price and the real price he was able to sell the plot. As a result, there was a great deal of land that was bought by families unrelated to the settlement.” (clerk)

New residential areas that were built before the mid-1990s were generally heterogeneous. In the same area, there were very poor and very rich houses, in the words of a GP, *“from palaces of wonders to terraced houses.”*

Low-priced apartments and houses made it possible for the poorest to move there. They were poorer than the residents of the area, and it was well known in the community that they moved from large housing estates to find more affordable housing. Even so, these apartments were not affordable enough. The poor physical condition of their apartments and the environment and the availability of free land in the municipalities made it almost impossible to sell these apartments for a reasonable price and get more affordable.

The areas of new plots did not really belong to the towns or villages in the minds of the interviewees. They had no real information, only superficial knowledge. The newest plots of land were not even on the maps yet. As if they were indicating that they were still in the process of being developed, not yet with “full rights”. Local realtors also had no idea, as the developers of the residential, terraced, and detached housing usually sold the apartments themselves through other channels, mainly in Budapest.

The emergence of new areas was characterized by segregation, often high-status segregation, which was also promoted by advertising. In the uncertain years after the regime change, secluded and safe environments protected from “external influences” were very popular; with pricing attracting only the middle and upper classes. [Cséfalvay, 2008]. Families who fled there, mainly from the noise and heterogeneity of the capital, did not give up their previous lifestyles. Often they did not want to integrate into the local community. They stayed bound to their work and friends to the capital. Therefore, they wanted to maintain their separation not only spatially but also mentally. Fences symbolized not only physical but also mental distance [Cszimady, Csanádi, 2009].

5.4. Other external areas of settlement

Almost everywhere in the settlements, we investigated there was a separate gypsy colony, which was more or less integrated into the settlement structure. Even in cases where the gypsy and non-gypsy populations already had a “tradition of living together”, there was no chance of reducing segregation). The prejudices were so strong that many of the people were looking for houses in good neighborhoods far from these parts of the settlements.

“... explicitly ask that it should not be an area where Gypsies live, and if they find out [that there are Gypsy families], they don't buy them. The plot is unsellable in practice; although the presence of gypsies in the settlement is not a problem at all, there is no conflict. Whoever comes here doesn't know. No problem, but people are afraid of it and prefer not to go to a place [where gypsies live].” (real estate agent)

On the residents' mental maps, there were only vague images of the outer areas of the settlement before the millennium. These were the areas a little further from the settlement, without infrastructure (e.g., agricultural, often grape growing areas), but with increasing segregation of people of low status. Residents and newcomers here were families with debts, unemployed, or those with low pensions. They have been unable to maintain their living and housing standards and have escaped the

threat of homelessness to an environment where daily life is more difficult but much cheaper. Since the communities have no interest in developing these areas in terms of infrastructure, they continue to attract poorer families.

“The poorest buy houses here; they buy one of the small houses, set up a stove, and live there.” (real estate agent)

After the turn of the millennium, this area also began to change. Investors started to use the last development area near the outskirts, e.g. to build fashionable residential complexes. This brought infrastructure closer to the inaccessible, infrastructure-free area, making it cheaper to expand the infrastructure. These changes led to demand, and the value of the almost worthless property increased. For a while, very expensive houses and huts that had no real value apart from the land existed side by side. The area's transition began in 2005. It was stopped in 2009 due to the global financial crisis and resumed in 2015. In some settlements, the process allowed the poor to sell the land for good money and find better quality apartments further away from Budapest.

6. Conclusions

Budapest and its agglomeration were good examples of the effects of changes in political power on socio-spatial structure in the 1990s. Like all examples, it is instructive in itself but has a significance that goes further. Perhaps the most important conclusion is that the development of the city and its agglomeration simultaneously reflects the consequences of spontaneous processes and urban planning interventions. The spontaneous processes are the effects of globalization, the emergence of more accessible and—above all—desirable Western lifestyles. Suburbanism (through mechanisms not detailed here) was taken as a “normal” lifestyle for the western middle class, representing a desirable and possible way of life for groups that became winners after the change of regime in CEE.

The spatial-social structure of suburban settlements has historical roots and has been artificially shaped over the last few decades. The old village was generally heterogeneous, and it was transformed by habits and tastes which did not favor poor old farmhouses and the cube houses built in the 1960s for a less mobile population. The lack of vacant land and the pricing, usually lower-middle level in the settlement, also contributed to conserving the situation.

Areas of lower status, spontaneously formed or artificially created over the past decades, had created economic or ethnic segregation. The flats here were “valuable” only to people of similar status, while others, despite the very low prices, tended to look elsewhere for housing due to the physical and social characteristics.

In the case of transforming resort areas, we encountered heterogeneous areas with real estate prices somewhere in the middle. The increase in the demand for the supply of plots was reflected in the slowly rising prices and the appearance of new, expensive houses. The new plots had a more homogeneous population. The prices for plots of land were the highest and accordingly attracted a homogeneous high-status population.

Acknowledgments

The research was supported by NKFIH (National Fond of Hungarian Research) K 1249407.

АДРИЕНН ЧИЗМАДИ, ГАБОР ЧАНАДИ

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В АГЛОМЕРАЦИИ БУДАПЕШТА ПОСЛЕ КРАХА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Адриенн Чизмади, доцент социологии, Институт социологии, Центр социальных наук, Центр передового опыта Венгерской академии наук; Директор Института социологии и Департамента социологии факультета гуманитарных и социальных наук Сегедского университета; Petőfi Sándor sgrt. 30-34, H-6722, Szeged, Hungary.

E-mail: csizmady.adrienne@tk.mta.hu

Габор Чанади, заслуженный профессор социологии, кафедра методологии исследования, факультет социальных наук, Университет Этвеша Лоранда; Egyetem tér 1-3, H-1053, Budapest, Hungary.

E-mail: csanadi.gabor@tatk.elte.hu

После смены режима в Венгрии в 1989 году, политический и экономический факторы увеличили резидентную мобильность между Будапештом и его агломерацией. Социальные диспропорции усилились не только между населенными пунктами агломерации, но и внутри них. В этой статье определяются различные зависящие от социального статуса пути в рамках общего процесса субурбанизации на основе официальных статистических данных, опросов и анализа интервью. Исследование было проведено в 1992 г. и повторено в 2002 г.

Мы утверждаем, что группы с более высоким статусом использовали новые возможности для его укрепления, решая переехать, в то время как бедные были вынуждены переезжать в менее выгодные районы агломерации. Эти явления являются результатом как спонтанных факторов, так частично и политик государства и местного самоуправления. Влияние рынка, которое можно рассматривать как спонтанный фактор, способствовало распространению пригородов западного типа. Некоторые меры, принятые государством и местными органами власти, усилили воздействие этих факторов, помогая группам с более высоким статусом переезжать в благоприятные районы внутри и вокруг городов. Одни и те же меры городской и жилищной политики повысили риск концентрации бедности в определенных районах городов и привели к малообсуждаемой миграции групп с более низким статусом. Эти группы были вынуждены покинуть город, потому что жить там стало слишком дорого. Бедность означала, что они не могли найти места в пригородах с высоким или средним статусом вокруг городов, и им приходилось переезжать в более отдаленные и бедные районы страны.

Ключевые слова: субурбанизация; Будапешт; Венгрия; пространственно-бытовая мобильность; социально-пространственные различия

Цитирование: Csizmady A., Csanádi G. (2020) Spatial Mobility in Budapest's Agglomeration after the Collapse of Socialism // Городские исследования и практики. Т. 5. № 4. С. 112–125. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp542020112-125>

References

- Andrusz G., Harloe M., Szelenyi I. (eds.) (1996) *Cities After Socialism: Urban and Regional Change and Conflict in Post-Socialist Societies*. Wiley-Blackwell.
- Bagyura M. (2020) The Impact of Suburbanization on Power Relations in Settlements of Budapest Agglomeration. *Geographica Pannonica*, vol. 24, no 1, pp. 13–24.
- Dövényi Z., Kovács Z. (1999) [The Spatial-Social Characteristics of Suburbanization in the Agglomeration of Budapest]. *Földrajzi értesítő* [Geographical Bulletin], vol. 48, no 1–2, pp. 33–57. (in Hungarian)
- Csanádi G., Csizmady A., Kocsis J., Kószeghy L., Tomay K. (2010) *Város-Tervező-Társadalom* [Society-Town-Planning]. Budapest: SIK Kiadó [SIK Publisher]. (in Hungarian)
- Csanádi G., Csizmady A. (2002) Szuburbanizáció és társadalom [Suburbanization and society]. *Tér és Társadalom* [Space and Society], vol. 16, no 3, pp. 27–56. (in Hungarian)

- Cséfalvai Z. (2008) Kapuk, falak, sorompók - a lakóparkok világa. [Gates, walls, barriers - the world of residential parks]. Budapest: Gondolat Kiadó [Budapest: Gondolat Publisher]. (in Hungarian)
- Csizmady A., Csanády G. (2009) From Housing Estates to Gated Communities. *Gated and Guarded Housing in Eastern Europe*. Forum Leibniz-Institut für Länderkunde, vol. 11, pp. 9–20.
- Csizmady A., Bagyura M. (2021) A straight and narrow path to growth. Under submission to a journal.
- HCSO (1990, 2001, 2011) Népszámlálás [Census <https://www.ksh.hu/nepszamlalas/?lang=en>] *KSH* [Hungarian Central Statistical Office]. Budapest.
- HCSO (2006) Népesedési folyamatok a budapesti agglomerációban [Population Trends in the Budapest Agglomeration]. *KSH* [Hungarian Central Statistical Office]. Budapest. (in Hungarian)
- HCSO (2019) Közlemények a Budapesti Agglomerációról, 16 [Announcements on the Budapest Agglomeration No 16]. *KSH* [Hungarian Central Statistical Office]. Budapest. (in Hungarian)
- HCSO (2014) Agglomerációk és településegységek [Agglomerations, agglomerating areas, urbanised areas]. *KSH* [Hungarian Central Statistical Office]. Budapest. (in Hungarian)
- HCSO (1991, 2001a, 2006, 2012, 2019a, 2021) Budapest Statisztikai Évkönyv [Statistical yearbooks of Budapest] (in Hungarian)
- Hegedüs J. (2008) A nagyvárosi kormányzatok és az önkormányzati rendszer [Governments of the Cities and System of the Local Government]. *Tér és Társadalom* [Space and Society], vol. 22, no 1, pp. 59–75. (in Hungarian)
- Hegedüs J., Teller N. (2006) Managing risks in the new housing regimes of the transition countries. The case of Hungary In: Elsinga M., Doling J. eds. *Home Ownership: Getting In: Getting From, Getting Out, Part II*. Amsterdam, Hollandia. IOS Press, pp. 175–200.
- Hegedüs J., Teller N. (2007) Hungary: Escape into Homeownership. *Home Ownership Beyond Asset and Security: Perceptions of Housing Related Security and Insecurity in Eight European Countries* / M. Elsinga, P. De Decker, N. Teller, J. Toussaint (eds.). Amsterdam, Hollandia. IOS Press, pp. 133–172.
- Hegedüs J., Tosics I. (1990) Moving away from the Socialist Housing Model: The Changing Role of Filtering in Hungarian Housing. In: Van Vliet W., Weesep J.W. eds. *Government and Housing. Developments in Seven Countries*. Thousand Oaks (CA), USA. Sage, pp. 242–259
- Hegedüs J. (2004) The Housing Market and Residential Regional Mobility in the 1990s – the Case of Hungary. *The Hungarian Labor Market: Review and Analyses, Budapest, Magyarország. Hungarian Employment Foundation* / K. Fazekas, J. Koltay, Zs. Cseres-Gergely (eds.). Institute of Economics HAS, pp. 73–80.
- Kok H., Kovács Z. (1999) The Process of Suburbanization in the Agglomeration of Budapest. *Netherlands Journal of Housing A: The Built Environment*, vol. 2, pp. 119–142.
- Koós B. (2007) A szuburbanizációs folyamat a magyar gazdaságban [The Suburbanization Process in the Hungarian Economy]. *Közgazdasági Szemle* [Economic Review], vol. 4, pp. 334–349. (in Hungarian)
- Kovács Z. (1999) A szuburbanizáció jellemzői a budapesti agglomerációban. (Esettanulmányok) [Characteristics of Suburbanization in the Budapest Agglomeration - Case Studies]. *Földrajzi Értesítő* [Geographical Bulletin], vol. 1–2, pp. 93–126. (in Hungarian)
- Kovács, Z., Szabó, B. (2016) Urban restructuring and changing patterns of socio-economic segregation in Budapest. In: Tammaru, T; Marcińczak, S; Ham, M van; Musterd, S (eds) *Socio-Economic Segregation in European Capital Cities: East meets West New York USA, London, UK: Routledge* pp. 238–260.
- Kovács Z., Tosics I. (2014) Urban Sprawl on the Danube: the Impacts of Suburbanization in Budapest. *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe* / K. Stanilov, L. Sýkora (eds.). Oxford: Wiley-Blackwell, pp. 33–64.
- Kovács Zs., Farkas Zs.J., Egedy T., Kondor A. Cs., Szabó B., Lennert J., Baka D., Kohán B. (2019) Urban Sprawl and Land Conversion in Post-Socialist Cities. The Case of Metropolitan Budapest Cities, pp. 71–81.
- Kubes J. (2013) European Post-Socialist Cities and Their Near Hinterland in Intra-Urban Literature. *Bulletin of Geography, Socio-economic series*, vol. 19, pp. 19–43.
- Ladányi J. (2010) Market, State and Informal Networks in the Growth of Private Housing in Hungary. In: Forrest. Ray and Murie, Alan (szerk.) *Housing and Family Wealth*. New York USA, London, UK: Routledge, pp. 202–214.
- Ladányi J., Szelényi I. (2005) The Marginalization of Roma in Hungary. *ACTES DE LA RECHERCHE EN SCIENCES SOCIALES* 21: 160 p. 66
- Ladányi J., Szelényi I. (1997) Szuburbanizáció és gettósodás Szociális, etnikai és térszerkezeti változások az ezredforduló Magyarországon és Budapestjén [Suburbanization and Ghettoization - Social, Ethnic and Spatial Changes in the Millennium of Hungary and Budapest]. *Kritika* [Critique], vol. 6, pp. 4–12. (in Hungarian)
- Leetmaa K., Tammaru T., Anniste K. (2009) From Priority-Led to Market-Led Suburbanization in a Post-Communist Metropolis. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie* [Magazine for Economical and Social Geography], vol. 100, no 4, pp. 436–453.

- Lisowski A., Mantey D., Wilk W. (2014) Lessons from Warsaw: The Lack of Coordinated planning and Its Impacts on Urban Sprawl. *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe* / K. Stanilov, L. Sýkora (eds). Oxford: Wiley-Blackwell, pp. 225–255.
- Lux G. (2012) Fejlesztési problémák és területi együttműködési kapcsolatok magyar nagyvárosi agglomerációkban [Development Problems and Territorial Cooperation Relations in Hungarian Metropolitan Areas]. *Az agglomerációk intézményesítésének sajátos kérdései* [Specific Issues Concerning the Institutionalization of Agglomerations] / E. Somolydnyé Pfeil (ed.) Pécs: Publikon [Pécs: Publikon Publisher], pp. 153–180. (in Hungarian)
- Nuissl H., Rink D. (2005) The 'Production' of Urban Sprawl in Eastern Germany as a Phenomenon of Post-Socialist Transformation. *Cities*, vol. 22, no 2, pp. 123–134.
- Pichler-Milanovic N. (2014) Confronting Suburbanization in Ljubljana: From "Urbanization of the Countryside" to Urban Sprawl. *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe* / K. Stanilov, L. Sýkora (eds). Oxford: Wiley-Blackwell, pp. 65–96.
- Sailer-Fiege U. (1999) Characteristics of Post-Socialist Urban Transformation in East Central Europe. *GeoJournal*, vol. 49, pp. 7–16.
- Slaev A. D., Nedović-Budić Z., Krnić N., Petrić J., Daskalova D. (2019) Suburbanization and Sprawl in Post-socialist Belgrade and Sofia. *European Planning Studies*, vol. 26, no 7, pp. 1389-1412.
- Stanilov K., Sýkora L. (eds.) (2014) *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Stanilov K., Hirt S. Sprawling S. (2014) Postsocialist Suburban Growth in the Bulgarian Capital. *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe* / K. Stanilov, L. Sýkora (eds.). Oxford: Wiley-Blackwell, pp. 163–191.
- Statistical Yearbook of Budapest, KSH (1991) [Hungarian Central Statistical Office]. Budapest.
- Statistical Yearbook of Budapest, KSH (2001) [Hungarian Central Statistical Office]. Budapest.
- Statistical Yearbook of Budapest, KSH (2012) [Hungarian Central Statistical Office]. Budapest.
- Šveda M., Madajová M., Podolák P. (2016) Behind the Differentiation of Suburban Development in the Hinterland of Bratislava, Slovakia. *Czech Sociological Review*, vol. 52, no 6, pp. 893–925.
- Szirmai V., Váradi Zs., Kovács SZ., Baranyai N., Schuchmann J. (2011) Urban Sprawl and Its Spatial, Social Consequences in the Budapest Metropolitan Region. *Urban sprawl in Europe* / V. Szirmai (ed.). Budapest: Aula Könyvkiadó [Aula Publisher], pp. 141–187.
- Szirmai V. (2011) Urban Sprawl in Europe: An Introduction. *Urban Sprawl in Europe: Similarities or Differences?* / V. Szirmai V. (ed.). Budapest: Aula Kiadó [Aula Publisher], pp. 15–44.
- Tsenkova S., Nedović-Budić Z. (eds.) (2006) *The Urban Mosaic of Post-Socialist Europe*. Physica-Verlag Heidelberg.
- Váradi M. (1999) Hová megyünk lakni? Szuburbanizációs minták és konfliktusok a budapesti agglomeráció budai oldalán. Esettanulmány [Where are We Going to Live? Suburbanization Patterns and Conflicts on the Buda Side of the Budapest Agglomeration. Case Study]. *Társadalmi-gazdasági átalakulás a budapesti agglomerációban* [Socio-economic Transformation in the Budapest Agglomeration] / G. Barta, P. Beluszky (eds.). Budapest: Regionális Kutatási Alapítvány [Budapest: Regional Research Foundation], pp. 115–129. (in Hungarian)

Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. л. 8,5
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в филиале «Чеховский печатный
двор» ОАО «Первая образцовая типография»,
142300, Московская обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, 1

**ФАКУЛЬТЕТ
ГОРОДСКОГО И
РЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ**